

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 9. № 5/2023

DISCOURSE
Volume 9. No. 5/2023

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2023

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строговецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Александровский Р. А. Опыт дискурсивной проблематизации аксиоматики революции (К. С. Аксаков)	5
Филатова М. И. Кантовский поворот: между актуальной и потенциальной бесконечностью.....	15
Шатова Е. Н. «Текст культуры» как категория философии культуры: от семиотической теории к исследовательской практике	33
Тузov В. В., Изгарская А. А. Кумулятивные процессы в современной миросистеме через призму диалектики и синергетических закономерностей: о проблеме перехода к эгалитарному обществу в условиях многополярности	44

СОЦИОЛОГИЯ

Морайта И. А., Пруель Н. А. Повседневные коррупционные практики молодежи Аргентины и России: опыт сравнительного анализа	59
Огороднова А. М. Грубость или профессиональная компетентность: негативная коммуникация в информационно-политическом пространстве	75
Береговая О. А., Боброва А. С., Юрченко М. А. Развитие российско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования на современном этапе	86
Кудрявцева М. Е., Пряхина А. В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства	98

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Николаева М. Н., Трунова О. В. Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе	117
Каминская А. В. Интегральный подход к изучению дискурса (на материале голосовых сообщений)	129
Нильсен Е. А., Окулова Е. А. Номинативное поле концепта HAPPINESS в среднеанглийский и новоанглийский периоды	139
Смирнова А. А. Методы построения успешной «чат-бот коммуникации» в дискурсе продаж в сфере цифровых товаров (мобильные телефоны) на примере английского и русского языковых.....	150
Ершов А. А., Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Переключение кодов в парах коми-русский и карельский-русский языки	167
Правила представления рукописей авторами	184

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Aleksandrovskii R. A. The Experience of Discursive Problematization of the Axiomatics of Revolution (K.S. Aksakov)	5
Philatova M. I. Kant's Turn: Between Actual and Potential Infinity	15
Shatova E. N. "Text of Culture" as a Category of Cultural Philosophy: from Semiotic Theory to Research Practice	33
Tuzov V. V., Izgarskaya A. A. Cumulative Processes in the Modern World-System in the Prism of Dialectics and Laws of Synergetics: to the Problem of Transition to Egalitar Society under Conditions of Multipolarity.....	44

SOCIOLOGY

Morayta I. A., Pruel N. A. Everyday Corruption Practices of Young People in Argentina and Russia: the Experience of Comparative Analysis	59
Ogorodnova A. M. Rudeness or Professional Competence: Negative Communication in the Information and Political Field	75
Beregovaya O. A., Bobrova A. S., Yurchenko M. A. Development of Trends in Russian-Mongolian Educational Cooperation in New Conditions.....	86
Kudryavtseva M. E., Pryakhina A. V. Digital Culture of the Individual as a Factor in the Socio-Psychological Safety of the Digital Space	98

LINGUISTICS

Nikolaeva M. N., Trunova O. V. Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Publicist Discourse	117
Kaminskaya A. V. Integral Approach in Discourse Studies (Voice Messaging Study)	129
Nilsen E. A., Okulova E. A. The Nominative Field of HAPPINESS Concept in the Middle English and Modern English Periods.....	139
Smirnova A. A. Methods for Building Successful chatbot Communication in the Discourse of Sales in the Field of Digital Goods (Mobile Phones) on the Example of English and Russian Language Materials.....	150
Ershov A. A., Ivanova V. A., Ulianitckaia L. A. Komi-Russian and Karelian-Russian Code-Switching	167

Оригинальная статья
УДК 1(091); 141
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-5-14>

Опыт дискурсивной проблематизации аксиоматики революции (К. С. Аксаков)

Ростислав Александрович Александровский

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
r.aleksandrovsky@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5596-5315>*

Введение. В статье рассматриваются представления о революции, русском народе и государстве в трудах Константина Сергеевича Аксакова – известного русского публициста, литературного критика, поэта, одного из главных идеологов славянофильства. К его наследию на протяжении многих лет проявляли интерес многие исследователи российской философии и истории, отмечая оригинальность, самобытность и невероятную любовь к России. Целью данной статьи является анализ и освещение взглядов Константина Аксакова на революцию как рефлексию на события, происходившие в Европе и Российской империи в годы его жизни и творчества.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались на текстологический и концептуальный анализ работ К. С. Аксакова. Основными источниками являлись публицистические заметки, очерки и письма.

Результаты и обсуждение. На основе анализа историко-философских источников автор статьи приходит к выводу, что для комплексного анализа и полного понимания идеи революции в работах К. С. Аксакова необходимо пристально изучить ключевые понятия его философских взглядов на Россию, русский народ, государство и их взаимоотношения.

Заключение. Для К. С. Аксакова революция – явление исключительно западное. Русскому народу сама идея революции чужда, так как он сам избрал себе государство и заключил с ним равноправный союз, стремясь оградить себя от всякой государственной деятельности с целью пребывания в процессе нравственного и духовного совершенствования.

Ключевые слова: К. С. Аксаков, революция, русская философия, история русской философии

Для цитирования: Александровский Р. А. Опыт дискурсивной проблематизации аксиоматики революции (К. С. Аксаков) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-5-14.

© Александровский Р. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Experience of Discursive Problematization of the Axiomatics of Revolution (K.S. Aksakov)

Rostislav A. Aleksandrovskii

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
r.aleksandrovsky@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5596-5315>*

Introduction. This article discusses the ideas about the revolution, the Russian people and the state in the works of Konstantin Sergeevich Aksakov. K.S. Aksakov was a well-known Russian publicist, literary critic, poet and one of the main ideologists of Slavophilism. Over the years, many researchers of Russian philosophy and history have shown interest in his legacy, noting his originality and incredible love for Russia. The purpose of this article is to analyze and highlight the views of Konstantin Aksakov on the revolution - as a reflection on the events that took place in Europe and the Russian Empire during his life and work.

Methodology and sources. The results of the study were based on the textual and conceptual analysis of the works of K.S. Aksakov. The main sources were journalistic notes, essays and letters.

Results and discussion. Based on the analysis of historical and philosophical sources, the author of the article comes to the conclusion that for a comprehensive analysis and complete understanding of the idea of revolution in the works of K.S. Aksakov, it is necessary to closely study the key concepts of his philosophical views on Russia, the Russian people, the state and their relationship.

Conclusion. For K.S. Aksakov's revolution is an exclusively Western phenomenon. The very idea of revolution is extraneous to the Russian people, since the Russian people themselves chose the state for themselves and entered into an equal alliance with it, seeking to protect themselves from any state activity in order to stay in the process of moral and spiritual improvement.

Keywords: K.S. Aksakov, revolution, Russian philosophy, history of Russian philosophy

For citation: Aleksandrovskii, R.A. (2023), "The Experience of Discursive Problematization of the Axiomatics of Revolution (K.S. Aksakov)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-5-14 (Russia).

Введение. Предметом нашего исследования являются взгляды Константина Сергеевича Аксакова на идею революции, а также на историю и потенциал ее применения в рамках российского государства. Обращение к теме революции не случайно и является закономерной рефлексией на исторические события, современником которых являлся Аксаков: Июльская революция во Франции, революции 1848–1849 гг. в Европе, а на территории Российской империи – восстание декабристов, польское восстание 1830–1831 гг., а также Крымская война.

Методология и источники. Для понимания взглядов К. С. Аксакова на революцию необходимо рассмотреть несколько ключевых, на наш взгляд, тезисов, выдвинутых в его работах и касающихся российского народа, Российского государства, их взаимоотношений друг с другом, определения места России в мире и отдельно – отношений Запада и России. В своих работах Аксаков выделяет ключевые понятия, связанные с русским народом: собственно народ, народность и национальный характер, которые тесно связаны между собой.

Народ, по его мнению, это «та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество – бесплодной отвлеченностью» [1, с. 5]. Для Аксакова народ есть низшее сословие, крестьяне, «христиане» (он намеренно обращает внимание на этимологию этих двух слов, тем самым подчеркивая сакральную роль христианской православной веры). Истинно русским является именно эта часть населения, которая, в свою очередь, противопоставляется дворянству, российской «аристократии», мыслящей по западным образцам и одевающейся по западной моде, предавшей, по мнению славянофилов, свои корни.

Для понимания понятия «народ» важно и другое ключевое понятие – «народность». «Народность есть личность народа. Точно так же, как человек не может без личности, так и народ без народности» [1, с. 7]. Для Аксакова народность – буквально личность народа, без которой он является пустой оболочкой без нравственных ориентиров, понимания и цели существования, без жизни и возможности коммуникации с другими народами-личностями. «Народный» народ содержит в себе духовный и творческий потенциал, который приумножает культурное богатство мира.

Любопытно отметить, что концепция личности в трудах славянофилов, и Аксакова в частности, как правило, носит, скорее, негативный оттенок, связанный с Западом и его культурой. В своих трудах он не противопоставляет человеческую личность народу, но неоднократно подчеркивает ее второстепенную роль как в творческих произведениях, так и в трудах по истории России. Ярким примером этого может служить пьеса «Освобождение Москвы в 1612 году». В ней на первый план выходит народ, мотивы Пожарского подчеркнута «земские», направленные на интересы народа, который выступает здесь не массой, но хором отдельных поименованных голосов, направленным в едином порыве и с единой целью [2]. Отдельно стоит отметить образ Ляпунова, который, на первый взгляд, кажется надеждой и опорой русского народа, но главным героем ему стать не суждено, только сам народ в своем единстве может спасти Русь православную [3]. Таким образом, именно он и является главным героем произведения – это соотносится со всей славянофильской доктриной и мировоззрением Аксакова: «Простой народ есть основание всего общественного здания страны. И источник вещественного благосостояния, и источник внешнего могущества, источник внутренней силы и жизни, и наконец мысль всей страны пребывают в простом народе. Отдельные личности, возникая над ним, могут на поприще личной деятельности, личного сознания служить с разных сторон делу просвещения и человеческого преуспеяния; но тогда только и могут они что-нибудь сделать, когда коренятся в простом народе, когда между личностями и простым народом есть непрерывная живая связь и взаимное понимание» [1, с. 5]. Таким образом, народ должен быть целостным, все в нем должны мыслить и действовать в одном направлении, объединенные общей целью, в случае России – православной верой, которая является истоком русского человека и национального характера.

Для Аксакова русский народ содержит в себе знание и понимание собственного пути, нравственные и моральные ориентиры, чувство справедливости, и вследствие этого ему не нужны наставления и нравоучения «образованных» по чуждому западному образцу «просвещенных людей». Только внутренний дух народа, согласованный в своей праведности с православной верой, является истинным проводником России в его развитии. Важно отме-

тить, что, с точки зрения К. С. Аксакова, православие было легко принято русскими именно в силу того, что дух его соотносился с духом народа, т. е. «до христианства он был уже добрая почва, и что слово Божие, упавшее на него, как на добрую почву, возросло во благо» [4, с. 19]. Одной из ключевых мыслей является также необходимость признания каждого народа, избавление от мысли об исключительности, что соотносится с другой важной частью парадигмы Аксакова, ключом к пониманию которой является опять-таки православие, ведь мысль об исключительности, согласно православному учению, есть гордыня.

Важная характеристика русского народа – общинность. Эта концепция является одной из основных в философии славянофильства и, соответственно, в трудах К. С. Аксакова. Община – изначальный, исторический способ организации русского общества, ее концепция также тесно связана с христианством и христианской природой русского человека. «Община есть союз людей, отказывающихся от своего эгоизма, от личности своей, и являющих общее их согласие. Это действие любви, высокое действие христианское... Община представляет таким образом нравственный хор, и как в хоре не теряется голос, но, подчиняясь общему строю, слышится в согласии всех голосов, так и в общине не теряется личность, но, отказываясь от своей исключительности для согласия общего, она находит себя в высшем очищенном виде, в согласии равномерно самоотверженных личностей; ... община – торжество духа человеческого» [5, с. 291–292]. Как можно заметить, здесь повторяется идея народа как хора согласных голосов, отказавшихся от своей исключительности, присутствовавшая в «Освобождении Москвы в 1612 году».

Далее Аксаков пишет: «Община, этот высший нравственный образ человечества, является в несовершенном виде на земле. Христианство осветило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами» [5, с. 291–292]. Автор вновь подчеркивает важность христианства (православной веры) и предопределенность и правильность ее принятия русским народом.

Главным выражением деятельности общины является сбор участников (вече, собор) и обсуждение вопросов, связанных с ее существованием. Цель таких собраний – общее, единое согласие, что также для Аксакова является одной из ключевых характеристик русского народа, его «соборность». Ярким примером общинности являлись Земские соборы – естественным образом сложившийся институт, целью которого было коллегиальное принятие решений, связанных с дальнейшей жизнью русского народа. Земскость, земля – в философии Аксакова это одновременно и народ, и общинность, хранящие в себе духовность и нравственность народа, его жизненный уклад. В своей работе «Краткий исторический очерк Земских Соборов» он пишет: «Земский Собор имеет уже чисто Земский, чисто нравственный, человеческий характер. Здесь мнение имеет одно, достойное себя, проявление – слово. Ничего принудительного, никакого насильственного элемента он в себе не заключает; в противном случае это было бы или случайным проявлением грубой силы, или, если законным явлением, то уже государственным, а не Земским» [5, с. 304].

Автор также отмечает, что в современных ему условиях созыв Земского собора невозможен в силу оторванности друг от друга основных сословий. Причину этого он видит в Петровских реформах, которые, во-первых, разрушили исконно русский уклад жизни и организацию общества, во-вторых, сильно отдалили друг от друга народ, духовенство, дворянство и государство.

В рамках нашего исследования важно также осветить отношения народа, «земли» и государства. Аксаков подчеркивает несколько ключевых моментов во взаимодействии народа и государства.

Во-первых, он характеризует русский народ как «негосударственный» в том смысле, что власть как таковая народ не интересуется в силу приверженности иным ценностям. Государство необходимо народу исключительно как защитник его целостности – как территориальной, так и духовной. При этом попытки вмешательства государства в духовную жизнь автор осуждает – это прямое следствие того, что народ сам является носителем духа, носителем православной веры как источника нравственности. В подтверждение тезиса о «негосударственности» русского народа Аксаков в записке императору Александру II приводит пример призвания варягов на правление и также отказ народа править страной после изгнания поляков в 1612 г. [6].

Во-вторых, Аксаков подчеркивал разность путей приобретения государственности на Западе и на Руси, обращая внимание на насильственный характер европейских государств, основанных на принуждении. «Все европейские государства основаны завоеванием. Вражда есть начало их. Власть явилась там неприязненной и вооруженной и насильственно утвердилась у покоренных народов. Один народ или, лучше, одна дружина завоевывает народ, и образуется государство, в основе которого лежит Вражда, не покидающая его во все течение истории. (Если там и была тишина как явление, – в основе лежала вражда.)» [7, с. 8]. В противовес этому русский народ истинно по-христиански делегировал властные функции, призвав на правление варягов, из чего вытекает и природа взаимодействия народа и государства – не насильственная, основанная на принуждении, но договорная, основанная на равенстве и союзе: «Русское государство, напротив, было основано не завоеванием, а добровольным призванием власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие есть его начало. Власть явилась у нас желанной, не враждебной, но защитной и утвердилась с согласия народного... <...> В основании государства русского: добровольность, свобода и мир...» [7, с. 8].

В-третьих, образование государства у славян – явление вынужденное, связанное с угрозой недружественных соседей: «Земля призвала себе государство на защиту, ограждение: прежде всего от врагов внешних, потом и от врагов внутренних. Отношение земли и государства легло в основание русской истории» [7, с. 10]. Функциями государственности и государства, по Аксакову, являются защита земли от внешних врагов, защита прав людей и свободы общественного мнения. Промышленность, торговля, быт и нравственная жизнь оставались в зоне ответственности народа. Люди выполняют государственные требования, но свободны выразить свое мнение, которое обладает лишь нравственной силой [7].

В-четвертых, монархия выступает как единственно возможная форма власти в России. «Только власть монарха – власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархический народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский» [6, с. 61]. Здесь мы видим подтверждение тезисов о «негосударственности» народа и его основной миссии, которой является нравственно-общественная жизнь. Только неограниченная власть монарха может гарантировать народу свободу производственной, нравственной и общественной жизни, ее обеспечение и является главной задачей государства.

Но в то же время в своих работах Аксаков обращает внимание и на возможную «вредность государства». Наиболее явно это прослеживается в критике Петра Великого и его реформ. Ярким примером является вступительная часть его диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В ней Аксаков критикует путь, выбранный Петром для России, горько отмечая, что он привел народ к разрыву со своим собственным Отечеством, к безотчетному подражанию Западу, его «просвещению», которое «деспотично господствовало на протяжении столетия». По мнению автора, весь период после «петровской революции» пронизан навязыванием западного образа жизни и мышления, что негативно сказывалось на народности России, заставляя людей отказываться от истории, искусства и даже языка [8]. Свидетельством этого он указывает и перенесение столицы из исконно русского города Москвы в новое, не связанное с историей России место, с нерусским названием «Петербург»: «Столицей нашей стал город с чужим именем, на берегах чуждых, не связанный с Россиею никакими историческими воспоминаниями» [8, с. 6]. Для славянофилов Петр своими действиями сломал вековые устои русского общества, разрушил исторически сформировавшиеся общественные институты земства, заменив их на западный манер различными бюрократическими институтами: министерствами, коллегиями, упразднил институт патриаршества, заменив его вначале Духовной коллегией, а затем Священным Синодом, превратив церковь в часть государственного аппарата, тем самым окончательно нарушив тот самый «договор между государством и земством», о котором было сказано выше.

Несмотря на это, важным моментом в размышлениях Аксакова является надежда на грядущее возрождение русского народа именно в славянофильском понимании, и указание на то, что даже подобные преобразования не являются концом народа и его погибелью: «...не в удалении от иных стран, не в страхе ищет она опоры; нет, мы приняли в себя просвещение Запада, приняли его не даром и не боимся, чтобы оттого поколебался наш вновь возникший союз; односторонность исчезла, просвещение доводит всегда до истины; его сознательным путем дошли мы до необходимости национальной жизни, но не исключительной, как прежде, и, уступая вместе влечению нашего чувства, никогда нас вполне не оставлявшего, мы возвращаемся, откинув далеко отчуждение предыдущего отрицательного периода, полные любви и разумного убеждения к отечеству...» [8, с. 6–7]. Здесь стоит отметить, что таким образом Аксаков делит историю российского государства на три периода: допетровский, характеризующийся исключительной национальностью; далее петровский с оголтелым принятием западных моделей организации, поведения и мышления, и настоящий/грядущий, который должен стать синтезом двух предыдущих, обновив русский народ, привив ему истинную любовь к Отечеству и своей истории, на что и уповаet автор и его единомышленники.

Результаты и обсуждение. Исследовав и раскрыв понятия народа, народности, земскости и государства, а также отношения между ними, можно приступить к изучению взглядов Константина Аксакова на революцию.

Одним из важных документов, который необходимо упомянуть в связи со сменой взглядов в славянофильской философии Аксакова, является «Высочайший Манифестъ о событіяхъ въ Западной Европѣ» Николая I от 14 марта 1848 г., изданный по поводу революций,

происходивших по всей Европе и содержащий следующие строки: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшей по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей Богом вверенной России» [9]. Этот манифест был естественной реакцией самодержавной власти Российской империи, которая не могла не отреагировать на «смуты, грозящие ниспровержением законных властей», наблюдая со стороны итоги предыдущих революционных событий на Западе, и особенно памятуя недавнее восстание декабристов и польское восстание 1830–1831 гг. Со страниц манифеста Николай I обозначает государственную позицию в отношении подобной деятельности, обращаясь к народу и подчеркивая единство с ним фразой «За Веру, Царя и Отечество», призывая защищать «честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ НАШИХЪ».

Аксаков с восторгом встретил данный Манифест и писал А. Н. Попову по этому поводу следующее: «Как смело и в то же время умеренно, с каким достоинством и благородством, с какою твердостью написано» [10, с. 214]. Впоследствии Аксаковым было написано письмо к Николаю I, в котором можно четко выделить его мысли по поводу революции и России. Впервые упоминание об этом письме встречается у историка Н. И. Цимбаева в статье «Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 г.», изданной Вестником Московского университета в 1976 г. [11]. Согласно статье А. П. Дмитриева «Россия перед угрозой революции: неопубликованное письмо К. С. Аксакова к Николаю I от 28 марта 1848 года», письмо имеет несколько редакций – черновую, пространную и краткую (беловую) редакции, выполненные рукой самого Константина Сергеевича с пометками его брата Ивана. В письме явственно прослеживается вся описанная нами идеология Аксакова: особенность русского народа, важность исторических, «допетровских» традиций общественного устройства, ключевая роль православия в становлении и жизни России, «Святой Руси», отношения между народом, «землей» и государством. В нем автор обращает внимание Николая I на «негосударственность» русского народа, указывая, что главная забота этого народа – «быт и нравственная внутренняя жизнь, Верою основанная» [10, с. 219]. Это является одним из ключевых аргументов мысли о том, почему революция как акт неповиновения и смуты, пристекающий из жажды власти и поиска идеальных, но невозможных форм правления, чужда русскому народу.

Обвиняя другие народы, которые, по его мнению, не имеют внутренней силы, нравственности, т. е. не имеют «народности», в отличие от русских, Аксаков подчеркивает, что избранный ими путь «насильственных переворотов, судорожных революций» является следствием недостатка этой самой духовной силы. Революция чужда для русского народа, так как его путь – «внутренний, мирный и нравственный, путь смирения, истинный путь Православной нашей Христианской Веры» [10, с. 219].

Далее в письме автор указывает на порочность и ненадежность той части России, которая поддалась влиянию Запада, «прививая себе его болезни, и, стало быть, последствия его болезней». Для Аксакова – это и есть горе и печаль России. Тут же он указывает на «лекарство» от этой «болезни»: «...довольно нам быть Русским, чтобы отделиться от всего этого

зла» [10, с. 229]. Следствием проникновения и укоренения тлетворного западного влияния Константин Сергеевич видит реформы Петра, которые также определяет как революцию, хотя она и была произведена монархом. Таким образом, Петр Великий выступает у него как главный революционер, принесший с Запада тлетворный революционный дух и вложивший своими преобразованиями его семя в русское общество. Разросшись, это семя начало захватывать умы новоявленной аристократии, дворянства, уводя от истинно народного, русского, от святых начал православной веры, которая сохранилась только в простом народе. Следствием этого являлись и все последующие, небывалые и нехарактерные для России, по мнению Аксакова, события – революционные попытки, государственные перевороты, низложение Петра III, а также восстание декабристов. Это противоречит самому духу русского народа, его смиренности, покорности и нравственности, и именно поэтому порочную связь с Западом необходимо разорвать, дабы пресечь дальнейшие проникновения западного зла в русское общество, ибо русский народ, сам призвавший государство и заключивший с ним равноправный союз, не будет унижать свое достоинство подобными предательскими действиями.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для К. С. Аксакова революция – явление исключительно западное, которое свойственно государствам, в основе своего образования имеющим насилие, это удел бездуховных народов, утопающих в бесплотных попытках поиска идеального устройства. Настоящему русскому человеку, русскому народу сама идея революции не просто чужда, а противна – ведь сам русский народ избрал себе государство и заключил с ним равный союз, стремясь оградить себя от всякой государственной деятельности с целью пребывания в процессе нравственного и духовного совершенствования. Задачей государства в ситуации революционной угрозы является скорейший разрыв связей с Западом и уменьшение его влияния. Идеи революции и всяческих смут в Российском государстве могут продвигать исключительно «подражатели Запада», но эти попытки заранее обречены на провал – ведь носителем русского духа является народ, который всегда будет хранить и оберегать свои духовные богатства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Публицистические статьи // Молва. 1857. № 2. 20 апреля.
2. Юнусов И. Ш. О проблеме национального характера в пьесе К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 141–153.
3. Аксаков К. С. Освобождение Москвы в 1612 году. М.: Тип. Н. Степанова, 1848.
4. Аксаков К. С. О русской истории // Полное собрание сочинений. Т. 1. Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. С. 17–24.
5. Аксаков К. С. Краткий очерк Земских Соборов // Полное собрание сочинений. Т. 1. Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. С. 291–306.
6. Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е гг.: хрестоматия / под ред. А. А. Ширинянца. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 56–78.
7. Аксаков К. С. Об основных началах русской истории // Полное собрание сочинений. Т. 1. Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. С. 1–16.
8. Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра Философского факультета Первого отделения. М.: Тип. Н. Степанова, 1846.

9. Высочайший Манифестъ о событіяхъ въ Западной Европѣ (1848 г., Марта 14) // Русскій Порталь. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1848_03_14_01 (дата обращения: 03.02.2023).

10. Дмитриев А. П. Россия перед угрозой революции: неопубликованное письмо К. С. Аксакова к Николаю I от 28 марта 1848 г. (краткая и пространная редакции) // Литературоведческий журнал. 2022. № 1 (55). С. 211–239.

11. Цимбаев Н. И. Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1976. № 5. С. 81–95.

Информация об авторе.

Александровский Ростислав Александрович – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: история философии, философия революции, аксиоматика революции.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.01.2023; принята после рецензирования 28.03.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Aksakov, K.S. (1857), "Journalistic articles", *Molva*, no. 2, April 20, RUS.
2. Yunusov, I. (2005), "National character in the K. S. Aksakov's play liberation of Moscow in 1612", *Izvestia: Herzen Univ. J. of Humanities & Sciences*, vol. 5, no. 11, pp. 141–153.
3. Aksakov, K.S. (1848), *Osvobozhdenie Moskvy v 1612 godu* [Liberation of Moscow in 1612], Tip. N. Stepanova, Moscow, RUS.
4. Aksakov, K.S. (1861), "About Russian history", *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete collection of works. Vol. 1. Historical writings], Tip. P. Bakhmeteva, Moscow, RUS, pp. 17–24.
5. Aksakov, K.S. (1861), "Brief outline of Zemsky Sobors", *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete collection of works. Vol. 1. Historical writings], Tip. P. Bakhmeteva, Moscow, RUS, pp. 291–306.
6. "Note by K. S. Aksakov "On the internal state of Russia", Presented to Emperor Alexander II in 1855" (2012), *Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. 1850–1860-e gg.: Khrestomatiya* [Russian socio-political thought. 1850–1860s: Reader], in Shupinyants, A.A. (ed.), *Izd-vo Mosk. un-ta*, Moscow, pp. 56–78.
7. Aksakov, K.S. (1861), "On the basic principles of Russian history", *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1. Sochineniya istoricheskie* [Complete collection of works. Vol. 1. Historical writings], Tip. P. Bakhmeteva, Moscow, RUS, pp. 1–16.
8. Aksakov, K.S. (1846), *Lomonosov v istorii russkoi literatury i russkogo yazyka. Rassuzhdenie kandidata Moskovskogo universiteta Konstantina Aksakova, pisannoe na stepen' magistra Filosofskogo fakul'teta Pervogo otdeleniya* [Lomonosov in the history of Russian literature and the Russian language. Reasoning of the candidate of the Moscow University Konstantin Aksakov, written for a master's degree of the Faculty of Philosophy of the First Department], Tip. N. Stepanova, Moscow, RUS.
9. "The Highest Manifesto on events in Western Europe (1848, March 14)", *Russian Portal*, available at https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1848_03_14_01 (accessed 03.02.2023).
10. Dmitriev, A.P. (2022), "Russia facing the threat of revolution: unpublished letter from K.S. Aksakov to Nicholas I dated march 28, 1848 (short and lengthy edition)", *Literaturovedcheskii zhurnal*, iss. 1 (55), pp. 211–239.
11. Tsimbaev, N.I. (1976), "From the history of Slavophile political thought. K.S. Aksakov in 1848", *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 9. History*, no. 5, pp. 81–95.

Information about the author.

Rostislav A. Alexandrovskii – Postgraduate at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: history of philosophy, philosophy of revolution, axiomatics of revolution.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.01.2023; adopted after review 28.03.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья

УДК 141; 125

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-15-32>

Кантовский поворот: между актуальной и потенциальной бесконечностью

Мария Игоревна Филатова

*Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И. И. Иванова, Курск, Россия,
m.philatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>*

Введение. Цель статьи – показать, что кантовский поворот является ответом на проблему актуальной бесконечности, в свете которой становится понятно, каким образом Кант способствовал повороту западной эпистемологии к неклассике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сделать современную эпистемологию более «зрячей» по отношению к собственным перспективам и возможностям.

Методология и источники. Осуществляется реконструкция и критический анализ подхода Канта к нейтрализации проблемы актуальной бесконечности на основе привлечения как первоисточников, так и историко-философских и историко-научных работ, современных исследований в области теории познания.

Результаты и обсуждение. Кантовским разделением «в себе» и «для нас» конечный и зависимый мир отрезается от бесконечного и независимого. Последний опустошается от своего теологического содержания (унаследованного от Николая Кузанского) и вместо центрального получает периферийное значение, объявляется непознаваемой вещью в себе, а первый наделяется некоторыми свойствами последнего и объявляется самодостаточным образованием. Так трансцендентное становится трансцендентальным, а проблема связи конечного и бесконечного, обсуждаемая предшественниками Канта (Галилеем, Декартом и др.), нейтрализуется и переходит в разряд антиномий. Но обнаружение несостоятельности кантовского разделения «в себе» и «для нас» делает проблему соотношения конечного и бесконечного вновь актуальной. Однако теперь первое становится уже совершенно «слепым» по отношению к последнему, так что все, находящееся за пределами «для нас», может быть отнесено к «в себе». Так на месте актуальной бесконечности как трансцендентного возникает потенциальная бесконечность, не знающая пределов своей имманентности. Показано, что такая подмена, оставаясь неопознанной, способна дезориентировать современную теорию познания еще больше.

Заключение. Выявление того, каким образом переосмысление Кантом соотношения конечного и бесконечного способствовало подмене актуальной бесконечности бесконечностью потенциальной, дает понять, что такой подменой не нейтрализуется исходная проблема актуальной бесконечности, но что такая подмена сама является реальной проблемой, заострение которой сулит большие перемены в теории познания.

Ключевые слова: актуальная бесконечность, потенциальная бесконечность, антиномии, кантовский поворот, классическая и неклассическая эпистемология, генезис новоевропейского естествознания

Для цитирования: Филатова М. И. Кантовский поворот: между актуальной и потенциальной бесконечностью // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 15–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-15-32.

© Филатова М. И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Kant's Turn: Between Actual and Potential Infinity

Maria I. Philatova

*Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy, Kursk, Russia,
m.philatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>*

Introduction. The purpose of the article is to show that Kant's turn is the answer to the problem of actual infinity, in the light of which it becomes clear how Immanuel Kant contributed to the turn of Western epistemology to non-classics. The relevance of the research is due to the need to make modern epistemology more "sighted" in relation to its own prospects and opportunities.

Methodology and sources. The author of the article reconstructs and critically analyzes Kant's approach to neutralizing the problem of actual infinity on the basis of the involvement of both primary sources and historical-philosophical and historical-scientific works, modern research in the field of the theory of cognition.

Results and discussion. Kant's separation of "in itself" and "for us" separates the finite and dependent world from the infinite and independent. The latter is emptied of its theological content (inherited from Nicholas of Cusa) and, instead of a central meaning, receives a peripheral one, is declared an unknowable thing in itself. And the former is endowed with some properties of the latter and is declared a self-sufficient education. So the transcendent becomes transcendental, and the problem of the connection between the finite and the infinite, discussed by Kant's predecessors (Galileo, Descartes, etc.), is neutralized and passes into the category of antinomies. But the discovery of the inconsistency of Kant's separation "in itself" and "for us" makes the problem of the ratio of the finite and the infinite relevant again. However, now the former becomes completely blind to the latter, so that everything that is beyond "for us" can be attributed to "in itself". Thus, in place of the actual infinity as transcendent, a potential infinity arises that does not know the limits of its immanence. The author of the article shows that such substitution, while remaining unidentified, can disorient the modern theory of cognition even more.

Conclusion. Revealing how Kant's reinterpretation of the relation of the finite and the infinite contributed to the substitution of the actual infinity by the potential infinity makes it clear that such a substitution does not neutralize the original problem of the actual infinity, but that such a substitution is itself a real problem, the sharpening of which promises great changes in the theory of knowledge.

Keywords: actual infinity, potential infinity, antinomies, Kant's turn, classical and non-classical epistemology, genesis of New European natural science

For citation: Philatova, M.I. (2023), "Kant's Turn: Between Actual and Potential Infinity", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 15–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-15-32 (Russia).

Введение. Кант остается одним из самых неоднозначных представителей истории философии. Совершенная им «коперниканская революция» в теории познания признается первым уверенным шагом европейской философии на пути ниспровержения классики. Канта признают родоначальником конструктивизма, ставшего сегодня мейнстримом современной философии [1]. Но наряду с этим устоялась тенденция противопоставления Канта и конструктивистов, в русле которой нередко настаивают на несовместимости того и другого [2].

С другой стороны, оправданность стремлений неклассической эпистемологии занять место классики остается дискутируемой темой и имеет как сторонников, так и противников.

Так, по мнению Б. И. Пружинина, перед современной эпистемологией стоит задача «понять современные течения не как “передовые” прозрения истины, а как проблематизации» [3, с. 244]. Он считает, что сегодня «надо искать форму трансформации возможностей познания, искать философскую формулу познания, а не пытаться возводить в норму описания различного рода отклонений от нее» [3, с. 246]. Ввиду этого прояснение вопроса о месте Канта в историко-философском процессе и его вкладе в развитие эпистемологии может стать весомым аргументом в пользу одной из противостоящих позиций. Но для начала следует определиться с общими контурами рассматриваемого вопроса, а именно с тем, в чем суть кризиса классической эпистемологии и какая проблема привела к необходимости ниспровержения эпистемологической классики.

Как будет показано, такой проблемой стала нереализуемость актуальной бесконечности. Заострение этой проблемы во времена Канта было спровоцировано тем, что его ближайшими предшественниками, основателями новоевропейской эпистемологии (Галилеем и Декартом) возможность реализации актуальной бесконечности была неоправданно допущена. Проект математического естествознания, само обоснование возможности математизации природы утверждались на допущении актуальной бесконечности. Поэтому первостепенная задача основателей новоевропейской науки состояла в том, чтобы легализовать актуальную бесконечность. Исследователям истории и философии науки известна крайняя заинтересованность Галилея и Декарта в возможности положительного понимания актуальной бесконечности. Историк науки А. Койре считает, что Декарт в этом вопросе превосходит Кантора мощью и глубиной своих взглядов [4, с. 40].

Однако заинтересованность основателей новоевропейской науки в положительном понимании актуальной бесконечности не дала ожидаемого результата. Возможно, поэтому исследователи не придают должного значения таким исканиям. Так, касаясь вклада Галилея в подготовку фундамента механики нового времени, П. П. Гайденок замечает, что исследователи «до сих пор обращали мало внимания» на то, что «в своих философско-методологических гипотезах он [Галилей] оказывается последователем Николая Кузанского» [5, с. 56]. Но несмотря на отсутствие положительного понимания актуальной бесконечности, основанный на ее допущении проект математического естествознания все же утвердился в европейской науке. И уже это одно должно было дать повод ожидать, что осознание невозможности реализации актуальной бесконечности, которое рано или поздно должно было прийти на смену исканиям такой возможности, приведет к реформации проекта математического естествознания, причем реформации радикальной. И действительно, по представлениям эпистемологии неклассической, математическая физика остается возможной, но только не на том основании, которое полагали ее создатели. Как оказалось, ее основанием является не актуальная, а потенциальная бесконечность. Современные проблемы в философских основаниях науки, вызванные несоответствием между тем, чем пытались сделать науку ее основатели, и тем, чем она явилась на самом деле, обращают взоры исследователей к категории потенциальной бесконечности. Одной из таких проблем является широко дискутируемая проблема эпистемологического релятивизма, удовлетворительное понимание которой требует признания того, что наука имеет дело с потенциально бесконечной реальностью [6].

На перспективности представления о потенциально бесконечной реальности в борьбе с антиреализмом настаивает Э. Агацци. В работе «Научная объективность и ее контексты»

он пишет, что «область референтов, очевидно, не задается, но находится в состоянии постоянного строительства, в том смысле, что это открытое и **потенциально бесконечное** множество» [7, с. 215]; что «...вещь есть **потенциально бесконечная** связка предикатов <...> вещь может рассматриваться с **потенциально бесконечного** числа точек зрения и, таким образом, считается обладающей **бесконечным** числом свойств (*выделено мной – М. Ф.*)» [7, с. 270].

Свой вклад в пересмотр оснований новоевропейского проекта математизации природы вносит К. Мейясу. Он напоминает, что творцы новоевропейской науки с самого начала стремились сделать ее описания безотносительными к субъекту, очистить от всего, называемого тогда «идолами» и «вторичными качествами». Такие стремления творцов науки и были реализованы в отстаиваемой ими возможности математического описания природы. Однако значение их достижений было поколеблено кантовским поворотом, отделившим непознаваемую реальность «в себе» от данной «для нас» (о том, как такое разделение было связано с проблемой нереализуемости актуальной бесконечности, пойдет речь в данной статье). В связи с этим Мейясу считает недоразумением устоявшееся сравнение кантовского поворота с коперниканской революцией. Он уверен, что его следовало бы признать, наоборот, реваншем Птолимея [8, с. 167–194]. На фоне этого Мейясу показывает, что достижения творцов науки могут быть восстановлены, что корреляционный круг, замыкающий познание на том, что является «для нас», и оставляющий то, что существует «в себе» непознаваемым, может быть разорван, если признать, что единственное «в себе», которое находится за пределами этого круга, есть потенциальная бесконечность или нетотализируемое трансфинитное. Оно и признается теперь абсолютном, который есть не что иное, как крайняя форма хаоса, гиперхаос, поддерживаемый принципом неоснования, или не-Всё как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного [8, с. 91, 94, 165].

Замена основания в проекте математизации природы ведет к радикальным изменениям сути самого проекта прежде всего потому, что новое основание, это не какое-то другое основание, а именно неоснование как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного (потенциально бесконечного). При этом возможность и необходимость такой радикальной трансформации новоевропейского проекта математизации природы была изначально в нем заложена ввиду принципиальной нереализуемости актуальной бесконечности. Таким образом, эпистемологическая классика¹ и неклассика оказываются довольно тесно связаны между собой, несмотря на признаки крайнего различия. Ведь последняя утверждается на отрицании положений первой (не-фундаментализм, не-наукоцентризм, не-субъектоцентризм) [3, с. 234]. А раз так, то и переходный этап от классики к неклассике, представленный кантовским поворотом, должен сочетать в себе черты и того и другого, что и фиксирует проблема неоднозначности места Канта в истории философии и его вклада в развитие эпистемологии. Однако такое прямое соотнесение Канта с современными ему событиями в истории и философии науки, связанными с неоправданным принятием актуальной бесконечности, осложняется тем обстоятельством, что сам факт влияния проблемы актуальной бесконечности на развитие этих событий остается малоисследованным. Возможно, что именно

---

¹ Как утверждает Б. И. Пружинин, контуры классической эпистемологии – концептуальный инструментарий, стержневая проблематика и набор основных решений проблем – определились в XVII в. [3, с. 235].

отсутствие ясности в этом вопросе становится причиной тех затруднений в определении подлинного места Канта в истории философии, с которыми сталкиваются исследователи. К такому соображению подводит М. К. Мамардашвили в работе «Кантианские вариации» [9], где встречаются частые замечания о том, что общепринятые, устоявшиеся представления о кантовской философии не соответствуют ее подлинному смыслу. При этом, восстанавливая последний, Мамардашвили опирается именно на проблему актуальной бесконечности.

В европейскую философию актуальная бесконечность вошла благодаря теологическим спекуляциям Николая Кузанского, основанным на представлении о трансцендентной реальности христианского Бога-Творца как отличной от сотворенного мира актуально бесконечной сущности, понятие о которой может быть только апофатическим. По причине этого последнего обстоятельства Кузанский, говоря о возможности приобщения конечной природы к актуально бесконечной, не придавал прямого значения своим рассуждениям. Он говорил не о действительной природе, а о воображаемой, в отношении которой можно каким-то скачком мысли допустить причастность к актуально бесконечному. Как поясняет П. П. Гайденко, «между потенциальной бесконечностью возрастания величины и актуальной бесконечностью всегда остается “зияние”, непреходимая пропасть, и Кузанец совершает здесь “скачок”, никакой логикой не объяснимой. Но с помощью этого “скачка”, совершаемого в действительности с помощью теологических, а не математических понятий, в рассуждения о математических предметах вводится понятие актуальной бесконечности» [5, с. 55].

Онтологический проект Кузанского стал эпохальным для европейской интеллектуальной культуры того времени и был воспринят основателями новоевропейской науки. По словам А. В. Ахутина, в онтологическом проекте Кузанского нетрудно распознать черты новой природы, равно как и нового (ноевропейского) мышления [10, с. 51]. Однако вопреки Кузанскому он стал применяться к действительному, а не к воображаемому миру.

Касаясь этого эпизода, историки науки затрудняются с разъяснением возможности такого перехода. Так, Л. М. Косарева констатирует присутствие стихийных эффектов в качестве движущих сил этого события. Она утверждает, что невиданный успех ньютонианства породил эффект его догматизации, хотя сам Ньютон никогда не считал свою концепцию тяготения достоверным знанием в аристотелевском смысле [11, с. 217]. Невозможность указать на основания перехода от вероятностной концепции естествознания к положительной науке (таким основанием должно было стать положительное понятие актуальной бесконечности) в каком-то смысле обесценивает проблему данного перехода для исследователей.

Проблема перехода от вероятностной эпистемологии к положительной науке осложняется еще и тем обстоятельством, что отсутствие положительного понятия актуальной бесконечности (как основания такого перехода) влечет за собой необходимость признать бесосновательным сам проект новоевропейского математического естествознания как положительной науки [12]. Но это в свою очередь плохо согласуется с фактом его действительно невероятной успешности. К тому же для полноценного исследования проблемы перехода от вероятностной эпистемологии к положительной науке в истории новоевропейской философии и науки на самом деле очень мало данных. Дело в том, что современники этого перехода не высказывались о его основательности открыто, иначе этого перехода могло бы и вовсе не произойти. Но были и такие мыслители, которые хотя и не обсуждали этот вопрос открыто, но в

то же время и не закрывали глаза на проблему его нерешенности, считая, что последствия ее все равно рано или поздно дадут о себе знать. Таким был Кант. Несмотря на то, что традиционно истоки его философской позиции связывают с именами Беркли и Юма и теми проблемами, которыми они занимались, однако здесь возможны и другие взгляды. Так, А. В. Ахутин видит связь между незнанием, воспринятым творцами новоевропейской науки через Николая Кузанского, и агностицизмом Канта [10, с. 70]. Но суть этой связи А. В. Ахутин в своей работе не раскрывает. Эту задачу ставит перед собой автор данной статьи.

Методология и источники. В статье осуществляется реконструкция и критический анализ подхода Канта к нейтрализации проблемы актуальной бесконечности на основе привлечения как первоисточников, так и историко-философских и историко-научных работ, современных исследований в области теории познания. Последние представлены работами Е. Н. Князевой, В. А. Лекторского, Б. И. Пружинина, С. Цоколова, К. Мейясу, Э. Агацци и др. Из историко-научных и историко-философских работ привлекаются исследования Л. М. Косаревой, В. Н. Катасонова, А. Койре, А. В. Ахутина, П. П. Гайденко, В. С. Библера и др. Отдельно выделяются «Кантианские вариации» М. К. Мамардашвили, где уже были сделаны некоторые шаги в направлении признания кантовского поворота ответом на проблему актуальной бесконечности. Продолжением их является настоящее исследование.

Результаты и обсуждение. Кант пытался реформировать онтологический проект Николая Кузанского с тем, чтобы сохранить завоевания основанной на нем вероятностной эпистемологии, т. е. возможность математизации природы, но при этом сделать эту возможность применимой к старому (конечному) миру, а не к тому новому, который предполагается лишь как воображаемый, а не действительный мир. Основатели новоевропейской науки (Галилей, Декарт, Ньютон и др.) пытались действовать здесь напрямую и так или иначе искали способ сам старый мир «сделать» новым на основе положительного понимания актуальной бесконечности¹. Беркли, наоборот, исходя из христианского представления об актуально бесконечной сущности Бога-Творца, настаивал на качественном отличии воспринимаемого Богом от того, что воспринимается конечным духом, притом, что для Беркли существовать – это значит быть воспринимаемым. А поскольку у Беркли чувственные вещи суть божественные идеи, в том виде как они представлены конечным человеческим духом, то отсюда очень простым ходом он делал вывод об иллюзорности всякого опытного чувственного познания. Кант подошел к этой проблеме по-другому. Он оказался способен из тех же представлений о соотношении конечного и бесконечного, что и Беркли, «каким-то поворотом зрения и мышления сделать совершенно иной, неожиданный и решающий проблему вывод» [9, с. 153]. Кант указывает на такие особенности конечной природы, которыми нейтрализуется проблема соотношения конечного с бесконечным. По сути, эта проблема является проблемой соотношения имманентного и трансцендентного, в том смысле, что последнее как «конец» бесконечного пути всегда будет оставаться непроходимым конечными шагами. Для

---

¹ Так, в «Беседах» Галилея можно встретить парадоксальные математические эксперименты, как бы открывающие бесконечность конечных форм [13]. Для Декарта, как утверждает А. Койре, «именно бесконечное является первичным и позитивным понятием, так что конечное может быть понято лишь посредством отрицания бесконечного» [4, с. 42]. У Лейбница, согласно его принципу законпостоянства, частным случаем которого является принцип непрерывности, свойства конечного переносились «на бесконечность» [14]. У Ньютона конечное (относительное) пространство было непосредственной частью абсолютного и бесконечного.

Канта же эта проблема становится псевдопроблемой. И основанием для такого переворота становятся сами особенности конечной природы.

Так, с одной стороны, основания для видимых вещей идут в бесконечность, для одного основания есть другое основание и т. д. Но, с другой стороны, в каждый данный момент существует особый акт, в котором должны быть основания для остановки. Нужно что-то подумать *уже сейчас* и *уже сейчас* нужно что-то делать. «Ведь мы не можем не думать, ожидая сбора всех знаний», – поясняет Мамардашвили [9, с. 175]. По его словам, это и есть ограничение, накладываемое на наше конечное существование стихией практического [9, с. 175]. Но в этом «сейчас», – продолжает Мамардашвили, – и будет проглядывать для Канта «всеохватывающее и в этом смысле бесконечно мощное отношение» [9, с. 112], где бесконечное, не поддающееся обзору конечными шагами, все представлено целиком [9, с. 176]. Так, бесконечное как трансцендентное становится у Канта трансцендентальным. То есть, если при традиционном понимании бесконечного как трансцендентного оно представляется чем-то, находящимся в конце бесконечного непроходимого пути, то для Канта оно, наоборот, есть то, что присутствует сразу в самом начале. Такого понятия о бесконечном Кант достигает следующим образом.

Он отталкивается от популярной в его время идеи бесконечного множества миров, среди которых действительный мир является лишь одним из возможных. Об идее множества миров Кант говорит уже в самом начале своей первой опубликованной работы «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746) [15, с. 68–69]. Миры различаются на основании различия их пространств, которые определяются тем или иным устройством чувственности. До тех пор, пока конкретное устройство чувственности не определило в соответствии с собой, каким быть пространству одного из множества всех возможных миров, все это множество, по Канту, как бы находится в одной точке. Этим взгляды Канта на проблему бесконечности миров отличаются от представлений Бруно, для которого бесконечность в этом случае есть именно пространственная бесконечность в ее актуальном состоянии, в связи с чем вопрос о том, что она собой представляет, становится для него обсуждаемым вопросом. Иначе для Канта. Поскольку в связи с нашим устройством чувственности наш мир *уже* определился в качестве *этого* мира, то этот факт сам становится для нашего мира простым началом, а все, что было раньше него, т. е. бесконечность как множество всех возможных миров, теперь уже не может входить в содержание нашего знания о мире и не может быть для нас обсуждаемым вопросом.

Таким образом, на этом этапе у Канта конечное как бы отрезается от бесконечного *фактом* определения пространства нашего мира на основе нашего устройства чувственности. Этим проблема связи конечного и бесконечного как таковая нейтрализуется и переходит в центральную для Канта проблему антиномий.

Вместе с тем ограничение возможностей нашего познания нашим устройством (причем по большому счету случайным устройством) чувственности отмечает кантовскую теорию познания печатью агностицизма. Однако у Канта такой агностицизм преодолевается в понятии трансцендентального Я, которое есть абстракция сознания вне и помимо связи сознания с органами чувств. На основе понятия трансцендентального Я Кант дает решение проблемы Юма. По Канту, трансцендентальное единство апперцепции обеспечивает не только

единство сознания, но и единство предмета познания. Так, он пишет: «Условия *возможности опыта* вообще суть вместе с тем условия *возможности предметов опыта* и потому имеют объективную значимость в априорном синтетическом суждении» [16, с. 171]. Таким образом, Кант преодолевает агностицизм Юма. «По законам ассоциации, – поясняет философ, – я мог бы только сказать: если я несю какое-нибудь тело, я чувствую давление тяжести, но не мог бы сказать: оно, это тело, есть нечто тяжелое, следовательно, утверждать, что эти два представления связаны в объекте, т. е. безотносительно к состояниям субъекта, а не существуют вместе только (как бы часто это ни повторялось) в восприятии» [16, с. 135]. Трансцендентальный синтез обеспечивает предметам опыта скоординированность многообразных взаимосвязей, элементов и их законов. Как поясняет Мамардашвили, «сколько бы законов для окружности я ни установил, они будут согласны между собой и ни один последующий не разрушит предшествующий» [9, с. 200]. Как видно, трансцендентальный синтез предпосылает бесконечному возможному опытному познанию предмета понятие о единстве в нем всего многообразия взаимосвязей, элементов и их законов. Мамардашвили считает, что в трансцендентальном аппарате анализа «Кант и вводит актуальную бесконечность – не предметного ряда, или предметной данности, но актуальную бесконечность связности на уровне формы выражения и чтения. По форме все дано, все дано одновременно, ряд бесконечного пройден по форме» [9, с. 176].

В этом специфика кантовского подхода к проблеме бесконечности. Раньше решение проблемы связи конечного и бесконечного видели в наделении конечного новыми свойствами, сближающими его с бесконечным. Причем предлагаемые в этом случае пути наделения конечного новыми свойствами, как правило, всегда вызывали вопросы и подвергались сомнению. Кант же, наоборот, применяет к проблеме бесконечности своего рода отрицание отрицания. Сначала наш мир определяется на основе нашего устройства чувственности как конечный и тем самым отрезается от бесконечности как множества всех возможных миров, еще не определенных той или иной организацией чувственности. Но потом обратно вводится понятие трансцендентального Я, помимо связи с органами чувств, что позволяет говорить о **неэмпирическом** априорном синтезе, который дает нечто дополнительное конечным возможностям познания. И это дополнительное есть причастность к актуальной бесконечности. Как утверждает Мамардашвили, «проблема трансцендентального есть проблема какой-то снятой, сокращенной или связующей представленности бесконечного *hicetnunc*» [9, с. 177].

Таким образом, по отношению к проблеме бесконечности отрицание отрицания становится у Канта утверждением, на основе которого за конечным утверждаются свойства бесконечного, а за бесконечным – свойства конечного. Так, по словам Мамардашвили, Кант вводит «постулат конечности», но «одновременно там содержится и проблема Всего, или Одного, или проблема формы, формальной материи мира, трансцендентальной материи мира» [9, с. 156]. А «форма – это вопрос одного, которое есть все и не зависит от прохождения эмпирического ряда конечными шагами» [9, с. 111].

Так, важнейшим итогом исканий Канта, способствовавшим вступлению европейской философии на путь ниспровержения классики, стала утрата исходного представления о соотношении конечного с бесконечным, которое всегда определялось оппозицией имманент-

ного и трансцендентного. История философии знала много безуспешных попыток решения проблемы их единства. Но при этом начальные условия этой проблемы всегда были представлены прямо и открыто. Например, Декарт пытался соединить идею Я как конечности и несовершенства с идеей Бога как бесконечности и совершенства. Галилей в представлении об интенсивном и экстенсивном познании пытался сделать конечное частью бесконечного. Сравнивая конечные человеческие возможности познания со знанием Бога, он утверждал, что человек может знать так же, как и Бог, но только в меньшем количестве [17, с. 201]. В каждом из таких случаев обнаружение несостоятельности предлагаемого решения проблемы единства конечного и бесконечного позволяло восстановить ее исходное состояние, что оставляло по крайней мере надежду на возможность новых попыток. После Канта ситуация кардинально изменилась, так как совершенный им переворот взгляда на проблему единства конечного и бесконечного уже не позволял идентифицировать ее исходные составляющие (конечное и бесконечное) как таковые (т. е. как составляющие оппозиции трансцендентного и имманентного) и оставлял мало шансов возврату к ее исходному состоянию. Наоборот, таким переворотом открывалась возможность совершенно нового пути, ведущего к конструктивизму. Таким образом, Кант и оказывается в неопределенном положении между классикой и неклассикой.

С одной стороны, он исходит из тех представлений о соотношении конечного и бесконечного, которые определили собой проблематику эпистемологической классики. С этими представлениями связано понятие о вещи в себе, которое относится к *независимому* от нас миру всех возможных миров и не может быть совместимо с установками эпистемологического конструктивизма. А с другой стороны, мир всех возможных миров и связанная с ним проблема актуальной бесконечности у Канта впервые нейтрализуется и переходит в разряд антиномий за счет тех особенностей конечного, которыми обусловлен факт определенности пространства нашего мира нашим устройством чувственности, – факт являющийся, по Канту, для нашего мира простым началом, раньше которого для него ничего не может быть. То есть если есть этот мир, то уже нет мира всех возможных миров, и наоборот. Их нельзя взять вместе, поставить в один ряд. «...Представления одного мира ввиду его особенностей не могут быть идеями, сопутствующими представлениям другого мира, – пишет Кант. – Поэтому все то, что я как дух думаю, я как человек не вспоминаю, и, наоборот, у меня как духа нет представления о моем состоянии как человека» [18, с. 316].

По Канту, человеческая чувственность способна не только раз и навсегда отрезать конечное от бесконечного, но и делать это отрезание безболезненным, т. е. таким, которое не вынуждало бы потом конечное «страдать» от потери возможности приобщения к бесконечному. Это достижимо за счет утверждения за конечным некоторых свойств бесконечного, делающих из него некоторое самодостаточное образование, которое для своего полноценного функционирования ни в чем не нуждается¹. А с другой стороны, бесконечное, навсегда

---

¹ Если в связи с представлениями о кантовском агностицизме принято применять понятие «реальность» к непознаваемому миру вещей в себе, то, как поясняет Мамардашвили, «в основе кантовской мысли лежит ход, прямо обратный тому, который обычно применяется. Ухваченное в категориях количества, причины, скорости, места, времени – это и есть мир, реальный» [9, с. 99]. И, наоборот, для Канта применение термина «реальность» к миру вещей самих по себе есть высшее проявление агностицизма по отношению к миру человеческого восприятия.

отрезанное от конечного, у Канта освобождается от теологического наполнения¹ и вместо центрального получает периферийное значение в понятии вещей в себе.

Но с развитием частнонаучных исследований познания становится ясно, что установленной в кантовской теории познания самодостаточности конечного (как находящегося по «эту сторону» проведенного Кантом разделения между «для нас» и «в себе») нет места в реальном познавательном процессе. Так, в рамках междисциплинарного движения радикального эпистемологического конструктивизма, основатели и участники которого – специалисты в области биологии, нейрокибернетики, психологии, теории систем, вырабатывается концепция аутопоэтических систем, каковыми являются любые живые системы, жизнь во всех ее проявлениях, а познание признается тождественным жизни. Многие представители радикального конструктивизма считают, что они продолжают и радикализируют эпистемологический проект Канта, однако между ними и Кантом есть существенное различие, которое может быть принципиальным. Аутопоэтические системы автореферентны и воспроизводят сами себя, но их перманентная перестройка осуществляется в ответ на непрекращающееся воздействие *извне*, с которым они связаны круговой или циклической причинностью. То есть если у Канта «для нас» и «в себе» отделяются друг от друга раз и навсегда, то здесь они находятся в перманентном взаимодействии, пусть и весьма своеобразно понимаемом. Это значит, что разделение, проведенное Кантом между конечным и бесконечным (как объемлемым и объемлющим), становится подвижным, а проблема соотношения конечного и бесконечного становится вновь актуальной. Однако *теперь* первое оказывается совершенно «слепым» по отношению к последнему. Ведь раньше бесконечное как трансцендентное было «известно» со стороны своего теологического содержания, и вопрос о возможности приобщения к нему мог в соответствии с этим содержанием дискутироваться. Но после его опустошения Кантом и последовавшей затем подвижности установленного им разделения между конечным и бесконечным стало вообще не понятно, *что* теперь лежит по ту сторону и с *чем* взаимодействует познающий актер. Сам радикальный конструктивизм пытается уйти от этого вопроса. Согласно выработанным здесь представлениям о циклической замкнутости познания, рассмотрение чего-либо, выходящего за пределы аутопоэтической системы, исключается. Радикальный конструктивизм – это эпистемология без онтологии. Но уже в самих утверждениях такого рода четко просматривается отношение их авторов к проблеме существования реальности. Как отмечает С. Цоколов, «авторы конструктивизма не только “забывают” о своем обещании не делать никаких заявлений онтологического либо метафизического характера, но и напрямую обсуждают вопрос о том, до какой степени можно допустить существование онтологической реальности» [20, с. 7]. К этому вынуждает и постоянно висящее над радикальными конструктивистами обвинение в солиптизме.

Но даже в случае отказа самих радикальных конструктивистов от открытых заявлений онтологического характера представляется возможным заключить, что циклическая замкнутость аутопоэтической системы предполагает потенциальную бесконечность за ее пределами. По словам фон Фёрстера, который пришел к радикальному конструктивизму из

---

¹ Памятование об опустошенном теологическом наполнении вещи в себе дает возможность утверждать, что «вещь в себе у Канта не что иное, как бог» [19, с. 179].

кибернетики, креативный цикл – это *gekrümmte Raum*, изогнутое пространство, в котором человек, удаляясь от себя, возвращается к самому себе [20, с. 135]. Но прототип циклической причинности был дан еще Зеноном Элейским. Исследуя вопрос о том, как может быть пройден весь уже пройденный телом путь, Зенон вводит *бесконечно* повторяющееся условие «прежде чем» (прежде чем пройдет весь путь, пройдет его половину). В итоге Зенон показывает, что возникающей таким образом циклической замкнутостью индуцируется потенциальная бесконечность на месте *уже* пройденного по условию (т. е. имеющего свой конец) пути. (Ср.: в радикальном конструктивизме – на месте *уже* существующей независимо от познающего актора реальности.) Другими словами, на месте конечного оказывается потенциально бесконечное. Из рассуждений Зенона (а он обращается к методу рассуждения от обратного) также известно, что условием такого изменения природы конечного является неоправданное допущение возможности реализации в ней актуальной бесконечности¹. Таким образом, Зеноном впервые была обнаружена неизбежность распада конечного в потенциально бесконечное при неоправданном допущении актуальной бесконечности. Эта «формула» впоследствии стала парадигмальной для развития западноевропейской философии и науки.

О том, что потенциальная (дурная) бесконечность в радикальном эпистемологическом конструктивизме становится ответом на вопрос о соотношении познающего и познаваемого (как внешнего), замечает В. А. Лекторский. Он пишет, что в радикальном конструктивизме, «пытаясь понять отношение организма и окружающей среды, мы уходим в дурную бесконечность» [22, с. 16].

Казалось бы, с одной стороны – соотнесенные в виде антиномии конечное и бесконечное как трансцендентное, а с другой – дурная бесконечность, не знающая пределов своей имманентности, свидетельствуют о принципиальном различии между соответствующими тому и другому кантовской теорией познания и радикальным эпистемологическим конструктивизмом и побуждают искать другие корни у последнего. Однако нельзя сказать, что проведенное Кантом разделение между конечным и бесконечным было достаточно надежным. Как было показано выше, Кант наделял конечное некоторыми свойствами актуально бесконечного, что сделало для него исходное актуально бесконечное, у которого были заимствованы эти свойства, как бы уже ненужным. Так, вместо центрального значения для новоевропейской теории познания оно получило периферейное, что позволило Канту объявить его вещью в себе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако насколько был оправданным и мог ли быть допустимым такой подход к актуальной бесконечности? Ответ на этот вопрос дает его историческая судьба. Проведенное Кантом разделение оказалось ненадежным. При этом на месте актуально бесконечного как трансцендентного была

---

¹ Актуальной бесконечностью предполагается не столько отсутствие конца, сколько отсутствие *недостатка*. Это значит, что здесь неограниченная возможность возрастания (или уменьшения) конечной величины должна приводить к такого рода *полноте*, к такому *новому качеству*, что ввиду него дальнейшее *количественное* возрастание (или уменьшение) как бы отойдет на второй план. Зенон имел основания предполагать, какого рода изменение качества конечной величины, уменьшаемой в результате дихотомического деления, нужно ожидать для того, чтобы из конечной она стала актуально бесконечной. По Зенону, это «превращение» делимого в неделимое, т. е. «превращение» до бесконечности делимой конечной величины во множество неделимых единиц. Такое множество и должно было стать актуально бесконечным. Подробнее об этом см. [21].

обнаружена потенциальная бесконечность, не знающая пределов своей имманентности. Интересно, что радикальный конструктивизм, имеющий последнюю как бы своим основанием, имеет и пункт, оставляющий возможность его соотнесения с кантовской теорией познания. В радикальном конструктивизме все-таки сохраняется вопрос о «внешнем», но радикальный конструктивизм, считая себя разновидностью скептицизма¹, воздерживается от ответа на данный вопрос.

Для радикального конструктивизма скептическое воздержание от суждений о «внешнем» оправдывает и даже делает неизбежным возможность бесконечного регресса в разыскании ответа на вопрос о «внешнем». Другими словами, если Кант *знает*, что вещь в себе не познаваема в принципе и может указать, какие имеются на то основания, то радикальный конструктивизм, воздерживаясь от ответа на подобный вопрос, тем самым признает, что *не знает*, какие возможности для познания (упущенные или еще неявленные) таит в себе «внешнее» как таковое. Тем самым радикальный конструктивизм волей-неволей допускает возможность заострения вопроса о «внешнем» на каких-то других, неизвестных ему самому путях. На одном из них такую возможность открывает поставленная в данном исследовании проблема подмены актуально бесконечного потенциально бесконечным. Идущая от Канта, эта проблема восстанавливает связь между ним и радикальным конструктивизмом, с одной стороны, а с другой стороны, дает возможность увидеть связь кантовской теории познания с предшествующей ей традицией понимания бесконечного как трансцендентного. В свете этого видно, что произведенное Кантом опустошение трансцендентного как актуально бесконечного от его содержания, хотя и дает ему возможность допустить реализацию актуально бесконечного в конечной природе в виде какой-то «снятой, сокращенной или связующей представленности бесконечного» [9, с. 177], но это допущение оказывается неоправданным и так же, как в случае Зенона, его результатом становится распад конечного в потенциально бесконечное. Но последнее не может претендовать на то, чтобы теперь считаться подлинным наполнением «внешнего». В таком качестве потенциально бесконечное лишь узурпирует права подмененного им подлинного содержания «внешнего», т. е. актуально бесконечного как трансцендентного. Причем такая узурпация, не будучи опознанной, способна дезориентировать теорию познания еще больше. Так, на фоне нейтрализации кантовского отделения конечного от бесконечного как трансцендентного современная теория познания усматривает для себя такие перспективы, которые, отменяя проблемы классики (познание независимой реальности), самым неожиданным образом как будто выходят на их решение, что делает впредь излишней проблематизацию утраты понятия о трансцендентном. В рамках натуралистического поворота в эпистемологии, одной из версий которого является эволюционная эпистемология [23, с. 8], стало возможно исследование чувственной организации в различных биологических нишах, представители которых обладают формами чувственности, отличными от свойственной человеку. «Всякий живой организм строит свою истинную картину реальности и встраивается в определенную нишу, называемую в эволюционной биологии экологической нишей, а в познавательном плане – когнитивной нишей...

---

¹ Усилиями классика радикального конструктивиста Эрнста фон Глазерсфельда «конструктивизм превращается в целое направление в эпистемологии, своими корнями уходящее в учение античных скептиков и не прерывающее своей истории на протяжении всего развития человеческой мысли» [20, с. 50].

Когнитивные ниши у разных живых организмов – разные, т. е. разные организмы живут в разных когнитивных мирах... Когнитивный аппарат человека, называемый эволюционными эпистемологами вслед за Э. Брунsvиком рациоморфным, т. е. функционирующим на предсознательном уровне, способен воспринимать только один, относительно малый фрагмент реальности» [24, с. 57]. Человеческая форма чувственности оказывается лишь одной наряду с другими присутствующими в мире формами и уже не может, как у Канта, определять собой этот мир и таким образом отделять его от бесконечного и независимого, который полагался Кантом как вещь в себе. После обнаружения такого рода открытости конечного мира в направлении к бесконечному, следствием произведенного Кантом предварительного опустошения бесконечного от теологического содержания явилось то, что на его месте теперь могло быть обнаружено *любое* содержание. А это значит, что теория познания не будет ставить проблему соответствия обнаруженного предполагаемому по каким-то заранее известным критериям¹.

Этой открытости теории познания для признания на месте «в себе» любого содержания способствовало и то, что разделением «в себе» и «для нас» задавалось такое представление, что все, находящееся за пределами «для нас», относится к «в себе». В этих условиях возможностью неограниченной пролиферации новых корреляций, возникающих за пределами «для нас» и не только на основе других форм чувственности, свойственных различным биологическим нишам², создается эффект «открытия реальности», когда в необозримой среде непознаваемого начинают как бы высвечиваться отдельные участки. Современная теория познания склоняется к тому, чтобы считать их свидетельством проявления объективной реальности, находящейся за пределами «для нас» и способной проявлять себя столь различными способами. Перспективы реабилитации потесненного Кантом реализма современная теория познания связывает с тем, чтобы научиться интегрировать такие фрагменты проявления объективной реальности. Такой интеграцией и будет положено начало открытия самой объективной реальности. Об этом в сборнике статей с характерным названием «Перспективы реализма в современной философии» читаем: «Наибольший успех может быть достигнут при интеграции знаний представителей очень различных сред обитания, у нас нет основания для безапелляционного вывода о невозможности такой интеграции. Наоборот, можно надеяться, что с развитием научного познания человечество развивает и пластичность способов описания реальности и учится работать с релятивностью познавательных позиций так, чтобы не превращать их в препятствие познанию объективного мира, а наоборот, использовать в качестве инструмента открытия реальности» [25, с. 320].

Таким образом, для современной теории познания создается видимость решения проблемы бесконечности как проблемы непознаваемого трансцендентного. Оно перестает быть непреодолимо запредельным для человеческого познания. Казалось бы, обсуждаемая на

---

¹ Так, именно теологическим содержанием философии бесконечности Николая Кузанского определялась смысловая наполненность понятия актуальной бесконечности и задавался характер соотношения конечного с актуально бесконечным. По Кузанскому, бесконечная простота запредельного миру христианского Бога в ходе апофатической рефлексии проецируется умом в точку – минимум мира, совпадающий с максимумом, который в отличие от сотворенных Богом конкретных вещей есть все то, чем он может быть.

² Субъекты новых корреляций рассматриваются как различные «антропотехнические системы» [25, с. 320], когда речь идет о картине мира, формируемой современным естествознанием.

протяжении веков возможность объединения конечного и бесконечного наконец-то найдена. Однако на самом деле вместо решения проблемы бесконечного как трансцендентного, т. е. проблемы актуально бесконечного, здесь имеет место подмена актуально бесконечного потенциально бесконечным как нетотализируемым трансфинитным, которое не имеет пределов своей имманентности. Этим свойством нетотализируемого трансфинитного и обусловлена неизбежность отнесения проблемы трансцендентного к разряду псевдопроблем. Однако этим не отменяется проблема самой подмены актуально бесконечного (как трансцендентного) потенциально бесконечным (как не имеющим пределов своей имманентности). Скорее, наоборот, заострение проблемы такой подмены ставит под вопрос все те плюсы для теории познания, которые сулит ей эта подмена.

Важно понимать, что обнаружением потенциальной бесконечности на месте бесконечности актуальной проблема нереализуемости последней не отменяется. Та «победа» имманентизма, о которой говорят сегодня, в частности упомянутые выше конструктивный реализм Агацци и спекулятивный реализм Мейясу, имеет сомнительное происхождение, а потому требуется тщательное исследование оснований ее возможности. В данной статье было рассмотрено, как проведенное Кантом переосмысление соотношения конечного и бесконечного открыло для теории познания путь, приведший сегодня к этой «победе». Она стала возможна главным образом благодаря тому, что произведенная Кантом деформация самой проблемы актуальной бесконечности сделала последующую подмену актуальной бесконечности потенциально малозаметной. Тем не менее проблема такой подмены остается реальной проблемой, которая позволяет себя обнаружить. В данной статье были предприняты некоторые шаги в этом направлении. И тот путь, куда они ведут – это путь реабилитации значимости исходной проблемы актуальной бесконечности, сулящий большие перемены в теории познания.

Интересно, что осознанное или неосознанное стремление их избежать побуждает сегодня кантоведов к пересмотру самой кантовской теории познания. Так, «революционная» трактовка трансцендентализма, развиваемая в работах Г. Эллисона [26], Дж. Праусса и других ученых, получила название теории «двух аспектов», в противоположность традиционной трактовке «двух объектов/миров». Эта теория позволяет говорить о сохранении у Канта эмпирического вектора познания (от вещи в себе к представлениям) и делает возможной реалистическую трактовку трансцендентализма Канта. В соответствии с ней «кантовская теория опыта является эмпирическим реализмом, а его трансцендентализм выступает как рефлексивная эпистемологическая надстройка» [27, с. 127]. Производимое в рамках реалистической трактовки смягчение кантовского разделения между «в себе» и «для нас» делает его теорию познания ближе к современной и одновременно отдаляет ее от той проблемы бесконечного как трансцендентного, которая была положена в ее основание и которая была актуальной проблемой той эпохи. В результате связь между этой проблемой и ее последствиями для современной теории познания как будто теряется. Создается впечатление, что Кант с самого начала рассуждал в русле тенденций, созвучных современной теории познания. Получается, что куда бы эти тенденции теперь не завели, их истоки, как и возможность их проблематизации, оказываются утраченными.

Заключение. Таким образом, в статье выявляется значение проблемы актуальной бесконечности для кантовского поворота и его последствий для современной теории познания.

Актуальная бесконечность вошла в новоевропейскую теорию познания в качестве проблемы. Это значит, что созданная основателями новой науки теория познания включала в себя перспективы нахождения положительного понимания актуальной бесконечности. Нереализуемость последнего стала непреодолимым препятствием для состоятельности новоевропейской теории познания. Кантом проблема актуальной бесконечности деформируется и нейтрализуется. Он наделяет конечное некоторыми свойствами актуально бесконечного (деформация), что делает для него исходное актуально бесконечное, у которого он заимствует эти свойства, как бы уже ненужным (нейтрализация). Таким образом, возможность реализации актуально бесконечного в конечной природе оказывается допущена неоправданно. Вследствие этого актуальная бесконечность как непознаваемое трансцендентное подменяется потенциальной бесконечностью, не знающей пределов своей имманентности. В итоге исходная проблема значимости для теории познания непознаваемого трансцендентного обращается в псевдопроблему. Однако при этом сама проблема такого рода подмены остается реальной проблемой. О ее объективной значимости свидетельствует выявленная еще Зеноном закономерность соотношения между конечным и бесконечным, при которой неоправданное допущение возможности реализации актуально бесконечного в конечной природе приводит к ее распаду в потенциально бесконечное. Актуализация значимости данного соотношения способна дать новую жизнь ниспровергнутым неклассикой ценностям классической эпистемологии и, прежде всего, утраченной возможности связывать проблему познания с независимой от познания реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова В. О. Философия Канта и современный конструктивизм: точки соприкосновения // *Личность. Культура. Общество*. 2011. Т. XIII, вып. 2. № 63–64. С. 211–216.
2. Жилин В. И., Ефимова С. В. Кант против конструктивистов // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2014. № 4 (18). С. 10–18.
3. Пружинин Б. И. Неклассическая эпистемология: взгляд из классики / *Постнеклассика: философия, наука, культура*. СПб.: Мирь, 2009. С. 230–248.
4. Койре А. *Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий* / пер. с фр. Я. А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985.
5. Гайденко П. П. К вопросу о генезисе новоевропейской науки // *Философия науки*. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 52–60.
6. Филатова М. И. Радикализация проблемы эпистемологического релятивизма (аргумент «за») // *Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2022. Вып. 4. С. 579–589. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-579-589>.
7. Агацци Э. *Научная объективность и ее контексты* / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
8. Мейясу К. *После конечности: эссе о необходимости контингентности* / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
9. Мамардашвили М. К. *Кантианские вариации*. М.: Аграф, 2002.
10. Ахутин А. В. *Понятие «природа» в античности и в новое время («фюсис» и «натура»)*. М.: Наука, 1988.
11. Косарева Л. М. *Рождение науки нового времени из духа культуры*. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.

12. Филатова М. И. Проблема актуальной бесконечности и пути новоевропейской классической эпистемологии: от генезиса к современному кризису // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 2. С. 5–21. DOI: <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21>.
13. Библер В. С. Галилей и логика мышления Нового времени // *Механика и цивилизация XVII–XIX вв.* М.: Наука, 1979. С. 494–503.
14. Катасонов В. Н. Концепция актуальной бесконечности как «научная икона» Божества // *Христианство и наука: XII междунар. Рождественские образовательные чтения: сб. докладов конф.* М., 2004. URL: http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-10_v.n.katasonov_koncepcija_aktualnoj_beskonechn.htm (дата обращения: 14.09.2022).
15. Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил (1746) / пер. Б. А. Фохта // *Сочинения: в 6 т.* Т. 1. М.: Мысль. 1963. С. 51–82.
16. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2011.
17. Галилей Г. Диалог о двух системах мира / пер. А. И. Долгова // *Избранные труды: в 2 т.* Т. 1. М.: Наука, 1964.
18. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики / пер. Б. А. Фохта // *Сочинения: в 6 т.* Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 292–360.
19. Карапенян А. А. Критический анализ философии Канта. Ереван: Армгиз, 1958.
20. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000.
21. Филатова М. И. Актуальная бесконечность: псевдопроблема или метаоснование западноевропейской философии и науки? // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 4, ч. 1. С. 11–27. DOI: [10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27).
22. Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // *Вопросы философии*. 2005. № 8. С. 11–21.
23. Князева Е. Н. Эволюционная эпистемология на перекрестках развития // *Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции*. М.: ИФ РАН, 2012. С. 8–34.
24. Князева Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014.
25. Пирожкова С. В. Реалистичен ли реалистический поворот в философии и методологии науки? // *Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов*. М.: Канон-Плюс РООИ «Реабилитация», 2017. С. 297–331.
26. Allison H. E. *Kant's Transcendental Idealism; revised and enlarged ed.* New Haven: Yale Univ. Press, 2004.
27. Катречко С. Л. Трансцендентализм Канта как реалистическая теория «опыта/познания» (анализ структуры кантовского «коперниканского переворота») // *Философия и наука: проблемы и соотношения*. М.: РГУ, 2016. С. 127–134.

Информация об авторе.

Филатова Мария Игоревна – кандидат философских наук (2013), преподаватель кафедры философии Курской государственной сельхозакадемии им. И. И. Иванова, ул. Карла Маркса, д. 70, Курск, 305021, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: онтология и теория познания, философия науки.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.03.2023; принята после рецензирования 15.05.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Bogdanova, V.O. (2011), "Kant's Philosophy and Modern Constructivism: points of contact", *Person. Culture. Society*, vol. XIII, iss. 2, № 63–64, pp. 211–216.

2. Zhilin, V.I. and Efimova, S.V. (2014), "I. Kant against constructivists", *The science of person: humanitarian researches*, no. 4 (18), pp. 10–18.
3. Pruzhinin, B.I. (2009), "Non-classical epistemology: a look from the classics", *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Postnonclassics: philosophy, science, culture], Mir, SPb., RUS, pp. 230–248.
4. Koyre, A. (1985), *Etudes d'Histoire de la Pensee philosophique*, Transl. by Lyatker, Ya.A., Progress, Moscow, USSR.
5. Gaidenko, P.P. (1998), "On the question of the genesis of New European science", *Philosophy of science*, iss. 4, pp. 52–60.
6. Philatova, M.I. (2022), "Radicalization of the problem of epistemological relativism (argument "for")", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, iss. 4, pp. 579–589. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-579-589>.
7. Agazzi, E. (2017), *Scientific objectivity and its contexts*, Transl. by Lakhuti, D.G., Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
8. Meillassoux, K. (2015), *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*, Transl. by Medvedeva, L., Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, RUS.
9. Mamardashvili, M.K. (2002), *Kantianskie variacii* [Kantian variations], Agraf, Moscow, RUS.
10. Akhutin, A.V. (1988), *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v Novoe vremya ("fysis" i "natura")* [The concept of "nature" in antiquity and in modern times ("fysis" and "nature")], Nauka, Moscow, USSR.
11. Kosareva, L.M. (1997), *Rozhdenie nauki novogo vremeni iz dukha kul'tury* [The birth of modern science from the spirit of culture], In-t psikhologii RAN, Moscow, RUS.
12. Philatova, M.I. (2023), "The Problem of the Actual Infinity and the Path of the New European Classical Epistemology: from Genesis to the Modern Crisis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 5–21. DOI: [10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21).
13. Bibler, V.S. (1979), "Galileo and the Logic of Modern Thinking", *Mekhanika i tsivilizatsiya XVII–XIX vv.* [Mechanics and civilization of the XVII–XIX centuries], Nauka, Moscow, USSR, pp. 494–503.
14. Katasonov, V.N. (2004), "The concept of actual infinity as a "scientific icon" of the Deity", *Khristianstvo i nauka: XII mezhdunar. Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya* [Christianity and Science: XII Intern. Christmas Educational Readings], Moscow, RUS, available at: http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-10_v.n.katasonov_koncepcija_aktualnoj_beskonechn.htm (accessed 14.09.2022).
15. Kant, I. (1963), "Thoughts on the true assessment of living forces (1746)", Transl. by Focht, B.A., *Sochineniya v 6 t.* [Essays in 6 vols.], vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 51–82.
16. Kant, I. (2011), *Kritik der reinen Vernunft*, Trans. by Lossky, N., Eksmo, Moscow, RUS.
17. Galilei, G. (1964), "Dialogo", Transl. by Dolgov, A.I., *Opere Scelte*, in 2 vol., vol. 1, Nauka, Moscow, USSR.
18. Kant, I. (1964), *Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik*, Transl. by Focht, B.A., *Sochineniya v 6 t.* [Essays in 6 vols.], vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 292–360.
19. Karapenyan, A.A. (1958), *Kriticheskie analiz filosofii Kanta* [Critical analysis of Kant's philosophy], Armgiz, Erevan, USSR.
20. Tsokolov, S. (2000), *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Traditsii skeptitsizma v sovremennoi filosofii i teorii poznaniya* [Discourse of radical constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge], Phren, München, DEU.
21. Filatova, M.I. (2021), "Actual infinity: a pseudo-problem or a meta-foundation of western European philosophy and science?", *Ideas and Ideals*, vol. 13, no. 4, part 1, pp. 11–27. DOI: [10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27).
22. Lektorsky, V.A. (2005), "Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology", *Voprosy Filosofii*, no. 8, pp. 11–21.
23. Knyazeva, E.N. (2012), "Evolutionary Epistemology at the Crossroads of Development", *Evolutionary Epistemology: the Modern Discussions and Trends*, IF RAN, Moscow, RUS, pp. 8–34.

24. Knyazeva, E.N. (2014), *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: a new form of Constructivism in Epistemology], Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, Moscow, SPb., RUS.

25. Pirozhkova, S.V. (2017), "Is the realistic turn in the philosophy and methodology of science realistic?", *Perspektivy realizma v sovremennoi filosofii* [Perspectives of realism in modern philosophy], Kanon-Plus ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, RUS, pp. 297–331.

26. Allison, H.E. (2004), *Kant's Transcendental Idealism*, revised and enlarged ed., Yale Univ. Press, New Haven, USA.

27. Katrechko, S.L. (2016), "Kant's Transcendentalism as a Realistic Theory of Experience/ Cognition: (Analysis of the Structure of Kant's Copernican revolution)", *Philosophy and Science: Problems and Correlations*, Russian State University for the Humanities, Moscow, RUS. pp. 127–134.

Information about the author.

Maria I. Filatova – Can. Sci. (Philosophy, 2013), Lecturer at the Department of Philosophy, Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy, 70 Karl Marx str., Kursk 305021, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: ontology and theory of knowledge, philosophy of science.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.03.2023; adopted after review 15.05.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 101.8; 167
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-33-43>

«Текст культуры» как категория философии культуры: от семиотической теории к исследовательской практике

Елена Николаевна Шатова

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия,
komasda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6859-5424>*

Введение. Культура являет себя в текстах, человек «читает» их, общается с ними. Это общение осуществляется с различной степенью компетентности, высокая ее степень – необходимое требование к «чтению» «текста культуры» в исследовательской практике. В статье осуществляется метатеоретическое построение на основе анализа семиотической теории «текста культуры» тартуско-московской школы, целью которого выступает разработка культурфилософской исследовательской практики. Автор решает следующие задачи: обоснование необходимости метатеоретических построений вокруг семиотики культуры Ю. М. Лотмана; категоризация «текста культуры»; характеристика семиозиса «текста культуры» как необходимого порождения метатекста; изложение принципов исследовательского «чтения» «текста культуры». Статья носит теоретико-методологический характер.

Методология и источники. Методологической базой исследования избраны традиции отечественной семиотики культуры, тартуско-московской семиотической школы. Основные параметры отбора научных публикаций: степень семиотической проблематизации «текста культуры», возможность экспликации искомым понятиям, перспектива метатеоретических построений.

Результаты и обсуждение. Предпринятое исследование позволяет сформулировать теоретико-методологические выводы: 1) необходимость развития семиотики культуры тартуско-московской школы обосновывается усложнением современной культуры как открытой динамичной системы, нереализованным методологическим целеполаганием институции; 2) «текст культуры» – важнейшее понятие культурфилософского исследования, его необходимая категоризация открывает перспективы разработки процедур семиотического анализа артефакта как «текста культуры», интерпретации его семиозиса с учетом механизмов функционирования имманентных структур; 3) важнейшим направлением культурфилософского анализа «текста культуры» выступает его семиозис, трактуемый как знаковое функционирование артефакта-текста в границах открытой системы – культуры как «единого».

Заключение. Принципиальные аспекты предложенной культурфилософской практики: 1) категориальная система семиотики культуры включает позицию «текста культуры», фиксирующую генетическое родство текста и культуры; 2) семиозис артефакта как «текста культуры» закономерно порождает метатекстуальное пространство культуры как следствия открытости систем в границах культуры – «единого».

Ключевые слова: философия культуры, тартуско-московская семиотическая школа, Ю. М. Лотман, «текст культуры», семиозис

© Шатова Е. Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Шатова Е. Н. «Текст культуры» как категория философии культуры: от семиотической теории к исследовательской практике // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 33–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-33-43.

Original paper

“Text of Culture” as a Category of Cultural Philosophy: from Semiotic Theory to Research Practice

Elena N. Shatova

*Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia,
komasda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6859-5424>*

Introduction. Culture manifests itself in texts, one “reads” them, communicates with them. This communication takes place with varying degrees of competence; a high degree of competence is a necessary requirement for “reading” a cultural text in research practice. The article presents a metatheoretical construction on the basis of the analysis of the semiotic theory of the “text of culture” of the Tartu-Moscow school. The aim of the analysis is to develop a cultural-philosophical research practice. The author addresses the following tasks: justification of the necessity of metatheoretical constructions around Lotman's semiotics of culture; categorisation of the “text of culture”; characterisation of the semiosis of the “text of culture” as the necessary generation of the metatext; outlining the principles of research “reading” of the “text of culture”. The article is of a theoretical and methodological character.

Methodology and sources. The methodological basis of the research is the traditions of Russian cultural semiotics and the Tartu-Moscow semiotic school. The main parameters for the selection of scientific publications: the degree of semiotic problematization of the cultural text; the possibility of explicating the concepts being sought; the perspective of meta-theoretical constructions.

Results and discussion. The study allows us to formulate theoretical and methodological conclusions. The necessity of developing semiotics of culture in the Tartu-Moscow school is justified by the increasing complexity of modern culture as an open dynamic system, and by the un-realized methodological purpose of the institution. The “text of culture” is the most important notion of cultural-philosophical research. Its necessary categorization opens perspectives for the development of procedures of semiotic analysis of artifact as the “text of culture”, and for the interpretation of its semiosis, taking into account the mechanisms of functioning of immanent structures. The most important direction of cultural-philosophical analysis of the cultural text is its semiosis, which is treated as the sign functioning of the artifact-text within the boundaries of an open system that is culture as “one”.

Conclusion. Principle aspects of the proposed cultural-philosophical practice: 1) the categorical system of semiotics of culture has to include the position of “text of culture” which fixes genetic relationship of text and culture; 2) “semiosis” of artifact as “text of culture” naturally generates metatextual space of culture as a result of systems openness within the borders of culture as “the one”.

Keywords: philosophy of culture, Tartu-Moscow school of semiotics, Yu.M. Lotman, “text of culture”, semiosis

For citation: Shatova, E.N. (2023), ““Text of Culture” as a Category of Cultural Philosophy: from Semiotic Theory to Research Practice”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 33–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-33-43 (Russia).

Введение. Культура представляет собой пространство текстов – «текстов культуры», многочисленных, многообразных, постоянно приращаемых. Культуру невозможно представить вне текстов, какой бы элемент ее системы не привлекал к себе наше внимание. Пространство «текстов культуры» тотально (повсеместно, всеобъемлюще), плюралистично (разнолико, диалогично), коммуникативно (тексты – важнейшие участники культурного процесса). «Текст культуры», каким бы он ни был, предназначен для «чтения», осмысливаемого весьма широко: от получения готовой информации до «чтения» как общения, диалога, предложения к созданию/рождению нового текста. Многоликое пространство «текстов культуры» нуждается в компетентном «читателе» – субъекте культуры. Следовательно, «чтению» «текстов культуры» необходимо учиться. Особо актуальной становится эта задача в границах исследовательского взгляда на текст, где он не просто подлежит «прочтению» (извлечение и дешифровка информации, формирование читательской эмпатии и др.), результат «чтения» должен отвечать требованиям, предъявляемым к научному знанию (объективность, аргументированность, методологическая обоснованность, прагматичность и др.).

Семиотика культуры – область безграничного научного пространства, в границах которого исследователь сталкивается с любым артефактом как с феноменом-текстом. Одной из ярчайших отечественных культурфилософских традиций сегодня признается семиотика культуры тартуско-московской школы. Судьба научного сообщества примечательна, с одной стороны, высотными теоретическими достижениями (научные работы Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, А. М. Пятигорского, Б. М. Гаспарова, М. Л. Гаспарова, В. Н. Топорова и др.), с другой стороны, методологической нацеленностью («сближение методов познания, установление общности исследовательской методологии» в границах гуманитаристики), которая так и не была реализована [1, с. 4].

Отечественная семиотическая традиция, бесспорно, имеет свою историю, ее истоки – «предыстория семиотики в России» – можно обнаружить, считает Г. Г. Почепцов, в научных исканиях А. Н. Веселовского, Н. В. Крушевского, А. А. Потебни и др. [2, 3]. Здесь закономерно встает вопрос о том, почему проблематизация статьи требует обращения к традициям именно тартуско-московской семиотической школы. Причин может быть названо много, достаточным основанием изберем три позиции: во-первых, как уже отмечено выше, школа изначально ориентирована на разработку научной методологии; во-вторых, данная потенциальная методология мыслилась междисциплинарной – была призвана «сблизить традиции гуманитарных исследований с современными достижениями в других [точных – *Е. Ш.*] областях знания»; в-третьих (возможно, это вытекает из обстоятельства второй причины), объектом семиотического исследования была избрана культура, существующая во всем многообразии ее текстов [1]. Тартуско-московская школа – не просто площадка семиотических исследований, она нацеливала на семиотическое изучение культуры как пространства ее текстов, многочисленных и многообразных: «Школа, созданная Лотманом и его соратниками, была не просто институцией семиотического толка, она выступала олицетворением семиотического изучения именно культуры и оставалась таковой до тех пор, пока лелеяла культуру как “единое”» [4, с. 99]. Именно обретение «единого», фиксация которого требует семиотических категорий, позволяет ориентироваться в многоликом пространстве культурных артефактов. Таким понятием-категорией вслед за номинациями «культура» и «модель» выступает искомая в границах настоящей статьи позиция «текст культуры».

Сформулируем целеполагание статьи. Автор на протяжении ряда лет осуществляет мета-теоретические построения, развивая идеи Ю. М. Лотмана, теоретические положения иных представителей тартуско-московской семиотики также часто находятся в поле его зрения. Сконцентрируем внимание на идейном вдохновителе школы, так как его научный «почерк» зачастую подталкивает читателя к диалогу, дискуссии. Специфика творческого стиля Лотмана обращала на себя внимание его соратников, затем и исследователей [5–7]. Вступая в этот обмен мнениями, отметим черты «письма» ученого.

Многие научные тексты Лотмана представляют собой своеобразные беседы с читателем, которые ведутся на бумаге. Здесь нельзя не вспомнить любовь ученого к устной беседе, наблюдаемую на протяжении всего научного творчества. Нередко основные положения этих встреч составляли содержание текстов статей, публикуемых в различных изданиях: «Вестник высшей школы», «Ленинградский университет», «Независимая газета», «Метафизика Петербурга» и др. [8–11]. Самым ярким примером склонности ученого к жанру беседы является ставший хрестоматийным не только для исследователей, но и в кругу просто современных образованных людей, текст «Бесед о русской культуре...», которому предшествовала одноименная серия телевизионных передач, снятых в конце 1980-х гг. и вызывающих к себе интерес и сегодня [12–14]. Стилистические характеристики устной беседы нередко можно обнаружить непосредственно в научных текстах Лотмана. Именно отсюда проистекает обилие примеров, которые, с одной стороны, поддерживают заинтересованность собеседника, но, с другой, нередко «вуалируют» теоретическую фабулу размышления. Здесь же практика «устного цитирования»: в разговоре, беседе ученый приводит большое количество цитат, наделенных разными функциями (аргумент, иллюстрация, аллюзия и др.), но работать с таким материалом читателю-исследователю нередко довольно трудно (не всегда приводится источник цитирования, вопросы вызывают контексты введения цитат и др.). Все это – тяготение ученого к устному слову, иногда даже художественному, к беседе – формирует ряд сложностей, с которыми сталкивается исследователь, работающий с научным наследием Лотмана. Необходимыми исследовательскими практиками становятся как минимум экспликация понятий, их дефинирование, установление границ применения терминов, генерализация основных положений и выводов и пр.

Специфика научного стиля лотмановских текстов нередко оборачивается тем, что исследователь, обнаружив важное теоретическое положение, не может его экстраполировать в границы своих штудий, тем самым осуществив шаг «теория → метод». Но именно в этом и состоит, во-первых, цель обращения современного ученого к наследию Лотмана, научная ценность которого бесспорна; во-вторых, именно в движении в сторону выработки семиотической методологии, как было отмечено выше, заключалась стратегия научной деятельности всей школы; в-третьих: «отношение “объект↔ метод” необходимо выступает в модели детерминированного единства» [4, с. 98], и, если шаг в сторону семиотической методологии не завершен, то культура как «единое», представленное во всем многообразии своих текстов, по-прежнему ждет своего научного описания. Итак, статья посвящена мета-теоретическому построению на основе анализа семиотической теории текста культуры Ю. М. Лотмана, целью которого выступает разработка культурфилософской исследовательской практики.

Методология и источники. Статья, исходя из сформулированного выше целеполагания исследования, носит теоретико-методологический характер, любое метатеоретическое построение направлено на развитие идей теории – объекта изучения – с нацеленностью на вскрытие противоречий, если такие имеются, обретение важных теоретических положений, актуализацию ключевых из их числа перспективой дальнейшего развития, дополнения – применения. Во вводном разделе статьи возможность и необходимость реализации поставленной цели в границах методологии тартуско-московской семиотической школы уже возытели свое обоснование. Ядром эмпирической базы исследования выступил корпус научных текстов Ю. М. Лотмана.

Научное творчество представителей тартуско-московской школы зачастую осуществлялось за рамками институции – до и после ее существования; круг исследовательских штудий многих ученых не ограничивался семиотикой культуры (литературоведение, языкознание, математика, психология, история, искусствоведение и др.). Учитывая эти обстоятельства, любому исследователю тартуско-московской семиотики, вне зависимости от объекта изучения, особым вниманием необходимо окружать публикации «Ученых записок Тартуского государственного университета» – «Труды по знаковым системам», так как именно они представляют собой «качественную и полновесную репрезентацию семиотических исследований культуры» в границах данной отечественной культурфилософской традиции [4, с. 93].

В анализе текстов, составивших эмпирическую базу исследования, осуществлено абстрагирование от положений и выводов научных работ, выходящих за рамки сформулированного целеполагания, как бы они не были весомы и интересны. Объектами предпринятого элиминирования выступили: исторический ракурс развития идей тартуско-московской школы, социокультурные контексты теоретизирования авторов в проблемном поле «текста культуры», логика верификации гипотез и аргументации выводов и др. Важнейшей логической операцией исследования послужила практика дефинирования, следование которой, во-первых, позволило осуществить экспликацию искомого культурфилософского понятия «текст культуры»; во-вторых, избежать символизации категории как недостатка прописывания ее содержания; в-третьих, установить границы применения семиотической терминологии в исследованиях культуры; в-четвертых, предложить метатеоретический путь перехода от теории текста культуры к практике ее развития и применения.

Результаты и обсуждение. Важным шагом в направлении реализации обозначенной цели видится решение задачи категоризации «текста культуры». В процессе нахождения ответа на поставленную задачу потребуются обосновать недостаточность определения искомого понятия – сформулировать требования его категоризации, опираясь на логические традиции категориальной системы И. Канта. Но сначала обратимся к страницам лотмановских текстов, содержащих положения, избранные объектами предстоящего метатеоретизирования.

Лотман видит текст сложным феноменом, что подтверждается невозможностью однозначного определения соответствующего ему понятия. С одной стороны, текст традиционно выступает «реализацией сообщения на каком-либо одном языке», с другой стороны, он может быть определен как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный гене-

ратор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [15, с. 7]. Для удобства дальнейшей работы обозначим данные варианты определения текста: текст как «реализация сообщения» – «в узком смысле», текст как «сложное устройство» – «в широком смысле». Желая обрести существенное отличие первого феномена текста от второго, посмотрим на их функциональный набор. При «узком» взгляде на текст формулой его функциональности необходимо признать «адекватную передачу значения», характеризуемую: 1) «совпадением кодов говорящего и слушающего»; 2) тяготением текста к «максимальной однозначности»; 3) использованием, как правило, стандартизированного, «искусственного» языка; 4) реализацией самоописания в качестве «метаязыковых конструкций», имманентных «языковому и культурному механизму» [16, с. 5–6]. Моделью функционального потенциала текста, определяемого «широко», выступает «порождение значения» – «порождение новых смыслов», отмеченное существенными чертами, в постулировании которых мы реализуем заявленную генерализацию теоретических положений, что позволяет синхронизировать признаки вариантов прочтения «текста», а впоследствии подвергнуть их сравнению: во-первых, плюрализм кодов коммуникантов («разница между сообщением на выходе и на входе информационный цепи... составляет самую суть работы текста как “мыслящего устройства”»); во-вторых, тяготение к диалогу/полилогу («система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное положение»); в-третьих, недостаточность использования одного языка («требуется минимально два языка»), что вызывает к жизни структуру-код («сплошное закодирование», «доминирующий код», «локальная кодировка» и др.); в-четвертых, рождение метатекста как модели самоописания («фооновая кодировка», «добавочные текстовые включения» и др.) [16, с. 7–8].

Итак, мы генерализовали центральные положения лотмановской теории текста, итог предпринятой процедуры представим в «грамматическом» виде (табл.).

Виды текста: компаративистский анализ (основание – семиозис текста)
Types of text: comparative analysis (based on semiosis of the text)

Критерий сравнения	Текст – «реализация сообщения»	«Текст культуры» – «информационный генератор»
Цель семиозиса	Точность передачи сообщения/значения	Передача сообщения/порождение значения
Отношение «адресант – адресат»	Основа – общность используемого кода	Основа – диалог/полилог кодового устройства
Язык сообщения	Текст создан на одном языке – монотекст	Текст создан на ряде языков – политекст
Модель самоописания	Метаязыковая модель (объект описания – язык)	Метатекстовая модель (объект описания – текст)
«Чтение» текста	Дешифровка текста	Общение с текстом

Отметим важное обстоятельство позиции ученого, которое позволит идти дальше. Лотман пишет: «Текст предстает перед нами **не** [выделено автором – *Е. Ш.*] как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [15, с. 7]. Выделенное отрицание свидетельствует о том, что, находясь в пространстве семиотики культуры, наделяя исследовательским интересом текст, ученый вслед за Лотманом идет в направлении текста, определенного «широко» – «информационный генератор», «интеллек-

туальная личность». Исходя из всего вышесказанного, сформулируем два принципиальных предложения.

Первое – номинативное: в границах семиотики культуры понятием, которое вбирает в свое содержание существенные характеристики текста как феномена, воспринятого «широко», признаем «текст культуры». Необходимость лексического расширения имени – «текст» → «текст культуры» – обосновывается: а) удобством демаркации текста – «реализации сообщения» и текста – «интеллектуальной личности»; б) аксиоматичным признанием генетического родства текста и культуры, его породившей; в) перспективами категоризации понятия (об этом речь пойдет далее).

Второе – методологическое: ученому, который, с одной стороны, смотрит на текст («текст культуры») как на семиотический феномен, с другой же, видит его как механизм процессуальной природы, следует понятию «функция» предпочесть «семиозис». Обоснование полагается на следующих аргументах. А) «Семиозис» является по своей природе «функцией», следовательно, аспекты нацеленности, процессуальности, имеемой в виду деятельности, данный семиотический термин не утрачивает. Б) «Семиозис» конкретизирует «функцию», так как концентрирует внимание на знаковом функционировании (как знак, знаковая система), в силу этого существенные характеристики исследуемого процесса требуют содержательного уточнения при их экстраполяции в плоскость означивания [17, с. 129]. В) Рольевой статус объекта, как правило, задается системой, которой он принадлежит (механизм, общество, экономическая, педагогическая среда и т. д.), эта заданность «система → объект» принципиальна для «функции», в то время как семиозис текста культуры представляет собой знаковое функционирование в границах открытой системы, культуры как «единого». Особо важно подчеркнуть, что семиозис текста культуры с позиций системного подхода видится не только в формировании метатекстуального пространства культуры как следствия открытости систем в границах «единого», но и в проблематизации механизмов – структур процесса означивания, подобный взгляд, действительно, достоин имени «структурно-семиотического».

Высказанные предложения при условии их принятия и следования им поднимают понятие «текст культуры» на иерархический уровень семиотической категории. Исследовательский потенциал необходимой категоризации «текста культуры» в границах культурфилософских штудий видится в целом ряде значимых теоретико-методологических перспектив. А) Наделение определенного круга номинаций статусом категории позволяет видеть совокупность научных понятий (их в любом исследовании, как правило, много) системой иерархично выстроенных структур, что, с одной стороны, страхует от утраты в понятийном многообразии этого категориального, с другой же, направляет исследовательский взгляд на анализ иерархических структур вокруг ядерной структуры-категории, главное-стратегическое – приближает к раскрытию механизма семиозиса конкретного текста культуры, культуры в целом. Б) Полагание понятийного аппарата исследования системой иерархично выстроенных структур вокруг предельных понятий позволяет ученому сконструировать и обосновать модель реальности, отдельные фрагменты которой мыслятся в каждом понятии, сводя многообразное к единому, элиминируя несущественное. В) Понятийное моделирование реальности, репрезентированное иерархичной системой понятий, при условиях ее

оригинальности, обоснованности, методологического сопровождения и др., позволяет выработать концептуальный взгляд на объект изучения, развитие которого создает условия для качественного приращения научного знания (теория, методология, школа, подход). Без категоризации понятий все эти возможности – задачи не просто не реализуемые, но они и не могут быть намечены.

Посмотрим на «текст культуры» как на одну из центральных категорий семиотики культуры, в процессе намеченного дефинирования следуем логике И. Канта, обоснованной на страницах «Критики чистого разума». Обращаем свое внимание на два кантовских положения. Примечательно, что одно изложено в «теоретическом» разделе классического текста – «Трансцендентальное учение об элементах» (параграф «О чистых понятиях рассудка, или категориях»), второе содержится в «методологическом» разделе – «Трансцендентальное учение о методе» (параграф «Дисциплина чистого разума в отношении гипотез»).

Категориями в учении Канта выступают «рассудочные понятия», являющиеся необходимыми «инструментами синтеза», благодаря которому «единство в синтезе многообразного становится необходимым» [18, с. 118]. Таким образом, категоризация «текста культуры» в границах культурфилософского знания фиксирует по меньшей мере три принципиальных положения: во-первых, с позиций семиотики культуры любой артефакт является «текстом культуры» – культура не мыслится вне пространства ее текстов; во-вторых, нацеленность исследователя на анализ артефакта как «текста культуры» на этапе синтеза необходимо венчать выявлением имманентных структур «текста культуры», элиминированием несущественного (многообразного, конкретного); в-третьих, семиозис «текста культуры», представленный на уровне структур «необходимого», раскрывает механизм функционирования культуры как системы.

Выше было отмечено, что процесс «чтения» «текста культуры», понимаемого как «интеллектуальная личность» представляет собой «общение» читателя с текстом. Подобный семиотический взгляд на текст перекликается со вторым кантовским положением, на которое мы опираемся. Философ отказывает чистому разуму в возможности открытия знания: «мы... ничего не можем познать», но, добавляет он, можно «...творить посредством [воображения] и высказывать мнение» [18, с. 573]. Рождение мнения по поводу недоступного познанию, подлежащего «дешифровке», ибо не содержит точного, строгого знания, подразумевающего слепое считывание, сопоставимо с практикой «чтения» как общения с текстом. Кант ограничивает «полет» воображения опытом – опора воображения должна быть «найдена в опыте»: «...мы не можем придумывать впервые... ни одного предмета с новыми и эмпирически недоступными [наблюдению] свойствами сообразно этим категориям и позволить себе полагать их в основу гипотез, так как это означало бы подтасовывать разуму пустые фикции вместо понятий о вещах» [18, с. 574]. Именно «текст культуры», поднятый на уровень категории, позволяет провести линию демаркации между «понятиями о вещах», где в роли вещи выступает конкретный «текст культуры», единица культурного опыта – отправная точка воображения («многообразия»), и «пустой фикцией», не подтвержденной «текстами культуры», уводящей от интерпретации культуры как единого. Таким образом, все многообразие «текстов культуры» – это и форма ее существования, и условие ее прочтения, интерпретации, диалога с ней.

Заключение. Статья представляет собой опыт метатеоретизирования вокруг семиотики культуры Ю. М. Лотмана. Реализации поставленной цели послужило поэтапное разрешение исследовательских задач, сформулируем краткие ответы на каждую. Первая задача – обоснование необходимости метатеоретических построений вокруг семиотики культуры Лотмана. Искомая необходимость основывается на понимании динамики культуры – имманентного ее усложнения как открытой системы, семиотический взгляд на культуру позволяет выявить ее механизмы. Более того, семиотика культуры тартуско-московской школы была задумана как область методологических поисков, которые и сегодня не завершены, следовательно, нуждаются в результативном продолжении. Вторая задача – категоризация «текста культуры» как любого культурного артефакта, рассмотренного в аспекте его семиозиса в отношении культуры как «единого» позволяет наметить и осуществить разработку процедур семиотического анализа любого артефакта-текста. Третья задача – характеристика семиозиса «текста культуры» как необходимого порождения метатекста. Семиозис артефакта-текста в условиях открытости системы культуры как «единого» закономерно порождает метатекстуальное пространство культуры. Данное следствие «семиозис “текста культуры” → пространство метатекста → семиозис метатекста» неминуемо актуализирует дальнейшую проблематизацию метатекста в границах семиотического изучения культуры. Четвертая задача – изложение принципов исследовательского «чтения» «текста культуры». Аксиомами любых исследовательских процедур в отношении «текста культуры» необходимо признать следующие положения: «текст культуры» – важнейшая позиция категориальной системы семиотики культуры, генетически связанная с категориями «культура», «модель». Любой артефакт представляет собой «текст культуры», предлагает модель культуры как «единого». Вслед за «текстом культуры» в категориальную иерархию семиотических понятий требуется вписать «метатекст». Важнейшим вектором семиотического анализа артефакта выступает его семиозис, интерпретируемый как порождение метатекстуального пространства культуры. Именно проблематизация механизмов семиозиса «текста культуры» в аспекте выявления роли его инвариантных структур в процессе означивания формирует исследовательский взгляд на культуру как структурно-семиотический.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Редколлегия. От редакции // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Т. 1: Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: Введение, теория стиха. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1964. С. 3–4.
2. Почепцов Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М.: Лабиринт, 1998.
3. Почепцов Г. Г. Русская семиотика: идеи и методы, персоналии, история. М.: Рефл-бук, 2001.
4. Шатова Е. Н. Семиотика как методология философско-культурологического знания: тартуско-московская школа // Философия и религиоведение в Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина / отв. ред. М. Ю. Смирнов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 90–111.
5. Золян С. Т. Юрий Лотман: о смысле, тексте, истории. Темы и вариации. 2-е изд. М.: ИД ЯСК, 2020.
6. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А. Д. Кошелев. М.: Гнозис, 1994.
7. Неклюдов С. Ю. Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

8. Университет, учитель, НТР (беседа с Ю. М. Лотманом) // Вестн. Высш. школы. 1986. № 7. С. 69–73.
9. Беседы с профессором Лотманом // Дайджест «Ленинградский университет». 1991. 12 апреля. С. 8–9.
10. Ицкович Д. «Говоря о современности, я скажу вот что...». О месте культуры в современном мире: беседа с проф. Тарт. гос. ун-та Ю. М. Лотманом // Независимая газета. 1991. 16 июля. С. 7.
11. Лотман Ю. М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб.: Эйдос, 1993. С. 84–92.
12. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
13. Полный курс «Бесед о русской культуре...» Юрия Лотмана // Livejournal. URL: <https://philologist.livejournal.com/8253720.html> (дата обращения: 07.02.2023).
14. Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПБ, 2005.
15. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Т. 12: Структура и семиотика художественного текста. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1981. С. 3–7.
16. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Т. 14: Текст в тексте. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1981. С. 3–18.
17. Шатова Е. Н. Философия культурного текста: практика семиотической интерпретации: учеб.-метод. пособие. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016.
18. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Наука, 1999.

Информация об авторе.

Шатова Елена Николаевна – кандидат философских наук (2007), доцент (2017), доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Петербургское ш., д. 10 лит. А, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196605, Россия. Автор более 38 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология, семиотика культуры, тартуско-московская семиотическая школа, семиотика кинематографа.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.02.2023; принята после рецензирования 01.04.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Redkollegiya (1964), "Ot redaktsii", *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam, vol. 1, Lotman Yu.M. Lektsii po structural'noi poetike. iss. 1 (Vvedenie, teoriya stikha)* [Scientific Notes of the Tartu State University. Works on sign systems. Vol. 1. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics. Issue. 1 (Introduction, theory of verse)], Tartuskii gosudarstvennyi universitet, Tartu, USSR, pp. 3–4.
2. Pocheptsov, G.G. (1998), *Istoriya russkoi semiotiki do i posle 1917 goda* [History of Russian semiotics before and after 1917], Labirint, Moscow, RUS.
3. Pocheptsov, G.G. (2001), *Russkaya semiotika: Idei i metody, personalii, istoriya* [Russian semiotics: Ideas and methods, personalities, history.], Refl-buk, Moscow, RUS.
4. Shatova, E.N. (2022), "Semiotika kak metodologiya filosofsko-kulturologicheskogo znaniya: tartusko-moskovskaya shkola", *Filosofiya i religiovecenie v Leningradskom gosudarstvennom universitete imeni A. S. Pushkina* [Philosophy and Religious Studies at Pushkin Leningrad State University], Smirnov, M.Yu. (ed.), LGU im. A. S. Pushkina, SPb., RUS, pp. 90–111.
5. Zolyan, S.T. (2020), *Yurii Lotman: o smysle, tekste, istorii. Temy i variatsii* [Yuri Lotman: about the meaning, text, history. Themes and Variations], 2nd ed., ID YaSK, Moscow, RUS.

6. Koshelev, A.D., (1994), *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school], Gnozis, Moscow, RUS.

7. Neklyudov, S.Yu. (1998), *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya* [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.], Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, RUS.

8. "University, teacher, scientific and technological revolution (conversation with Yu.M. Lotman)" (1986), *Vestnik Vyshey Shkoly* [Alma Mater], no. 7, pp. 69–73.

9. "Conversations with Professor Lotman", (1991), *Digest "Leningrad University"*, April 12, pp. 8–9.

10. Itskovich, D. (1991), "Speaking of modernity, I will say this...". On the place of culture in the modern world: a conversation with prof. Tart. State Univ. Yu.M. Lotman", *Nezavisimaya Gazeta*, July 16, p. 7.

11. Lotman, Yu.M. (1993), "City and Time", *Metafizika Peterburga* [Metaphysics of Petersburg], Eidos, SPb., RUS, pp. 84–92.

12. Lotman, Yu.M. (1994), *Besedy o russkoi kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)], Iskusstvo-SPB, SPb., RUS.

13. "Full course "Conversations about Russian culture ..." by Yuri Lotman", *Livejournal*, available at: <https://philologist.livejournal.com/8253720.html> (accessed 07.02.2023).

14. Lotman, Yu.M. (2005), *Vospitanie dushi* [Soul Education], Iskusstvo-SPB, SPb., RUS.

15. Lotman, Yu.M. (1981), "Semiotics of culture and the concept of text", *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam. T. 12. Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta* [Scientific Notes of the Tartu State University. Works on sign systems. Vol. 12. Structure and semiotics of a literary text], Tartuskii gosudarstvennyi universitet, Tartu, USSR, pp. 3–7.

16. Lotman, Yu.M. (1981), "Text within the text", *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam. T. 14. Tekst v tekste* [Scientific Notes of the Tartu State University. Works on sign systems. Vol. 14. Text in the text], Tartuskii gosudarstvennyi universitet, Tartu, USSR, pp. 3–18.

17. Shatova, E.N. (2016), *Filosofiya kulturnogo teksta: praktika semioticheskoi interpretatsii* [Philosophy of the cultural text: the practice of semiotic interpretation], LGU im. A. S. Pushkina, SPb., RUS.

18. Kant, I. (1999), *Kritik der reinen Vernunft*, Trans. by Lossky, N.O., Moscow, Nauka, RUS.

Information about the author.

Elena N. Shatova – Can. Sci. (Philosophy, 2007), Docent (2017), Associate Professor at the Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University, 10 Petersburg hwy., Pushkin, St Petersburg 196605, Russia. The author of more than 38 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophical anthropology, semiotics of culture, Tartu-Moscow semiotic school, semiotics of cinema.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.02.2023; adopted after review 01.04.2023; published online 20.11.2023.

Оригинальная статья
УДК 141.155; 316.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-44-58>

Кумулятивные процессы в современной миросистеме через призму диалектики и синергетических закономерностей: о проблеме перехода к эгалитарному обществу в условиях многополярности

Виктор Васильевич Тузов¹, Анна Анатольевна Изгарская^{2✉}

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹tuzov_1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3943-1065>

^{2✉}aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Введение. В работе рассматривается состояние современного мира и перспективы его многополярности с позиций синергетики, диалектики, миросистемного подхода и геополитики. Миросистемный подход обосновывает кризис и конечность современной мир-экономики, невозможность ее модернизации и появление запроса на формирование справедливого мироустройства. Идея многополярности является одним из ответов на данный запрос.

Методология и источники. Идеи социальной синергетики в работах Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова и В. В. Тузова позволили описать состояние современной миросистемы как состояние неравновесной системы в стадии самоорганизации. Диалектические законы Г. В. Ф. Гегеля были использованы для описания самых общих характеристик в логике исторических этапов становления социальной системы. Идеи И. Валлерстайна и геополитическая теория Р. Коллинза позволили обозначить свойства аттракторов, приводящих к появлению полюсов в мир-экономике.

Результаты и обсуждение. С точки зрения синергетики многополярность в миросистеме есть состояние хаоса, с позиций диалектики – это состояние скачка, перехода к новому качеству. Предложена геополитико-миросистемная типология аттракторов, способных вести к образованию полюсов. Показано, что многополярный мир содержит в себе разные варианты развития в зависимости от того, какие экономические отношения будут формироваться между участниками. В рамках существующей экономической системы (капиталистических отношений, отношений самоорганизации) многополярность выступает как промежуточное состояние, из которого рождается однополярный мир. Для нового результата необходимо заменить экономическую парадигму с самоорганизующейся мировой системы на организуемую по воле людей и на основе науки. Требования многополярного мира со стороны государств БРИКС, ШОС, ЕАЭС находятся в рамках существующей парадигмы развития, следовательно, формирование на этой основе эгалитарных отношений проблематично.

Заключение. В период бифуркации существующей системы человечество получает шанс преодолеть стихийность процессов самоорганизации и сформировать более эгалитарное общество. Многополярность может выступать как этап такого перехода.

© Тузов В. В., Изгарская А. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Однако если вопрос о качественном изменении общественных отношений не будет решаться, то многополярность окажется лишь этапом возврата к однополярному миру.

Ключевые слова: синергетика, самоорганизация, миросистемный подход, геополитическая динамика, многополярность, хаос

Для цитирования: Тузов В. В., Изгарская А. А. Кумулятивные процессы в современной миросистеме через призму диалектики и синергетических закономерностей: о проблеме перехода к эгалитарному обществу в условиях многополярности // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 44–58. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-44-58.

Original paper

Cumulative Processes in the Modern World-System in the Prism of Dialectics and Laws of Synergetics: to the Problem of Transition to Egalitar Society under Conditions of Multipolarity

Viktor V. Tuzov¹, Anna A. Izgarskaya²✉

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

¹*tuzov_1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3943-1065>*

²✉*aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. The paper examines the state of the modern world and the prospects for its multipolarity from the standpoint of synergetics, dialectics, the world-systems analysis and geopolitics. The world-systems approach substantiates the crisis and finiteness of the modern world-economy, the impossibility of its modernization and the emergence of a demand for the formation of an egalitarian world order. The idea of multipolarity is one of the answers to this request.

Methodology and sources. Ideas of social synergetics in the works of E.N. Knyazeva, S.P. Kurdyumov and V.V. Tuzov made it possible to describe the state of the modern world system as a state of a non-equilibrium system at the stage of self-organization. Hegelian dialectical laws were used to describe the most general characteristics in the logic of the historical stages in the formation of a social system. The ideas of I. Wallerstein and the geopolitical theory of R. Collins made it possible to designate the properties of attractors that lead to the emergence of poles in the world-economy.

Results and discussion. From the point of view of synergetics, multipolarity in the world-system is a state of chaos; from the point of view of dialectics, this is a state of a leap, a transition to a new quality. A geopolitical-world-system typology of attractors that can lead to the formation of poles is proposed. It is shown that the multipolar world contains different options for development, depending on what kind of economic relations will develop between the participants. Within the framework of the existing economic system (capitalist relations, relations of self-organization), multipolarity acts as an intermediate state from which a unipolar world is born. The authors came to the conclusion that for a new result, it is necessary to change the economic paradigm from a self-organizing world-system to one organized by the will of people and based on science. The requirements of a multipolar world on the part of the BRICS, SCO, and EAEU states are within the framework of the existing development paradigm, so the formation of egalitarian relations on this basis is problematic.

Conclusion. Humanity gets a chance to overcome the spontaneity of self-organization processes and form a more egalitarian society in the course of the bifurcation of the existing system. Multipolarity can act as a stage of such a transition. However, if the issue of a

qualitative change in social relations is not resolved, then multipolarity will turn out to be only a stage in the return to a unipolar world.

Keywords: synergetics, self-organization, world-system approach, geopolitical dynamics, multipolarity, chaos

For citation: Tuzov, V.V. and Izgarskaya, A.A. (2023), "Cumulative Processes in the Modern World-System in the Prism of Dialectics and Laws of Synergetics: to the Problem of Transition to Egalitar Society under Conditions of Multipolarity", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 44–58. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-44-58 (Russia).

Вопрос, который теперь стоит перед миром, не в том, как правительства могут реформировать капиталистическую систему, чтобы она смогла восстановить свою способность эффективно заниматься бесконечным накоплением капитала. Способа добиться этого не существует. Так что встает вопрос о том, что придет ей на смену.

И. Валлерстайн. «Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным»

Введение. На основе идей И. Пригожина И. Валлерстайн оценивал перспективы развития структурного кризиса современной миросистемы и предсказывал ее конечность [1, с. 23]. Миросистема, как и любая система, имеет ограниченный срок жизни. И. Валлерстайн был уверен, что организующая человечество последние пятьсот лет капиталистическая мир-экономика подходит к своему завершению, и на повестке дня стоит вопрос о системе-наследнике. В духе идей И. Пригожина он описывал варианты дальнейшего развития человечества. Современный мир приближается к развилке путей, на которой человечество окажется перед вариантами будущего, содержащими альтернативы современной системе, и выбор направления определит характеристики системы-наследника. Из описанных И. Валлерстайном трех направлений развития есть путь, ведущий к «относительно демократичной и относительно эгалитарной системе», какой еще не было в истории человечества [1, с. 57]. Однако в отличие от двух других возможных вариантов, а именно системы, сохраняющей основные черты нынешнего мироустройства (иерархию, эксплуатацию, поляризацию), и той, которая будет «гораздо хуже капитализма», она требует приложения сознательных усилий, целенаправленной борьбы обширных человеческих масс. Иными словами, человечество, проходя период бифуркации существующей системы, получает возможность преодолеть стихийность процессов самоорганизации новой системы и сформировать общество, более соответствующее разумной природе человека.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что И. Валлерстайн был прав в своих прогнозах. Мир стоит на пороге качественных трансформаций, и на текущем этапе развития функционирующая в режиме самоорганизации система подошла к своему финалу. Реформирование старых правил ее функционирования не уменьшает, а усиливает структурный кризис. Целый спектр глобальных проблем не может быть решен, поскольку исчерпаны возможности влияния государств на рыночные механизмы. Присущая человечеству способность решать проблемы при помощи военной силы также обрела свои границы. Защита

экономических интересов в международной системе с помощью военных действий по отношению к конкуренту чревата угрозой ядерной войны и взаимного уничтожения. Ценности свободы, равенства, прав человека, приоритета науки провозглашены, но не реализованы. Они служат экспансии капитала и оправданию его концентрации в ядре миросистемы, с их помощью массам периферийных обществ внушают ложные цели, обрекая их на прозябание. Запрос на качественно новый мировой порядок становится центральной темой повестки международного сообщества.

Идея многополярного мира, получившая широкое распространение в отечественной политической риторике и вошедшая в программные задачи Российского государства (см., например, [2]), появляется как ответ на сформировавшийся запрос. При этом данная идея так же, как и миросистемный подход, базируется на критике состояния международной системы и тезисе о необходимости ее переустройства. На сегодняшний день сложно утверждать, что идея многополярного мира обрела стройные рамки научной теории. Помимо этого, совпадение ряда ее положений с миросистемным видением перспектив человечества делает необходимым проведение сравнительного исследования концепций многополярности. С позиций более общих научных подходов, а именно синергетики и миросистемного анализа, следует задать ряд вопросов, которые позволят прояснить природу многополярности и уточнить ее потенциал в плане построения более справедливой системы мира. Во-первых, что такое многополярность с точки зрения синергетики и диалектики [3]? Ответ на этот вопрос позволит уяснить сущностные характеристики изучаемого явления. Во-вторых, каков механизм формирования полюсов в современной системе в общих концептах синергетики и миросистемного анализа? Третий вопрос: при каких условиях многополярность может стать основанием благоприятных перспектив развития для всего человечества, тем путем, который приведет мир к более эгалитарному обществу, а не к системе, чьи характеристики окажутся еще более жестокими по отношению к человеку?

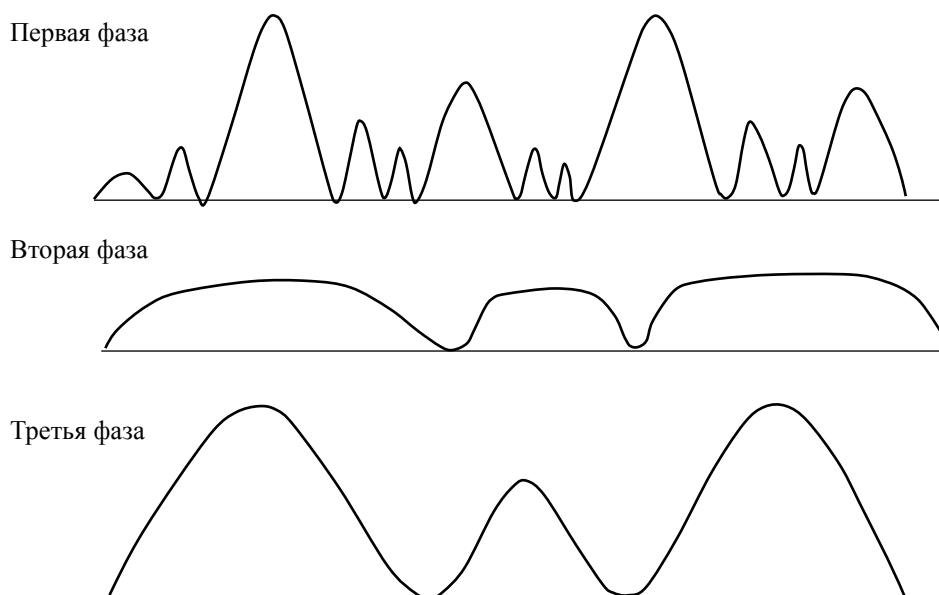
Методология и источники. Синергетика выявила множество аспектов и алгоритмов самоорганизации, которые являются универсальными и проявляют себя в самых разнообразных системах, если они относятся к типу открытых и неравновесных. Поскольку социальная система представляет собой открытую неравновесную систему, пребывающую в стадии самоорганизации, то она подчиняется синергетическим закономерностям и может быть рассмотрена с этих позиций [3–5]. Однако самоорганизация социальной системы не является ее сущностной и единственной формой существования. Социальная система подчиняется также диалектическим законам развития. С этой стороны она проходит три стадии развития в соответствии с законом отрицания отрицания. Первая стадия связана с возникновением социальной системы на ее собственном основании. Затем система переходит в форму своего инобытия или антитезиса, как писал Г. В. Ф. Гегель. На завершающей стадии развития система возвращается к своей первоначальной сущности, но в новой форме и на ином основании.

Современная миросистема функционирует в рамках второй стадии развития, стадии антитезиса (в терминологии Гегеля), которая в отличие от других стадий, а именно первобытного коммунизма (в терминах марксизма) и возможного эгалитарного посткапиталистического общества, подчиняется законам самоорганизации. В этой связи целесообразно

вначале рассмотреть особенности проявления элементов самоорганизации в функционировании социальной системы и, в частности, процесс формирования центров доминирования в современном мире на основе миросистемного анализа (И. Валлерстайн) [1] и теории геополитической динамики (Р. Коллинз) [6]. Из множества существующих подходов исследования динамики мировых процессов выбор в пользу миросистемного подхода был обусловлен на основе двух его преимуществ. Во-первых, в отличие от широко распространенного в науке представления о процессе глобализации как явлении последних трех десятилетий, миросистемный анализ указывает на существование глобализации, начиная с XIX в. в истории пятисотлетнего циклического развития капитализма. Таким образом, историческая ретроспектива миросистемного подхода оказывается глубже, а фактов для верификации теоретических построений – больше. Во-вторых, миросистемный подход, например в отличие от теории модернизации, предоставляет инструментарий, на основе которого можно объяснять взаимосвязь и различия моделей развития обществ.

Отмечая преимущества миросистемного подхода нельзя не согласиться с критическими замечаниями в адрес разработанной И. Валлерстайном конструкции мира, предполагающей наличие только одного центра [7–9]. Следует отметить, что наличие нескольких центров было характерно для миросистем древних обществ [10, 11]. Капиталистическая мир-экономика утрачивает единый центр в ситуации, близкой к военному расколу и предложения альтернативной формы порядка. Теоретические основания для объяснительной модели с несколькими центрами может предоставить теория геополитической динамики Р. Коллинза, которая способна усилить миросистемную конструкцию [12].

Результаты и обсуждение. В 2002 г. С. П. Курдюмов на семинаре по синергетике в СПбГУ показал графики того, как происходит самоорганизация горящей среды (см. рис.).

Три фазы самоорганизации горящей среды по С. П. Курдюмову
Three phases of self-organization of a burning medium according to S.P. Kurdyumov

В соответствии с его идеей «математические закономерности процессов горения и теплопроводности (диффузии) на современном этапе представляют одну из наиболее распро-

страненных моделей, претендующую на выяснение многих парадоксальных процессов синергетики» [5, с. 15]. На графиках видно, как сильные очаги горения (аттракторы) втягивают в зону своего действия слабые соседние очаги. Сначала процесс горения притухает, но затем разгорается с новой силой. Объединение дает преимущества в функционировании перед одиночными и слабыми очагами горения. Крупные социальные системы также становятся более устойчивыми по сравнению с небольшими социальными системами, особенно учитывая характер взаимодействия этих систем друг с другом в виде конкуренции.

С точки зрения человеческой логики, оптимальной формой существования современной цивилизации была бы та, где есть один центр притяжения и все унифицировано, то, что сегодня называют глобализацией. Хотя теоретически такое объединение возможно, в реальности это может привести к глобальной катастрофе, учитывая возможности конкурирующих центров силы (аттракторов).

Кроме того, синергетика показывает, что подобные объединения недолговечны, потому что имеют внутренние противоречия, которые до поры не проявляют себя. В этих объединениях наряду с процессом кооперации дремлет процесс диссипации, разрушающий объединение, как только оно становится неэффективным. История показывает правоту данного утверждения. Все империи разрушились под воздействием факторов, которые нарушили их устойчивость. Наличие двух взаимоисключающих процессов кооперации и диссипации, создающих и разрушающих диссипативные структуры, обеспечивает развитие той среды, которая изучается исследователем, в данном случае среды социальной, под которой понимается исторический процесс. Похожий сценарий развития описывает и диалектика, когда борьба противоречивых сторон внутри объекта приводит к его качественному изменению.

Современное состояние социальной системы не отражает ее сущностных особенностей. Существующие отношения только по форме являются социальными, а по содержанию это биотические отношения, такие же, как в сообществе стадных животных. Это отношения доминирования – подчинения [4]. И хотя многим исследователям кажется, что это и есть подлинно человеческие отношения, это не совсем так. Человек – биосоциальное существо. Его поведение детерминировано двумя программами. Как представитель природы (индивид) он управляется инстинктами. Точнее, двумя типами рефлексов: безусловными и условными (если следовать И. П. Павлову). Как член социального коллектива человек должен руководствоваться в своем поведении культурными нормами. Эти нормы сильно отличаются от того, что заложено в человека природой. Поэтому приписывать человеческому обществу закономерности функционирования, присущие одной из его фаз развития как целому, неправомерно. История знает другой тип отношений, характерный для первобытного общества. Вместо эксплуатации и конкуренции там были отношения сотрудничества и взаимопомощи. Отголоски этих отношений можно увидеть в рабовладельческих обществах Древней Греции и Древнего Рима. Свободных граждан в трудные годы государство поддерживало. Солон отменил долговые обязательства на землю. Рим кормил и развлекал огромное количество бездельников только потому, что это были его свободные граждане. Рабы были «говорящими орудиями» труда и находились за пределами социума. Поэтому рассматривать рабовладельческие государства, состоявшие из рабов и господ как двух социальных классов, большое заблуждение. Такая забота о подданных связана с тем, что рабовладение

является переходной формой общества от равенства и сотрудничества к конкуренции и эксплуатации. Открыто эксплуатируются рабы, а свободные граждане эксплуатируются через неэквивалентный обмен и другие формы взаимодействия.

Для того чтобы понять перспективу развития современной цивилизации, необходимо представлять логику исторического процесса. Имеющиеся данные позволяют увидеть два этапа в его развитии, а диалектический закон отрицания отрицания дает возможность достроить эту логику до конца. Первый этап характеризуется типом отношений, противоположным отношениям биотического сообщества, из которого вышла социальная первобытная община. Вместо отношений доминирования-подчинения возникли отношения равенства и взаимопомощи. Вместо инстинктивного поведения и самоорганизации возникла культурная норма как основа нового поведения и организация совместной жизни на основе разума. Вторая фаза развития исторического процесса связана с развитием производительных сил, осознанием индивидом своей отдельности от коллектива, т. е. своего эго, невозможностью разума организовать большие массы людей. На историческую арену снова выходит самоорганизация и иррациональная основа ее функционирования [1]. Миросистемный подход описывает этап этой фазы развития человеческого общества.

Предпримем попытку интерпретации теоретических конструкций миросистемного подхода и геополитической теории Р. Коллинза с позиции синергетики и, таким образом, дадим описание формирования аттракторов в пространстве современной миросистемы. Отметим сразу, что, во-первых, на основе синергетики, а именно идеи о смене состояния динамического хаоса состоянием порядка, можно проинтерпретировать процесс развития миросистемы. Во-вторых, идея аттракторов может быть использована для обозначения устойчивых состояний обществ, различающихся по своим геополитико-миросистемным характеристикам. В-третьих, проведенный анализ формирования центров господства в миросистеме показывает универсальный механизм поведения открытых неравновесных систем.

Современная миросистема – капиталистическая мир-экономика – система разделения труда в глобальных процессах производства и накопления капитала, формирующая иерархический *порядок* социально-экологических ниш (ядро, полупериферия, периферия), устанавливающих неравные возможности развития и выживания включенных в них обществ.

Миросистема является циклически развивающейся последние пятьсот лет капиталистической мир-экономикой. Каждый цикл, длящийся примерно сто лет, представляет собой смену относительно непродолжительного периода состояния хаоса мировой войны периодами формирования и распространения в глобальном пространстве нового мирового порядка. *Состояние порядка* определим как устойчивое функционирование системы разделения труда в иерархически структурированном глобальном процессе производства и распределения капитала. Под *состоянием хаоса* будем понимать разрушение сложившегося в системе порядка в результате накопившихся противоречий развития капиталистической мир-экономики и оспаривание посредством мировой войны глобального лидерства – гегемонии. Хаос войны разрушает старый порядок и формирует запрос на новый. Война является одним из важнейших элементов процесса «пульсации» территориальной динамики миросистемы, ядро в повышательной фазе цикла расширяет контроль над пространством, создавая обширные периферийные области, а в понижательной фазе утрачивает его.

Формируемое миросистемой различие социально-экологических ниш представим в форме аттракторов, пространства которых заданы сочетанием различных геополитических и миросистемных параметров (табл.).

Типы аттракторов (социально-экологических ниш) современной миросистемы
Types of Attractors (Socio-ecological Niches) of the Modern World-system

Геополитические параметры			Статус государства в миросистеме		
Территория влияния	Положение в системе	№	Ядро А	Полупериферия Б	Периферия В
Большая	Окраинное	1	А 1	Б 1	В 1
	Центральное	2	А 2	Б 2	В 2
Малая	Окраинное	3	А 3	Б 3	В 3
	Центральное	4	А 4	Б 4	В 4

Вначале кратко опишем характеристики аттракторов и уясним, какие из них могут предоставлять государствам и подконтрольным им обществам условия для их превращения в кумулятивные центры глобального господства. Рассмотрим три основных вида такого господства: глобальная гегемония, просистемные центры, челленджеры. Все центры обладают способностью аккумулировать пространство миросистемы в целях господства, но в разных масштабах и разными средствами. Гегемон восстанавливает глобальную систему после войны посредством внедряемой в систему инновации. Благодаря своему экономическому успеху гегемон выступает в качестве образца для подражания. Просистемные центры – господства, появляющиеся в результате успешного расширения миросистемы и утверждения в ней системы разделения труда. Они распространяют иницируемую гегемоном форму мирового порядка, поддерживают идеологию глобального либерализма и религиозной терпимости, осуществляют финансовую экспансию, распространяют технологические стандарты и деловой опыт, образуют сети неравного обмена с перифериями. Такие центры являются многочисленными, они формируют иерархические вертикальные и горизонтальные связи, поскольку могут располагаться в ядре, в полупериферии и в отдельных случаях в столицах обширных периферий. Центры конкурируют между собой, но способны длительный период не вступать в военное противоборство друг с другом, поскольку война ведет к разрушению связей. Челленджер – государство, способное бросить вызов гегемону и объединить антисистемные силы на вооруженную борьбу за изменение порядка в системе.

Двенадцать полученных аттракторов различаются по геополитическим параметрам, а именно по величине территории влияния и геостратегическому характеру положения государства в системе (окраинность, центральность). Рассмотрим кратко геополитические преимущества/неудобства аттракторов.

Геополитический параметр – территория влияния. Государства, имеющие преимущества в размере территории и ресурсах, обладают тенденцией к расширению территории за счет меньших и менее богатых [6, с. 82]. Таким преимуществом по отношению ко всем обществам обладают государства, включенные в аттракторы А 1 (территориально обширное государство ядра, имеющее окраинное геостратегическое положение) и А 2 (территориально обширное государство ядра, имеющее центральное геостратегическое положение). Государства, включенные в аттрактор Б 1 и Б 2, уступают А 1 и А 2 в ресурсах, но имеют территориальное и/или ресурсное преимущество по отношению к государствам остальных аттракторов.

Параметры положения в системе, а именно «окраинное» и «центральное», отражают преимущества и недостатки, задаваемые аттракторами в плане сопредельности границ государства с границами потенциальных и реальных противников, а также способности/неспособности государства расширять свою территорию. Окраинное геостратегическое положение – ситуация, когда границы государства закрыты от потенциальных угроз некоторым географическим фактором (обширными горными массивами и водными пространствами), способствует расширению территории. Общество может сконцентрировать ресурсы и нанести направленный удар по противнику, не опасаясь растягивания фронта или ситуации ведения войны на несколько фронтов. Таковыми аттракторами являются А 1, Б 1, А 3, Б 3. Окраинные аттракторы В 1 и В 3 редко создают преимущества для развития обществ, чаще они оказываются распахнутыми воротами для захватчиков. Общества могут «выскользнуть» из аттракторов В 1 и В 3 при условии обострения противоречий в системе. Так, например, США смогли завоевать независимость в XVIII в. в ситуации противостояния Великобритании и Франции, а Южная Корея получает возможность развития в ситуации противостояния двух систем – капитализма и социализма.

Окраинные государства в процессе расширения границ влияния могут становиться центральными, что ведет к смене аттрактора. Аттракторы с характеристиками «центральное положение в системе» (А 2, А 4, Б 2, Б 4, В 2, В 4) создают неудобства для развития общества, а при определенных условиях ведут к распаду или утрате суверенитета. Границы таких государств соприкасаются или блокированы границами потенциальных противников [6, с. 82]. В условиях аттрактора с «центральными» характеристиками значительная часть ресурсов тратится на оборону, логистику, а торговые сделки зависят от стран транзита. Могущественные государства с характеристиками А 2 и особенно Б 2 испытывают чрезмерный груз контроля над территорией. Обширные пространства становятся обузой для экономик таких стран, поскольку скорость их расширения опережает скорость изъятия ресурсов с подчиненных территорий. Государства в условиях аттрактора Б 2 могут оказаться в крайне уязвимом положении. При столкновении с более могущественным противником, проигрыше в войне, при утрате легитимности центральным правительством происходит явление, которое в истории описывается термином «распад империй».

Полученные описания аттракторов позволяют обозначить характеристики гегемонов, имевших место в истории миросистемы. «Гегемон – окраинное государство ядра, обладающее экономическим и финансовым превосходством, служащее образцом развития для государств и обществ миросистемы, способное поддерживать финансовую и территориальную экспансии на глобальном уровне» [12, с. 155]. Голландия как центр мир-экономики XVII в. соответствует условиям аттрактора А 3 – государство ядра с малой территорией, имеющей окраинное геостратегическое положение. Голландия уступила лидерство могущественному государству, чье господство было обеспечено не только лидирующими позициями в экономике, но и передовыми средствами военно-политического насилия и территориального контроля – Великобританией. Семилетняя война (1756–1763 гг.) и разгром армии Наполеона в 1813 г. создали благоприятные условия баланса сил для превращения Великобритании в гегемона миросистемы. Ее восхождение как глобального центра в двух циклах миросистемы, а именно в XVIII и XIX в., можно описать при помощи переходов из аттрактора А 3 (малое

окраинное государство ядра) в аттрактор А 1 (территориально обширное окраинное государство ядра) и к началу периода двух мировых войн XX в. – в аттрактор А 2. Обширная английская североамериканская колония с характеристиками аттрактора В 1 перемещается в результате обретения независимости и развития экономики в аттрактор Б 1. В конце XIX в. США оказываются в аттракторе А 1, а после Второй мировой войны играют роль гегемона миросистемы.

Теперь рассмотрим некоторые особенности аттракторов, которые обуславливают характеристики просистемных центров, иными словами, центров, которые встраиваются в систему, создаваемую мировым гегемоном, и поддерживают господствующий в ней порядок. В этом плане обращают на себя внимание общества аттракторов А 3, А 4, Б 3 и Б 4. Несмотря на то, что они имеют относительно небольшую территорию влияния, они могут быть весьма успешными в миросистеме. Государства с маленькой территорией зависят от внешнего рынка, они, как правило, не имеют достаточных собственных стратегических ресурсов для создания системы национальной безопасности и поэтому стремятся установить взаимосвязи с территориально обширными, сильными в военно-политическом плане и технологически передовыми субъектами международной политики. Устанавливая такие отношения, они получают свободу доступа к богатым рынкам и новейшим технологиям, снижают затраты на оборону.

Центрами притяжения для таких обществ, а также для группы В 1–4 могут выступать не только общества ядра, но и государства полупериферии, а именно Б 1, Б 2. Эти обширные пространственные образования могут как встраиваться в мировую систему разделения труда, так и рвать с ней сети неравного обмена, превращаясь в челленджера. Системная экспансия, с одной стороны, ведет к усилению центров в миросистеме, а с другой стороны, вызывает противоречия, которые способны разрушить единое государство ядра и подорвать стабильное состояние власти гегемона. Государствами, оказавшимися способными бросить вызов гегемону и предложить альтернативную форму глобального порядка, стали США в борьбе за независимость, наполеоновская Франция, СССР и страны Варшавского договора, Германия с союзниками в Первую и Вторую мировые войны, а также современная Россия. В качестве центра, который способен предложить порядок, отличный от существующего, выступает современный Китай. При этом Китай использует средства экономической и финансовой экспансии, интегрируя в свою орбиту периферии и полупериферии, проникая на рынки стран ядра.

С позиции геополитико-миросистемного синтеза многополярность является динамическим, временным состоянием капиталистической мир-экономики в период ее расширения. Крупные кумулятивные центры (аттракторы) в ядре и полупериферии, с одной стороны, включены в единую систему производства и распределения капитала, а с другой стороны, интегрируя обширные пространства и ресурсы, они способны конкурировать между собой. Давая характеристику сложившегося в первое десятилетие XXI в. состояния миросистемы, И. Валлерстайн писал, что в результате упадка американской гегемонии «образовалась реальность многополярного мира, в котором есть от восьми до десяти центров власти, достаточно сильных, чтобы относительно автономно договариваться с другими центрами. Однако теперь центров власти слишком много. Как следствие, участились попытки геополитиче-

ских потасовок, поскольку каждый из центров стремится получить максимальную выгоду» [1, с. 55]. Появление челленджера показывает, что противоречия в системе достигают уровня, на котором активно формируются противоборствующие блоки, и она входит в состояние военного хаоса.

Современная миросистема функционирует в режиме самоорганизации. Каждый раз после состояния хаоса она посредством подражания обществ послевоенного мира наиболее успешному и могущественному государству восстанавливалась и от цикла к циклу расширяла подконтрольное пространство в соответствии со своей капиталистической природой, о чем писала Р. Люксембург [13]. В отличие от кризисов предыдущих циклов, современный кризис, по мнению И. Валлерстайна, губителен для существующей капиталистической мир-экономики, и перед человечеством открываются пути, содержащие альтернативные формы мироустройства¹. «Мы – пишет он – сейчас вступаем в новую эпоху, эпоху, которую я описал бы как период дезинтеграции капиталистической мир-экономики. Все разговоры о создании “нового мирового порядка” – всего лишь пустые заклинания, которым почти никто не верит и которые, во всяком случае, маловероятно осуществить» [14, с. 228].

Однако исход бифуркации нельзя предсказать. Синергетика предупреждает, что в точке бифуркации пути развития системы ветвятся. Переход к эгалитарному обществу не является детерминированным и для оптимизма мало оснований. Сегодня можно видеть, что ядро капиталистической мир-экономики способно мобилизовать свои усилия для предотвращения угроз, исходящих от очередного челленджера, роль которого взяла на себя Россия, а существующие идеи о децентрализации мира в текущих условиях пока больше похожи на весьма смутные проекты-утопии, чем на дорожные карты преобразований. Однако нельзя отрицать и то, что проблема перехода к новому типу общества становится актуальной для науки. Например, С. Д. Бодрунов в работе «Ноономика» обосновывает необходимость перехода к новой экономике и новому типу общества. Полемизируя с противниками вмешательства в экономические процессы, автор «Ноономики» отмечает: «В экономике, основанной на “спонтанных самоупорядочивающихся процессах”, возможности сознательного вмешательства и на самом деле весьма ограничены. Но – не в силу слабости человеческого разума, как то утверждает Хайек, а в силу того, что существующая экономическая реальность складывается из множества неконтролируемых и непредсказуемых индивидуальных действий, способных поставить под вопрос любую сознательно преследуемую цель» [15, с. 249]. Сегодня, по сути, наука возвращается к тому, что было начато К. Марксом, который предупреждал, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [16, с. 536]. Сегодня обозначился этап развития, который соответствует второй части приведенной цитаты: «Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее разре-

¹ Описание причин и характеристик кризиса в работах И. Валлерстайна см., например, [1, с. 23–60].

шения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [16, с. 536].

Первые шаги на пути трансформации экономических отношений в сторону эгалитарных и строительства многополярного мира часто видят в появлении таких объединений, как БРИКС, ШОС, ЕАЭС (см., например, [17]). Однако эти организации являются институтами, сформированными в результате функционирования механизмов самоорганизующейся системы под названием «капитализм». Механизмы ее функционирования – конкуренция и отбор. Основа конкуренции – эгоизм во всех его проявлениях. Если не устранить эту основу, многополярность будет находиться под угрозой перехода к однополярности. Следовательно, строителям многополярного мира необходимо понимать, что устойчивость новой миросистемы возможна при постепенном уходе от капиталистических отношений конкуренции и эксплуатации к новым отношениям взаимопомощи и сотрудничества при паритете взаимных интересов. Участники вышеназванных объединений не говорят о необходимости качественно новых отношений. В программных документах этих организаций речь идет о том, чтобы на капиталистической основе выстраивать более справедливые отношения, а это означает, что мы видим не «родимые пятна» капитализма, перед нами сам капитализм в его искаженной, полупериферийной форме. Поэтому реализация многополярности в таком виде не будет гарантировать, что условия жизни внутри таких образований, особенно на территориях их периферий, окажутся менее жестокими к человеческой природе, чем это можно наблюдать сегодня.

Заключение. Многополярность с точки зрения синергетики есть переходная форма от одного порядка к другому, она представляет собой хаос, разрушение старого порядка. Универсальный механизм поведения открытых неравновесных систем обнаруживается в динамике современной миросистемы, функционирующей в режиме самоорганизации. Миросистемный подход описывает несколько циклов развития капиталистической мир-экономики, каждый из них включает период многополярности, вслед за которым каждый раз наступает хаос войны. В условиях современного кризиса появляется шанс заменить систему самоорганизации с такими ее элементами, как капиталистическая экономика, конкуренция и война, организацией совместного бытия людей, сущностные качества которого можно описать словами равенство, сотрудничество и взаимопомощь. Следует подчеркнуть, что переход к эгалитарному мироустройству не произойдет автоматически. Он с необходимостью потребует приложения сознательных усилий, целенаправленной борьбы обширных человеческих масс, а формирующаяся многополярность может стать удобным средством для слома господствующего в миросистеме порядка. Если этого не произойдет, то в системе возобладают процессы самоорганизации, и в очередном миросистемном цикле произойдет либо восстановление существующего порядка, уже сегодня ведущего человечество к экологическому апокалипсису, либо к форме, которая будет еще более жестока по отношению к человеку, чем капитализм. При формировании новых объединений под лозунгом многополярности надо иметь в виду ряд моментов. Во-первых, многополярность не имеет самоценности, это переходное состояние системы (хаос) от одного порядка к другому. Во-вторых, равенства и справедливости не может быть в системе, построенной на эксплуатации человека человеком, характерной для капиталистической мир-экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн и др. / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015.
2. Путин заявил о формировании многополярной системы мира // ТАСС. 30.06.2022. URL: <https://tass.ru/politika/15082807> (дата обращения: 21.07.2023).
3. Тузов В. В. Исторический процесс в свете синергетической парадигмы (субстанциальный подход). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011.
4. Курдюмов С. П. Собственные функции горения нелинейной среды и конструктивные законы построения ее организации // Современные проблемы математической физики и вычислительной математики. М.: Наука, 1982. С. 217–243.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994.
6. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2015.
7. Chase-Dunn C., Hall T. D. Comparing World-systems: Concepts and Working Hypotheses // Social Forces. 1993. Vol. 71, iss. 4. P. 851–886. DOI: <https://doi.org/10.2307/2580122>.
8. Schortman E. M., Urban P. A. Living on the Edge: Core/Periphery Relations in Ancient South-eastern Mesoamerica // Current Anthropology. 1994. Vol. 35, № 4. P. 401–413.
9. Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира. Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 449–461.
10. Champion T. C. Introduction // Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology. London, NY: Routledge, 2005. P. 1–20.
11. Изгарская А. А., Лысенко С. С. Эристические возможности модели периферизации обществ И. Валлерстайна: обобщение результатов критики // Respublica Literaria. 2021. Т. 2, № 3. С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2021.2.3.104-120>.
12. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях. Внутренние и внешние факторы динамики современной России. Новосибирск: НГПУ, 2012.
13. Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1–2. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934.
14. Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003.
15. Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
16. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во полит. литературы, 1980. С. 531–538.
17. «БРИКС и ШОС закладывают основы для новой системы управления миром»: СМИ о саммитах в Уфе // ТАСС. 10.06.2015. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2109239> (дата обращения: 20.07.2023).

Информация об авторах.

Тузов Виктор Васильевич – доктор философских наук (2004), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: закономерности исторического процесса, теория самоорганизации, проблема устойчивости социальной системы.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090,

Россия. Автор 98 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.08.2023; принята после рецензирования 25.09.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Wallerstein, I., Collins, R., Mann, M., Derluigian, G. and Calhoun, C. (2015), *Does Capitalism Have a Future?*, Transl. by Derluigian, G. (ed.), Gaidar Institute Publishing House, Moscow, RUS.
2. "Putin announced the formation of a multipolar system of the world", *TASS*, 30.06.2022, available at: <https://tass.ru/politika/15082807> (accessed 21.07.2023).
3. Tuzov, V.V. (2011), *Istoricheskii protsess v svete sinergeticheskoi paradigmy (substantsial'nyi podkhod)* [Historical process in the light of the synergetic paradigm (substantial approach)], ETU Publishing house, SPb., RUS.
4. Kurdyumov, S.P. (1982), "Eigenfunctions of combustion of a nonlinear medium and constructive laws for constructing its organization", *Sovremennye problemy matematicheskoi fiziki i vychislitel'noi matematiki* [Modern Problems of Mathematical Physics and Computational Mathematics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 217–243.
5. Knyazeva, E.N. and Kurdyumov, S.P. (1994), *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem* [Laws of evolution and self-organization of complex systems], Nauka, Moscow, RUS.
6. Collins, R. (2015), *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*, URSS, Moscow, RUS.
7. Chase-Dunn, C. and Hall, T.D. (1993), "Comparing World-systems: Concepts and Working Hypotheses", *Social Forces*, vol. 71, iss. 4, pp. 851–886. DOI: <https://doi.org/10.2307/2580122>.
8. Schortman, E.M. and Urban, P.A. (1994), "Living on the Edge: Core/Periphery Relations in Ancient Southeastern Mesoamerica", *Current Anthropology*, vol. 35, no. 4, pp. 401–413.
9. Abu-Lughod, J. (2001), "Restructuring the Premodern World-System", *The World Time*, iss. 2. Sibirskii khronograf, Novosibirsk, RUS, pp. 449–461.
10. Champion, T.C. (2005), "Introduction", *Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology*, Routledge, London, NY, UK, pp. 1–20.
11. Izgarskaya, A.A. and Lysenko, S.S. (2021), "Heuristic capabilities of I. Wallerstein's model of peripheralization of societies on the material of precapitalist systems: summarizing criticisms". *Respublica Literaria*, vol. 2, no. 3, pp. 104–120. DOI: [10.47850/RL.2021.2.3.104-120](https://doi.org/10.47850/RL.2021.2.3.104-120).
12. Izgarskaya, A.A. (2012), *Prostranstvo sotsial'nykh otnoshenii v geopoliticheskom i mirosistemnom izmereniyakh. Vnut-rennie i vneshnie faktory dinamiki sovremennoi Rossii* [The space of social relations in the geopolitical and world-system dimensions. Internal and external factors of the dynamics of modern Russia], NGPU, Novosibirsk, RUS.
13. Luxemburg, R. (1934), *Nakoplenie kapitala* [Accumulation of capital], vol. 1–2, Gos. sots.-ekon. izd-vo, Moscow, Leningrad, USSR.
14. Wallerstein, I. (2003), *After liberalism*, Transl. by Gurvits, M.M., Kudyukin, P.M. and Fedenko, P.V., in Kagarlitskii, B.Yu. (ed.), Editorial URSS, Moscow, RUS.
15. Bodrunov, S.D. (2018), *Noonomika* [Noonomics], Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, RUS.
16. Marx, K. (1980), "Toward a critique of political economy. Preface", Marx, K. and Engels, F., *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], in 3 vol., vol. 1, Izd-vo polit. literatury, USSR, pp. 531–538.
17. "BRICS and the SCO are laying the foundations for a new system of world governance": media about the summits in Ufa", *TASS*, 10.06.2015, available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2109239> (accessed 20.07.2023).

Information about the authors.

Viktor V. Tuzov – Dr. Sci. (Philosophy, 2004), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: the laws of the historical process, the theory of self-organization, the problem of the stability of the social system.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 98 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.08.2023; adopted after review 25.09.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.472
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-59-74>

Повседневные коррупционные практики молодежи Аргентины и России: опыт сравнительного анализа

Исабель Антониета Морайта^{1✉}, Николай Александрович Пруель²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹[✉isabelamorayta@yahoo.com](mailto:isabelamorayta@yahoo.com), <https://orcid.org/0000-0002-0608-7747>

²pruijel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1468-1145>

Введение. Актуальность темы обусловлена сложностью и многомерностью феномена коррупции, ее негативным влиянием на все стороны жизнедеятельности современного общества. Из обзора литературы видно, что коррупция анализировалась с разных сторон, хотя сравнений между такими странами, как Россия и Аргентина, не было обнаружено. Сравнение коррупционного поведения в этих двух обществах представляет научный интерес, поскольку они имеют общие черты, не принадлежат к числу либерально-западных стран, но одновременно сильно различаются по таким факторам, как экономическая и политическая стабильность.

Методология и источники. С теоретико-методологической точки зрения исследование основывается на научных трудах Р. Мертона, П. Бурдьё и М. Заложной, посвященных вопросам девиантного поведения, мотивации действия, практического смысла и коррупционного поведения. В данной статье выявляется, анализируется и сравнивается коррупционное поведение в повседневной жизни в России и Аргентине, исходя из данных, которые обеспечивают российские и аргентинские молодые люди в виртуальных интервью, проводившихся в 2020 г. (N25), и в фокус-группах (N2), реализованных до пандемии, и из материалов СМИ. Используется программа анализа качественных данных Atlas-ti.

Результаты и обсуждение. В Аргентине коррупционное поведение используется для улучшения материальных условий жизни в контексте ограничений, в то время как в России оно больше связано с целью ускорения срока, получения лучших услуг, окончания учебы или избегания смены жизненного проекта. Что касается институтов, упоминают университеты и больницы.

Заключение. Исследование показывает, что ни в России, ни в Аргентине логика коррупционного поведения не может быть сведена к логике экономического поведения, поскольку существуют различные мотивы, такие как страх, обычай, отстаивание права. Идея о том, что определенные ситуации решаются деньгами, широко распространена среди молодежи обоих обществ.

Ключевые слова: Аргентина, Россия, коррупция, интервью, сравнительный анализ

Для цитирования: Морайта И. А., Пруель Н. А. Повседневные коррупционные практики молодежи Аргентины и России: опыт сравнительного анализа // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 59–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-59-74.

© Морайта И. А., Пруель Н. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Everyday Corruption Practices of Young People in Argentina and Russia: the Experience of Comparative Analysis

Isabel A. Morayta^{1✉}, *Nikolai A. Pruel*²

^{1,2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹✉*isabelamorayta@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0608-7747>*

²*pruijel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1468-1145>*

Introduction. The relevance of the topic is conditioned by the complexity and multidimensionality of the phenomenon of corruption and its negative impact on all aspects of modern society. The literature review shows that corruption has been analyzed from different angles, although no comparisons were found between countries such as Russia and Argentina. The comparison of corrupt behavior in these two societies presents academic interest because they share common features, do not belong to liberal-Western countries, but at the same time differ greatly in such factors as economic and political stability.

Methodology and sources. From the theoretical and methodological point of view, the research is based on the scientific works of R. Merton, P. Bourdieu and M. Zoloznaya devoted to the issues of deviant behavior, motivation of action, practical sense and corrupt behavior. This article identifies, analyzes and compares corrupt behaviors in everyday life in Russia and Argentina, based on data provided by Russian and Argentinean young people in virtual interviews conducted in 2020 (N25) and in focus groups (N2) implemented before the pandemic, and media materials. Atlas-ti qualitative data analysis program is used.

Results and discussion. In Argentina, corrupt behavior is highlighted to improve material living conditions in the context of constraints and in relation to institutions, Argentines mention more the police. While in Russia it is more related to the purpose of speeding up time, getting better services, graduating or avoiding a change of life project. Regarding institutions, universities and hospitals are mentioned.

Conclusion. The study shows that neither in Russia nor in Argentina can the logic of corrupt behavior be reduced to the logic of economic behavior, as there are different motives, such as fear, custom, and assertion of right. The idea that certain situations are solved by money is widespread among young people in both societies.

Keywords: Argentina, Russia, corruption, interview, comparative analysis

For citation: Morayta, I.A. and Pruel, N.A. (2023), "Everyday Corruption Practices of Young People in Argentina and Russia: the Experience of Comparative Analysis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 59–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-59-74 (Russia).

Введение. Актуальность темы обусловлена сложностью и многомерностью феномена коррупции, ее негативным влиянием на все стороны жизнедеятельности современного общества. За последние 30 лет коррупция приобрела в общественном мнении статус публичной проблемы как на уровне отдельных стран, так и в международной повестке дня.

Исследования, посвященные коррупции, могут быть классифицированы по трем большим блокам: 1) экономический анализ, прежде всего основанный на подходе рационального

действия; здесь коррупция понимается как рациональное поведение в данном контексте стимулов; 2) социокультурные работы, которые обращают внимание на структурные, нормативные или институциональные условия, ограничивающие или нет коррупционное поведение; 3) социологические и антропологические исследования, выходящие за легально-нормативные пределы, анализирующие связи, которые устанавливаются между участниками коррупционных ситуаций.

С середины 1960-х гг. экономисты [1–3] рассматривали коррупцию как положительный, выгодный и полезный ответ в обществах с развитой бюрократией и неэффективными институтами. Позднее Дж. Най [4], Г. Беккер и Дж. Стиглер [5] и С. Розе-Акерман [6] отказались от положительного аспекта, подчеркивали отрицательный компонент коррупции и характеризовали ее как результат контекста неадекватных стимулов, где индивиды рационально действуют. Следуя такой линии анализа, зарубежные авторы сосредоточили свое внимание на изучении причин коррупции [7–9], ее последствиях и соответственных политических решениях [10–12].

В ходе социокультурных исследований коррупции ученые рассматривают связи между социальными нормами и склонностью нарушения их индивидами [13], а также между официальной религией и уровнем коррупции в разных странах [14–16].

В Аргентине изучается вопрос коррупции в рамках экономических и политологических наук, но в социологическом поле качественные исследования нацелены на выявление того, как коррупция влияет на повседневную жизнь населения низшего и среднего класса [17] и как соотносятся между собой восприятие коррупции и политическая идентичность [18]. Качественно-количественные работы анализируют соотношение между коррупцией и уровнем доверия граждан к государственным институтам, демократии и экономическому развитию [19]. При исследовании коррупции в рамках социологии элит уделяется внимание взаимосвязи экономических элит с политическими элитами и государством [20–22] и конфликтам интересов [23, 24]. Как правило, проводятся сравнительные исследования стран Латинской Америки [25–27].

Что касается российского академического поля, социологи изучают коррупцию как неформальную практику, связанную как с функционированием институтов [28], так и с повседневной жизнью граждан [29–31]. Также исследователи уделяют внимание коррупции в сферах образования [32, 33]. Проводится сравнительный анализ природы, причин, механизмов, уровней и последствий коррупции в России и в развитых, азиатских или бывших ранее в составе СССР странах [34, 35]. В итоге некоторые авторы [36–38] рассматривают особенности коррупции в России в связи с ее советским наследием и сравнивают их со спецификой других посткоммунистических стран.

Изучение коррупции в таких странах, как Россия и Аргентина, может способствовать всестороннему пониманию коррупции в различных институциональных и административных контекстах. Эти две страны имеют общую черту: ни одна из них не принадлежит к более развитым западно-либеральным странам, т. е. их институциональные и административные системы не соответствуют рационально-бюрократическим и западным моделям. Но в то же время они сильно различаются по вопросам, связанным с политико-институцио-

нальной и экономической стабильностью и социопсихологическими факторами, такими как доверие к институтам. Таким образом, сравнение коррупционных практик в таких обществах представляет собой интересную задачу в научном плане и может углубить понимание природы и причин коррупции в разных институциональных и административных контекстах.

С нашей точки зрения, коррупция представляет собой управленческую проблему, которая является способом взаимодействия, имеющим место в рамках разных исторически созданных управленческих систем. Эти системы сочетают формы социальной организации взаимодействия (формальное, неформальное, ориентированное на цели, эмоции и т. д.), типы собственности (государственная и частная) и власть (асимметричные ситуации, иерархии). Следовательно, коррупция – способ поведения, который возникает в управленческой области, связывающей экономические, политические и организационные факторы.

Цели данной статьи – проведение сравнительного анализа и выявление сходства и различия коррупционного поведения молодежи в повседневной жизни России и Аргентины.

Методология и источники. Социологические перспективы анализа коррупционного поведения могут преодолеть ограничения экономического подхода (коррупция как рациональное поведение для получения выгоды), с уделением внимания факторам культуры, таким как религия, привычки, ценности, для понимания того, почему человек ведет себя коррумпированным образом.

Согласно теории девиантного поведения Р. Мертонa [39] коррупция может быть проанализирована как форма индивидуальной адаптации в контексте аномии. По мнению исследователя, аномия означает не отсутствие норм, а скорее дисбаланс между социальными требованиями общества и институционализированными средствами для их удовлетворения.

П. Бурдые указывает, что теория рационального актора уменьшает действие к механической реакции абстрактного актора (совсем информирован) и объясняет «происхождение» всех действий в стремлении получить максимальную выгоду при минимально возможных затратах. Такая позиция предполагает ограниченное понятие рациональности практик потому, что связывает их исключительно с экономическими интересами как цели, сознательно установленные [40, с. 82]. Соответственно, научный анализ коррупционного поведения не предполагает причины и мотивы агентов, а стремится выявить и объяснить их.

По мнению П. Бурдые, теория рационального действия заменяет практический смысл, который агент развивает в своей повседневной жизни, размышляя и анализируя эти практики [41, с. 84]. Таким образом, коррупционная практика не может быть объяснена исключительно в соответствии с этой теоретической моделью по двум причинам: 1) наличие всей информации является исключительной ситуацией для агента; 2) решение о совершении коррупционного деяния и «система предпочтений» (предрасположенность к принятию определенного решения) зависят от предыдущих решений агента и условий, в которых эти «варианты» выполняются [40, с. 102]. П. Бурдые введет понятие смысла игры: как только игрок усваивает правила игры, он делает то, что нужно сделать, в то время, когда необходимо, без явного указания целей или результатов [42, с. 166]. Теория П. Бурдые больше не принадле-

жит исключительно к экономической области, но относится ко всем социальным практикам. Действительно, сокращение понятия интереса к экономической сфере препятствует соблюдению некоторых практик, построенных на неэкономических принципах. Распространение понятия интереса на другие области (честь, отношения, спасение и т. д.) позволяет объяснить явно более «бескорыстные» практики, основанные на логике интереса, так как нематериальные выгоды также направляют действия людей [41, с. 80].

В этом смысле, согласно М. Заложной, чтобы глубже понять коррупционное поведение, необходимо анализировать экономику обмена и ее последствия для реальных участников, а не предполагать их. Таким образом, сравнительно-социологический анализ коррупции предполагает учет трех социологических принципов: 1) социальные корни коррупции; 2) множественность последствий власти; 3) разнообразие рациональностей человеческого поведения [43].

Исходя из этих предпосылок, коррумпированное поведение можно отнести к формам действий, в которых имеется частное присвоение коллективного или общинного имущества [43, с. 721], которое не ограничивается одним административным и институциональным пространством и в котором присутствует власть, но ее направление не может быть определено заранее, а должно определяться в каждой конкретной ситуации.

В данном исследовании выявляется, анализируется и сравнивается коррупционное поведение в России и Аргентине, исходя из данных, которые обеспечивают российские и аргентинские молодые люди в виртуальных интервью, проводившихся в 2020 г. (N25), и в фокус-группах (N2), реализованных до пандемии, и из материалов СМИ. В Аргентине проводились 14 интервью (8 женщин и 6 мужчин; от 20 до 24 лет – 5 чел. и от 25 до 34 лет – 9 чел.). В России – 11 интервью (6 женщин и 5 мужчин; от 20 до 24 лет – 4 чел. и от 25 до 34 лет – 7 чел.). В фокус-группах участвовали 15 молодых людей от 20 до 24 лет, 9 женщин и 6 мужчин.

Исследование проведено через программу анализа качественных данных Atlas-ti.

Результаты и обсуждение. В ходе интервью участников спрашивали, что они понимают под коррупцией, как они ее определяют и как бы они объяснили коррупцию другому человеку. На основе их ответов их попросили подробно объяснить те действия в повседневной жизни, о которых они знали и считали коррупционными, а также те, в которых они участвовали. В ходе анализа было установлено, что эти действия имеют определенные характеристики, которые позволили сгруппировать их по количеству вовлеченных людей, частоте возникновения, организационному механизму, включению в должностные функции и злоупотреблению властью со стороны сил безопасности в аргентинском случае.

В табл. 1 приведены данные, предоставленные аргентинскими участниками.

В аргентинском случае имеет место поведение, которое не предполагает участия какого-либо другого лица. Такое поведение является регулярным и представляет собой механизм повышения зарплаты. Для государственных служащих этот механизм узаконен властью и представляет собой способ повышения заработной платы, которая признается низкой. В России, по крайней мере из информации, предоставленной участниками, поведение с этими характеристиками не наблюдается.

Таблица 1. Коррупционные практики, описанные аргентинскими респондентами
Table 1. Corrupt practices described by Argentine respondents

Классификация коррупционных практик	Коррупционная практика описана респондентом
Коррупционные действия, которые позволяют получать неоправданную выгоду без вовлечения в эти действия других людей	<ul style="list-style-type: none"> – На работе оплачивают транспортные расходы. Работник предоставляет поддельные чеки, чтобы увеличить сумму для получения (интервью 1). – Государственные служащие утверждают, что делают сверхурочную работу, которую они не выполняют с согласия властей, в качестве механизма повышения заработной платы (интервью 10, 14). – Сделать подпольную, тайную и незаконную связь и не платить компании за свет, воду, газ (интервью 13)
Практики, включающие участие двух или более человек и выполняемые спонтанно или только один раз	<ul style="list-style-type: none"> – Дать взятки полицейским на маршруте (интервью 1, 8), за незаконную торговлю на улице (интервью 4, 5, 12), за вечеринку (интервью 6). – Строительный проект. Чиновник, который должен одобрить проект, требует «внимания» (интервью 11). – Сотрудник Национального управления социальной защиты (ANSES) продает дисконтные транспортные карты пенсионера (интервью 13)
Практики, предполагающие участие двух или более человек и продолжающиеся в течение времени	<ul style="list-style-type: none"> – Техник, работающий в фирме, незаконно навязывает долгосрочные собственные услуги в жилом доме и ежемесячно получает за это «доход» (интервью 2, 13). – Любой социальный работник обязан иметь регистрационный номер. Для этого необходимо иметь диплом об образовании. Известны случаи, когда в обмен на ежемесячные «взносы» некоторые люди, еще не получившие соответствующего образования, получают печать и регистрационный номер для работы социальным работником (интервью 3). – Регулярные полицейские поборы с местных торговцев в целях «обеспечения» их «безопасности» (интервью 10). – Выполнение работ на определенную сумму и выставление счетов на более высокую сумму. Разница делится между двумя сторонами (интервью 8). – Семья платит взятки полицейским и судьям, чтобы их заключенный родственник жил с евангелистами с целью его безопасности (интервью 13)
Практики, связанные со злоупотреблением властью	<ul style="list-style-type: none"> – Полицейский наряд без причины задерживает молодых людей на улице и всю смену (как правило, ночную) удерживает их в своей патрульной машине (интервью 5). – Двое молодых людей на улице. Полицейские останавливают их и замечают, что у них есть сигарета с марихуаной. Они требуют денег, чтобы не отвозить их в участок. Молодые люди отдают все деньги, которые у них есть (интервью 12)
Практики, подразумевающие наличие организации, основанные на специализации ролей и разделении задач	<ul style="list-style-type: none"> – Наводнение в трущобах, т. е. очень бедных районах. Пострадавшие получают все необходимое (холодильник, кровати, матрасы и т. д.) в обмен на голоса на выборах (интервью 7)
Практики, которые выполняются как задачи работы	<ul style="list-style-type: none"> – Компания по окрашиванию тканей, которая загрязняет окружающую среду. Каждую пятницу сотрудник должен вручать комиссару конверт с деньгами (интервью 13)

В таблице 2 приведены данные, предоставленные российскими участниками.

Таблица 2. Коррупционные практики, описанные российскими респондентами
Table 2. Corrupt practices described by Russian respondents

Классификация коррупционных практик	Коррупционная практика описана респондентом
Практики, включающие участие двух или более человек и выполняемые спонтанно или только один раз	<ul style="list-style-type: none"> – Дать/вымогать полицейским взятку на улице (интервью 15, 18, 19, фокус-группы 1, 2). – Дать/вымогать взятку при сдаче экзамена на права (интервью 15, 20–22, фокус-группы 1, 2). – Подарить что-то коменданту в общежитии, чтобы сделать что-то неразрешенное (интервью 15). – Дать какой-то подарок с расчетом на то, чтобы получить что-то большее или что-то лучшее (интервью 17). – Дать взятку, чтобы получить справку в армии (интервью 18). – Устройство члена семьи или друга на работу вместо более квалифицированного человека (интервью 20, 21). – Платить за то, что автомобиль стоит не на платной стоянке (фокус-группа 1). – Платить, чтобы поступить в университет (фокус-группа 1). – Купить маленький подарочек и получить больничный (фокус-группа 1). – Сделать подарок, чтобы получить паспорт быстрее установленного срока (фокус-группа 1). – Преподаватели сами пишут дипломные работы за студентов (фокус-группа 1). – Чтобы уложить бабушку в больницу и обеспечить хороший уход, необходимо заплатить (фокус-группа 1). – Везти подарок представителю компании с целью найти клиентов – откаты (интервью 23). – Когда человек пытается с помощью какой-то коррупции просто не запачкать свою репутацию (интервью 24). – В вузах у студентов вымогать деньги, чтобы они успешно закончили какой-то курс, получили зачет, сдали экзамен и т. д. (интервью 16, 19, 20–25, фокус-группы 1, 2). – Преподаватели намекают, что надо «купить» у них дополнительные или репетиторские курсы, и только в таком случае можно успешно сдать экзамен (интервью 16). – Дать взятку в больнице (интервью 19, 20, 24, 25, фокус-группа 1). – Взятки в ГИБДД (интервью 19, фокус-группа 1). – Платить взятку, чтобы сделать ремонт дома (интервью 19)
Практики, которые включают участие более двух человек и включают в себя различные роли и задачи	<ul style="list-style-type: none"> – В вузах платить, чтобы сдать экзамены (интервью 22, 24, фокус-группа 2). – Дать/ вымогать взятку при сдаче экзамена на права (интервью 19, 20, фокус-группа 2)
Практики, которые выполняются как часть функций работы	<ul style="list-style-type: none"> – Дарить дорогие подарки представителям компаний, чтобы сделать их своими клиентами (интервью 23). – Чтобы привлечь клиента, надо представителю компании платить процент от общей сделки. Дать конверт с деньгами (интервью 24)

Практики, широко распространенные в аргентинском обществе, связаны с целью улучшить условия жизни и включают незаконное подключение коммунальных услуг, таких как свет, газ, вода, интернет и частное телевидение. Незаконное подключение предполагает присвоение товара или услуги без оплаты за него. Коррупционное поведение сосредотачивается на отношениях с техником фирмы, который устанавливает подключение в обмен на деньги,

которые он снимает каждый месяц. Поведение является регулярным, долгосрочным и может включить в себя аффективные связи между сторонами. Несмотря на асимметрию власти между сторонами, устанавливается более равная связь, чем с компаниями, которые могут повысить цену без проведения переговоров.

В России ни один участник опроса не упоминал тип поведения, подобный следующим: 1) по цели: присвоение коммунальной услуги; 2) по времени: на длительный срок; 3) по способу: установление связи с тем, кто может ее обеспечить.

В Аргентине также проявляется коллективное коррупционное поведение, при котором группа людей с разными ролями организуется для получения имущества, потерянного в результате катастрофы, в ситуации, когда местное правительство не решает проблему. Такое поведение представляет собой способ решения серьезных вопросов для значительного числа людей.

Практически все российские участники как интервью, так и фокус-групп упоминают об уплате дополнительных сумм в вузах с целью поступления или сдачи зачетов и о дарении подарков. Такое поведение является либо индивидуальным, либо организованным. Респондент вспоминает: «Когда я училась в университете, я много раз платила за свои сдачи, я не хотела учиться. В основном все было организовано до меня... и мне как студенту оставалось только выяснить, кому сдать, когда и сколько, потому что даже не надо разговаривать с самими преподавателями... уже есть люди, которые разговаривают с ними. Все еще до моего поступления в тот университет, и у них есть схема» (интервью 22). Другой участник говорит: «Я знал, сколько нужно дать за какую-то оценку... на каждый экзамен по-своему и зависит от предмета и от преподавателя» (интервью 24). Подробно объясняет схему: «Есть группа студентов либо группа выпускников, которые стоят обособленно и хорошо общаются с одним или со всеми преподавателями кафедры, они вместе договариваются на определенные цены и тайно, никто не знает, когда они встречаются и передают сумму со списком студентов... допустим, студенты А, Б, В заплатили по такой-то сумме и нужно поставить какую-то оценку. Как это происходит на экзамене? Студент либо не приходит, а в зачетке у него появляется оценка, либо он приходит и преподаватель заранее задает 2-3 простых вопроса, на которые студент точно может ответить» (интервью 24). Девушка упоминает: «Там запросили 30 тысяч. Я получила сообщение через социальные сети. Думаю, что этот человек был либо членом приемной комиссии, либо студентом-помощником» (фокус-группа 1). Другой добавляет: «Там вообще распространена практика, когда преподаватели сами пишут дипломные работы за студентов. Вот еще пример: 30 тысяч за консультацию за все» (фокус-группа 1). По данным исследования, примерно 23 % опрошенных студентов утверждают, что платят за зачет, экзамен или пропуски, чтобы поступить в вуз или не быть отчисленными [44].

В Аргентине эти виды практик не упоминаются ни одним респондентом. Даже по требованию интервьюера они утверждают, что не знают такого вида практик, что никогда не видели и не участвовали в них. Некоторые респонденты, хотя и не уверены, думают, что какая-то коррупция в университете должна существовать: «Возможно, на факультете есть коррупция, но я никогда не слышала... т. е. я не могу привести примеров» (интервью 9). Другой участник говорит: «На факультете должна быть коррупция» (интервью 12). Они утверждают, что есть коррупция в университете, потому что чувствуют, что нет социальной

сферы без коррупции. Поэтому даже если у них нет опыта, в университете, вероятно, есть коррупция.

После университетской реформы 1918 г. доступ к университету свободный и неограниченный, и в 1949 г. был учрежден бесплатный университет, т. е. студенты, как аргентинские, так и иностранные, поступают бесплатно в университет без предварительного экзамена и без возрастных ограничений. Анализ в СМИ показывает, что, в соответствии с утверждениями респондентов, коррупционная практика в университетах связана не с выплатой сумм преподавателям за сдачу зачетов и экзаменов, а с управлением университетскими фондами и незаконным обогащением некоторыми ректорами или деканами, которые также связаны с политической властью [45, 46]. Кроме того, университет является учреждением, которое вызывает наибольшее доверие в аргентинском обществе, за ним следуют государственные школы и больницы [47].

По поводу ситуации, в которой двое молодых людей курили сигарету с марихуаной и были вынуждены заплатить полицейским деньги, можно указать, что в 2009 г. Верховный суд признал неконституционной статью закона [48], которая предусматривает наказание за хранение в небольших количествах марихуаны для личного потребления. Молодые люди не нарушали закон, однако заплатили сумму, которую требовали полицейские. В этом смысле необходимо выделить некоторые аспекты сил безопасности в Аргентине: количество людей, убитых силами безопасности, превышает 3 800 случаев в период с 1996 по 2021 г. [49]. В контексте обязательной профилактической изоляции в связи с пандемией ковида с марта по август 2020 г. осуществили насилие и убили более 30 человек [50]. По данным Министерства безопасности провинции Буэнос-Айреса, одной из основных причин увольнения полицейских является насилие в отношении граждан [51]. Доверие аргентинцев к полиции является относительно низким – 38 % [52]. В этом контексте можно предположить, что молодые более склонны участвовать в коррумпированной акции, предложенной полицейским, чем отказываться, и они это делают из страха. В России такое поведение не упоминается. Это не обязательно означает его отсутствие. Но это не тот элемент, который российские респонденты подчеркивают, когда говорят о коррупции. Участник говорит: «Я курил. Меня остановили на улице. Я заплатил 500 руб. и меня оставили в покое. Полицейские не установили величины, но я знал, что практика примерно 500 руб. Я попробовал, их эта сумма удовлетворила, и конфликт был разрешен» (фокус-группа 1).

Аналогично молодые аргентинцы отмечают, что регулярно платят взятки на дорогах. Иногда этого требуют полицейские, а иногда они предлагали сами. Они постоянно слышат, что «проблемы с полицией решаются деньгами». Как правило, не считают такую практику коррумпированной, скорее это механические и бессознательные действия. Респондент упоминает: «Я думаю, что есть ситуации, где злоупотребляют властью, и ты, как гражданин, ничего, у тебя есть привычка, потому что с детства ты слушаешь «полицейскому даешь несколько песо и все», и это инкорпорировано... и ты делаешь, потому что ты уже привыкла к этому» (интервью 8). В этом случае дача взяток оказывается не коррупционным поведением, а привычкой.

Российские участники упоминают коррупционную практику в больницах. Такая практика предполагает дарение денег и подарков врачам. Но кроме того, они отмечают, что

такую практику регулярно выполняли их родители и бабушки. Они растут, слушая, как их родственники говорят о том, что таким образом необходимо вести себя. Аргентинцы, напротив, в беседе с интервьюером не упоминают ни о какой подобной практике.

Представления о коррупции в Аргентине связаны с политикой [53]. Таким образом, деятельность, которая в принципе не имеет политического характера, не считается коррупционной. В этом смысле сферы здравоохранения и образования для аргентинцев находятся вне политической деятельности и вне коррупции.

Вместо этого для россиян представления о коррупции ассоциируются с государством [53]. Независимо от того, какую деятельность они осуществляют, они больше доверяют частным, чем государственным учреждениям. Как говорит один из респондентов: «Начать менять законодательство, чтобы как в частных клиниках, чтобы был способ легально дать, использовать ресурсы и получить результат, тогда все будет нормально. Из-за того, что нет легального способа быстро достичь результата, начинается проблема коррупции, мне так кажется» (интервью 24).

В Аргентине люди больше доверяют государственным учреждениям, чем частным, особенно в области здравоохранения и образования. Неолиберальная политика 1990-х гг., характеризующаяся сокращением государственного вмешательства и приватизации государственных предприятий, привела к худшему кризису в Аргентине в конце 2001 г.

В России выявляются практики, которые хотя считаются респондентом коррупционными, им же интерпретируются и оправдываются как крайний случай, чтобы уклониться от призыва в армию. В этом смысле коррупционное поведение – это ресурс, используемый, чтобы не подвергать риску жизнь и избегать изменений в профессиональных, семейных проектах и т. д. В Аргентине такого поведения нет, так как в 1994 г. была прекращена обязательная военная служба.

Заключение. Исходя из теории П. Бурдьё, ни в России, ни в Аргентине логика коррупционного поведения не может быть сведена к логике экономического поведения, поскольку существуют различные мотивы, такие как страх, обычай, отстаивание права, перед другими. Коррупционное поведение субъекта не остается неизменным во времени: человек может быть коррумпированным в определенных взаимодействиях, ситуациях и обстоятельствах, но не в других. Коррупционное поведение также является частью смысла игры: люди делают то, что им нужно делать, в тот момент, когда им нужно, неосознанно ставя цели: «Меня останавливает полиция или мне нужно получить права, тогда я должен заплатить деньги».

Эти идеи широко распространены среди молодежи: они слышат, что определенные ситуации решаются деньгами или подарками.

В то время как некоторые виды коррупционного поведения являются рациональными (люди устанавливают цель, анализируют средства и получают необходимую информацию об условиях и последствиях в течение значительного периода времени), другие характеризуются иными признаками: неопределенностью, необратимостью и быстротой. В частности, в таких случаях человек обращается к имеющимся у него ресурсам, своим идеям, восприятию и личному опыту, т. е. к своему практическому смыслу.

Административно-институциональные условия, в которых наиболее часто упоминаемые коррупционные практики имеют место, различны: аргентинцы больше упоминают полицию, а российские – университеты и больницы. В Аргентине коррупционное поведе-

ние используется для улучшения материальных условий жизни при существующих ограничениях или для работы, в то время как в России оно больше связано с целью ускорения срока, получения лучших услуг, окончания учебы или избегания смены жизненного проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption // *American Behavioral Scientist*. 1964. Vol. 8, iss. 3. P. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/000276426400800303>.
2. Leys C. What is The Problem about Corruption? // *The J. of Modern African Studies*. 1965. Vol. 3, iss. 2. P. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00023636>.
3. Huntington S. *Political order in changing societies*. New Haven: Yale Univ. Press, 1968.
4. Nye J. S. Corruption and political development: A cost-benefit analysis // *American Political Science Review*. 1967. Vol. 61, iss. 2. P. 417–427. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953254>.
5. Becker G. S., Stigler G. J. Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers // *The J. of Legal Studies*. 1974. Vol. 3, iss. 1. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1086/467507>.
6. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // *J. of Public Economics*. 1975. Vol. 4, iss. 2. P. 187–203. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727\(75\)90017-1](http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727(75)90017-1).
7. Aidt T. S. The causes of corruption // *CESifo DICE Report*. 2011. Vol. 9, iss. 2. P. 15–19.
8. Ades A., Di Tella R. The new economics of corruption: A survey and some new results // *Political Studies*. 1997. Vol. 45, iss. 3. P. 496–515. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00093>.
9. Shleifer A., Vishny R. Corruption // *The Quarterly J. of Economics*. 1993. Vol. 108, iss. 3. P. 599–617. DOI: <https://doi.org/10.2307/2118402>.
10. Rose-Ackerman S. Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process // *European J. of Sociology*. 2001. Vol. 42, no. 3. P. 526–570. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003975601001084>.
11. Mauro P. Why worry about corruption? // *Economic Issues*. 1997. № 6. P. 1–19.
12. Gray C. W., Kaufman D. Corruption and development // *Finance & Development*. 1998. March. P. 7–10.
13. Barr A., Serra D. Corruption and culture: An experimental analysis // *J. of Public Economics*. 2010. Vol. 94, iss. 11–12. P. 862–869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006>.
14. Paldam M. Corruption and religion adding to the economic model // *Kyklos*. 2001. Vol. 54, iss. 2–3. P. 383–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00160>.
15. Treisman D. The causes of corruption: A cross-national study // *J. of Public Economics*. 2000. Vol. 76, iss. 3. P. 399–457. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00092-4).
16. Sandholtz W., Koetzle W. Accounting for corruption: Economic structure, democracy, and Trade // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol. 44, no. 1. P. 31–50. DOI: [10.1111/0020-8833.00147](https://doi.org/10.1111/0020-8833.00147).
17. Boniolo P. La trama de corrupción: un estudio en la clase media y la clase trabajadora de Buenos Aires // *Revista Mexicana de Sociología*. 2010. Vol. 72, no. 3. P. 365–391. DOI: <http://dx.doi.org/10.22201/iis.01882503p.2010.003.21486>.
18. Corral D. En torno a la política como “problema moral”: el clivaje corrupción-anticorrupción como principio de diferenciación política en la centroizquierda de los noventa // *Trabajo y Sociedad*. 2014. № 22. P. 447–459.
19. Sautú R. et al. Corrupción y democracia en la Argentina: La interpretación de los estudiantes universitarios // *Revista Argentina de Sociología*. 2005. Vol. 3, no. 4. P. 9–31.
20. Biscay P. Corrupción y criminalidad económica: Enfoques y problemas sociológicos para el Estado y la democracia // *Delito y Sociedad: Revista de Ciencias Sociales*. 2008. № 26. P. 59–80. DOI: [10.14409/dys.v2i26.5296](https://doi.org/10.14409/dys.v2i26.5296).
21. Canelo P., Castellani A. Perfil sociológico de los miembros del gabinete inicial del presidente Mauricio Macri // *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*. 2016. № 1. P. 1–37.

22. Morayta I. A. Relaciones entre elites: captura política y corrupción. El caso de Argentina (2015–2019) // *Iberoamérica*. 2020. № 4. P. 162–183. DOI: 10.37656/s20768400-2020-4-07.
23. Canelo P., Castellani A. Puerta giratoria, conflictos de interés y captura de la decisión estatal en el gobierno de Macri. El caso del Ministerio de Energía y Minería de la Nación // *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*. 2017. № 2. P. 1–26.
24. Castellani A. Lobbies y puertas giratorias. Los riesgos de la captura de la decisión pública // *Nueva Sociedad*. 2018. № 276. P. 48–61.
25. Ferguson R. T. The effects of gender on corruption in Latin America // 17th Annual Summer Fellows Symposium. July 24, 2015. Pennsylvania / Ursinus College, Pennsylvania, USA.
26. Gudynas E. Extractivismos y corrupción en América del Sur. Estructuras, dinámicas y tendencias en una íntima relación // *RevISE: Revista de Ciencias Sociales y Humanas*. 2017. Vol. 10, no. 10. P. 73–87.
27. Míguez D., Dewey M. The conditions of socioeconomic development exploring the legitimacy of social norms, trust, and corruption in Chile and Argentina // *MPIfG Discussion Paper*. 2018. No. 18. P. 1–25.
28. Denisova-Schmidt E. Corruption and informal practices in Russia // *Euxeinos*. 2012. No. 7. P. 3–19.
29. Osipov G. V., Glotov V. I., Karepova S. G. Population in the shadow market: Petty corruption and unpaid taxes // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 692–710. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(16\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(16)).
30. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2017. Т. 246. № 6. С. 154–167. DOI: 10.12737/article_59240d4b35c386.05320634.
31. Меджидов И. С. Специфика бытовой коррупции // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 2. С. 151–153.
32. Denisova-Schmidt E. Corruption in Russian higher education // *Russian Analytical Digest*. 2016. № 191. P. 3–59.
33. Osipian A. L. Education corruption, reform, and growth: Case of Post-Soviet Russia // *J. of Eurasian Studies*. 2012. Vol. 3, iss. 1. P. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.10.003>.
34. Терешкова В. В. Сравнительный анализ успешных практик противодействия коррупции в сфере школьного образования в зарубежных странах // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 1. С. 262–271.
35. Федотов Д. Уровень коррупции в России на фоне зарубежных стран // *Теневая экономика*. 2019. Т. 3, № 1. С. 17–32. DOI: 10.18334/tek.3.1.39949.
36. Beesley C. Globalization and corruption in post-Soviet countries: perverse effects of economic openness // *Eurasian Geography and Economics*. 2015. Vol. 56, iss. 2. P. 1–23. DOI: 10.1080/15387216.2015.1082923.
37. Ledeneva A. V. A critique of the global corruption “paradigm” // *Postcommunism from Within: Social Justice, Mobilization, and Hegemony* / ed. J. Kubik, A. Linch. NY: New York Univ. Press, 2013. P. 297–332.
38. Mungiu-Pippidi A. Corruption: Diagnosis and treatment // *J. of Democracy*. 2006. Vol. 17, iss. 3. P. 86–99.
39. Merton R. *Teoría y estructura sociales*. México: Fondo de Cultura Económica, 1995.
40. Bourdieu P. *El sentido práctico*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina, 2007.
41. Bourdieu P., Wacquant L. *Una invitación a la sociología reflexiva*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina, 1995.
42. Bourdieu P. *Razones prácticas*. Barcelona: Anagrama, 1997.
43. Zaloznaya M. Beyond anti-corruptionism: Sociological imagination and comparative study of corruption // *Comparative Sociology*. 2013. Vol. 12, iss. 5. P. 705–751. DOI: 10.1163/15691330-12341281.

44. Змановская А. Четверть российских студентов дают взятки во время обучения в вузах // Известия. 2016. 17 февраля. URL: <https://iz.ru/news/604331> (дата обращения: 20.01.2022).
45. Cabrerros D. Crisis, denuncias y renunciaciones en la UBA // Página 12. 19.05.2015. URL: <https://www.pagina12.com.ar/diario/universidad/10-272997-2015-05-19.html> (дата обращения: 20.01.2022).
46. Talice D., Hof M. Quién es José Luis Giusti, el decano PRO de Económicas que renunció? // La izquierda Diario. 23.04.2015. URL: <https://www.laizquierdadiario.com/Quien-es-Jose-Luis-Giusti-el-decano-PRO-de-Economicas-que-renuncio> (дата обращения: 21.01.2022).
47. Índice de confianza en instituciones. 2016 // Consejo Económico y Social de la Ciudad de Buenos Aires. URL: <http://www.bdigital.cesba.gob.ar/handle/123456789/313> (дата обращения: 21.01.2022).
48. Fallo Arriola // Corte Suprema de la Nación. 25.08.2009. URL: <http://www.saij.gob.ar/corte-suprema-justicia-nacion-federal-ciudad-autonoma-buenos-aires-arriola-sebastian-otros-recurso-hecho-causa-9080-fa09000059-2009-08-25/123456789-950-0009-0ots-eupmocsollaf> (дата обращения: 20.01.2022).
49. Violencia policial // CELS. URL: <https://violenciapolicial.org.ar/violencia-policial/> (дата обращения: 21.12.2021).
50. Amnistía Internacional relevó más de 30 casos de violencia institucional en Argentina // Amnistía Internacional. 11.08.2020. URL: <https://amnistia.org.ar/amnistia-internacional-relevo-mas-de-30-casos-violencia-institucional-en-argentina/> (дата обращения: 29.12.2021).
51. Registro de expulsados de la Policía bonaerense // Ministerio de Seguridad de la provincia de Buenos Aires. URL: <https://www.mseg.gba.gov.ar/areas/asuntosinternos/index.html> (дата обращения: 29.12.2021).
52. Informe Anual 2021 // Latinbarómetro. URL: <https://www.latinbarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 21.01.2022).
53. Morayta I. A. Los jóvenes y la corrupción: un análisis comparado de las percepciones en Rusia y Argentina // Iberoamérica. 2022. № 4. P. 162–183. DOI: 10.37656/s20768400-2022-4-08.

Информация об авторах.

Морайта Исабель Антониета – аспирантка (социология управления) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 18 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, государственное управление, реформы, коррупция, поведение человека в разных управленческих контекстах, сравнительный анализ, Россия, Аргентина.

Пруэль Николай Александрович – доктор социологических наук (2003), доцент (2015), профессор кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, государственное управление, управление организацией, социальное прогнозирование.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.06.2023; принята после рецензирования 22.06.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Leff, N.H. (1964), "Economic development through bureaucratic corruption", *American Behavioral Scientist*, vol. 8, iss. 3, pp. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/000276426400800303>.
2. Leys, C. (1965), "What is the problem about corruption?", *The J. of Modern African Studies*, vol. 3, iss. 2, pp. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00023636>.
3. Huntington, S. (1968), *Political order in changing societies*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
4. Nye, J.S. (1967), "Corruption and political development: A cost-benefit analysis", *American Political Science Review*, vol. 61, iss. 2, pp. 417–427. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953254>.

5. Becker, G.S. and Stigler, G.J. (1974), "Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers", *The J. of Legal Studies*, vol. 3, iss. 1, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1086/467507>.
6. Rose-Ackerman, S. (1975), "The Economics of Corruption", *J. of Public Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 187–203. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727\(75\)90017-1](http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727(75)90017-1).
7. Aidt, T.S. (2011), "The causes of corruption", *CESifo DICE Report*, vol. 9, iss. 2, pp. 15–19.
8. Ades, A. and Di Tella, R. (1997), "The new economics of corruption: A survey and some new results", *Political Studies*, vol. 45, iss. 3, pp. 496–515. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00093>.
9. Shleifer, A. and Vishny, R. (1993) "Corruption", *The Quarterly J. of Economics*, vol. 108, iss. 3, pp. 599–617. DOI: <https://doi.org/10.2307/2118402>.
10. Rose-Ackerman, S. (2001), "Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process", *European J. of Sociology*, vol. 42, no. 3, pp. 526–570. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003975601001084>.
11. Mauro, P. (1997), "Why worry about corruption?", *Economic Issues*, no. 6, pp. 1–19.
12. Gray, C.W. and Kaufman, D. (1998), "Corruption and development", *Finance & Development*, March, pp. 7–10.
13. Barr, A. and Serra, D. (2010), "Corruption and culture: An experimental analysis", *J. of Public Economics*, vol. 94, iss. 11–12, pp. 862–869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006>.
14. Paldam, M. (2001), "Corruption and religion adding to the economic model", *Kyklos*, vol. 54, iss. 2–3, pp. 383–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00160>.
15. Treisman, D. (2000), "The causes of corruption: A cross-national study", *J. of Public Economics*, vol. 76, iss. 3, pp. 399–457. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00092-4).
16. Sandholtz, W. and Koetzle, W. (2000), "Accounting for corruption: Economic structure, democracy, and trade", *International Studies Quarterly*, vol. 44, no. 1, pp. 31–50. DOI: [10.1111/0020-8833.00147](https://doi.org/10.1111/0020-8833.00147).
17. Boniolo, P. (2010), "La trama de corrupción: un estudio en la clase media y la clase trabajadora de Buenos Aires", *Revista Mexicana de Sociología*, vol. 72, no. 3, pp. 365–391. DOI: <http://dx.doi.org/10.22201/iis.01882503p.2010.003.21486>.
18. Corral, D. (2014), "En torno a la política como 'problema moral': el clivaje corrupción-anticorrupción como principio de diferenciación política en la centroizquierda de los noventa", *Trabajo y Sociedad*, no. 22, pp. 447–459.
19. Sautú, R. et al. (2005), "Corrupción y democracia en la Argentina: La interpretación de los estudiantes universitarios", *Revista Argentina de Sociología*, vol. 3, no. 4, pp. 9–31.
20. Biscay, P. (2008), "Corrupción y criminalidad económica. Enfoques y problemas sociológicos para el Estado y la democracia", *Delito y Sociedad: Revista de Ciencias Sociales*, no. 26, pp. 59–80. DOI: [10.14409/dys.v2i26.5296](https://doi.org/10.14409/dys.v2i26.5296).
21. Canelo, P. and Castellani, A. (2016), "Perfil sociológico de los miembros del gabinete inicial del presidente Mauricio Macri", *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*, no. 1, pp. 1–37.
22. Morayta, I.A. (2020), "Relaciones entre elites: captura política y corrupción. El caso de Argentina (2015-2019)", *Iberoamérica*, no. 4, pp. 162–183. DOI: [10.37656/s20768400-2020-4-07](https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-4-07).
23. Canelo, P. and Castellani, A. (2017), "Puerta giratoria, conflictos de interés y captura de la decisión estatal en el gobierno de Macri. El caso Del Ministerio de Energía y Minería de la Nación", *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*, no. 2, pp. 1–26.
24. Castellani, A. (2018), "Lobbies y puertas giratorias. Los riesgos de la captura de la decisión pública", *Nueva Sociedad*, no. 276, pp. 48–61.
25. Ferguson, R.T. (2015), "The effects of gender on corruption in Latin America", *17th Annual Summer Fellows Symposium*, Ursinus College, July 24, Pennsylvania, USA.
26. Gudynas, E. (2017), "Extractivismos y corrupción en América Del Sur. Estructuras, dinámicas y tendencias en una íntima relación", *RevllSE: Revista de Ciencias Sociales y Humanas*, vol. 10, no. 10, pp. 73–87.

27. Míguez, D. and Dewey, M. (2018), "The conditions of socioeconomic development exploring the legitimacy of social norms, trust, and corruption in Chile and Argentina", *MPfG Discussion Paper*, no. 8, pp. 1–25.

28. Denisova-Schmidt, E. (2012), "Corruption and informal practices in Russia", *Euxeinos*, no. 7, pp. 3–19.

29. Osipov, G.V., Glotov, V.I. and Karepova, S.G. (2018), "Population in the shadow market: Petty corruption and unpaid taxes", *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 6, no. 2, pp. 692–710. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(16\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(16)).

30. Sidorenko, E.L. (2017), "Condition and Dynamics of Petty Corruption in the Russian Federation", *J. of Russian Law*, vol. 246, no. 6, pp. 154–167. DOI: 10.12737/article_59240d4b35c386.05320634.

31. Medzhidov, I.S. (2016), "Specificity the manifestations everyday corruption", *Gaps in Russian Legislation*, no. 2, pp. 151–153.

32. Denisova-Schmidt, E. (2016), "Corruption in Russian higher education", *Russian Analytical Digest*, no. 191, pp. 3–59.

33. Osipian, A.L. (2012), "Education corruption, reform, and growth: Case of Post-Soviet Russia", *J. of Eurasian Studies*, vol. 3, iss. 1, pp. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.10.003>.

34. Tereshkova, V.V. (2015), "Comparative analysis of successful practices of corruption counteraction in the sphere of school education in foreign countries", *Actual problems of economics and law*, no. 1, pp. 262–271.

35. Fedotov, D.Yu. (2019), "The level of corruption in Russia in comparison with foreign countries", *Shadow Economy*, vol. 3, no. 1, pp. 17–32. DOI: 10.18334/tek.3.1.39949.

36. Beesley, C. (2015), "Globalization and corruption in post-Soviet countries: perverse effects of economic openness", *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, iss. 2, pp. 1–23. DOI: 10.1080/15387216.2015.1082923.

37. Ledeneva, A.V. (2013), "A critique of the global corruption 'paradigm'", in Kubik, J. and Linch, A. (eds.), *Postcommunism from Within: Social Justice, Mobilization, and Hegemony*, New York Univ. Press, NY, USA, pp. 297–332.

38. Mungiu-Pippidi, A. (2006), "Corruption: Diagnosis and treatment", *J. of Democracy*, vol. 17, iss. 3, pp. 86–99.

39. Merton, R. (1995), *Teoría y estructura sociales*, Fondo de Cultura Económica, México, MEX.

40. Bourdieu, P. (2007), *El sentido práctico*, Siglo XXI Editores Argentina, Buenos Aires, ARG.

41. Bourdieu, P. and Wacquant, L. (1995), *Una invitación a la sociología reflexiva*, Siglo XXI Editores Argentina, Buenos Aires, ARG.

42. Bourdieu, P. (1997), *Razones prácticas*, Anagrama, Barcelona, ESP.

43. Zaloznaya, M. (2013), "Beyond anti-corruptionism: Sociological imagination and comparative study of corruption", *Comparative Sociology*, vol. 12, iss. 5, pp. 705–751. DOI: 10.1163/15691330-12341281.

44. Zmanovskaya, A. (2016), "A quarter of Russian students take bribes during their studies at universities", *Izvestia*, 17.02.2016, available at: <https://iz.ru/news/604331> (accessed 20.01.2022).

45. Cabrerros, D. (2015), "Crisis, denuncias y renuncias en la UBA", *Página 12*, 19.05.2015, available at: <https://www.pagina12.com.ar/diario/universidad/10-272997-2015-05-19.html> (accessed 20.01.2022).

46. Talice, D. and Hof, M. (2015), "Quién es José Luis Giusti, el decano PRO de Económicas que renunció?", *La Izquierda Diario*, 23.04.2015, available at: <https://www.laizquierdadiario.com/Quien-es-Jose-Luis-Giusti-el-decano-PRO-de-Economicas-que-renuncio> (accessed 21.01.2022).

47. "Índice de confianza en instituciones" (2016), *Consejo Económico y Social de la Ciudad de Buenos Aires*, available at: <http://www.bdigital.cesba.gob.ar/handle/123456789/313> (accessed 21.01.2022).

48. "Fallo Arriola. Corte Suprema de Justicia de la Nación" (2009), available at: <http://www.saij.gob.ar/corte-suprema-justicia-nacion-federal-ciudad-autonoma-buenos-aires-arriola-sebastian-otros->

recurso-hecho-causa-9080-fa09000059-2009-08-25/123456789-950-0009-0ots-eupmocsollaf (accessed 20.01.2022).

49. "Violencia policial", *CELS*, available at: <https://violenciapolicial.org.ar/violencia-policial/> (accessed 21.12.2021).

50. "Amnistía Internacional relevó más de 30 casos de violencia institucional en Argentina", (2020), *Amnistía Internacional*, 11.08.2020, available at: <https://amnistia.org.ar/amnistia-internacional-relevo-mas-de-30-casos-violencia-institucional-en-argentina/> (accessed 29.12.2021).

51. "Registro de expulsados de la Policía bonaerense" (2021), *Ministerio de Seguridad de la provincia de Buenos Aires*, available at: <https://www.mseg.gba.gov.ar/areas/asuntosinternos/index.html> (accessed 29.12.2021).

52. "Informe Anual" (2021), *Latinbarómetro*, available at: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (accessed 21.01.2022).

53. Morayta, I.A. (2022), "Los jóvenes y la corrupción: un análisis comparado de las percepciones en Rusia y Argentina", *Iberoamérica*, no. 4, pp. 162–183. DOI: 10.37656/s20768400-2022-4-08.

Information about the authors.

Isabel Antonieta Morayta – Postgraduate (Sociology of Management) Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 18 scientific publications. Area of expertise: sociology of administration, public administration, state reforms, corruption, human behavior in different administrative contexts, comparative analysis, Russia, Argentina.

Nikolai A. Pruel – Dr. Sci. (Sociology, 2003), Docent (2015), Professor at the Department of Social Administration and Planning, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of administration, public administration, management of the organization, social forecasting.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.06.2023; adopted after review 22.06.2023; published online 20.11.2023.

Оригинальная статья
УДК 316.77; 316.334.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-75-85>

Грубость или профессиональная компетентность: негативная коммуникация в информационно-политическом пространстве

Анна Михайловна Огороднова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>*

Введение. В статье представлены результаты эмпирического исследования, главной целью которого являлось рассмотрение коммуникации между политиками и журналистами, которую можно охарактеризовать как негативную. Основными задачами исследования стали накопление базы данных о типичных конфликтных ситуациях между политиками и журналистами, их структурно-ролевой анализ; характеристика профессиональных достижений и рисков вследствие негативных коммуникативных действий.

Методология и источники. Методом сбора данных стал кейс-стади (case study). Ориентированный на глубинное изучение своеобразия объекта, в частности конкретного видеодокумента (телевизионного сюжета или телевизионного интервью), данный метод использует включенное наблюдение и последующий качественный анализ конкретной ситуации, что раскрывает возможность выявить коммуникативные сценарии и процедуры, которые другими методами выявить сложно. В статье описаны ситуации взаимодействия политиков и журналистов, опубликованные в форме медиатекста и иллюстрирующие различные виды конфликтов. Проведенное исследование базируется на идеях и положениях практико-ориентированных теорий социальной деятельности, изложенных в работах П. Бурдьё, М. Вебера, И. Гофмана, М. Кастельса, Ю. Хабермаса. Ситуационный анализ проводится в рамках так называемой интерпретативной социологии, рассматривающей социальную коммуникацию как конститутивный фактор поведения и деятельности людей.

Результаты и обсуждение. Отобранные ситуации распределены по категориям, а именно как ситуации, проблематизирующие информационные, коммуникативные и социально-ролевые аспекты профессионального конфликтного взаимодействия. Каждая обозначенная категория рассмотрена с точки зрения используемых участниками приемов негативной коммуникации для решения поставленных профессиональных задач.

Заключение. Концептуальный вывод в контексте полученных результатов исследования говорит о тотальном характере конфликтов между представителями государственной власти и масс-медиа, что можно трактовать как повседневную реальность, в которой риск коммуникативного давления следует искать в профессиональной сущности каждой из групп.

Ключевые слова: масс-медиа, поле политики, агенты политики, негативная коммуникация

Для цитирования: Огороднова А. М. Грубость или профессиональная компетентность: негативная коммуникация в информационно-политическом пространстве // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 75–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-75-85.

© Огороднова А. М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Rudeness or Professional Competence: Negative Communication in the Information and Political Field

Anna M. Ogorodnova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>*

Introduction. The article presents the results of an empirical study, the main purpose of which was to consider communication between politicians and journalists, which can be characterized as negative. The main objectives of the study were to accumulate a database of typical conflict situations between politicians and journalists, their structural and role analysis; characterization of professional achievements and risks due to negative communicative actions.

Methodology and sources. The method of data collection was the case study. Focused on the in-depth study of the uniqueness of the object, in particular, a specific video document (a television story or a television interview), this method uses included observation and subsequent qualitative analysis of a specific situation, which reveals the possibility of identifying communicative scenarios and procedures that are difficult to identify by other methods. The article describes situations of interaction between politicians and journalists, published in the form of a media text and containing various types of conflicts. The conducted research is based on the ideas and positions of practice-oriented theories of social activity, set out in the works of P. Bourdieu, M. Weber, I. Hoffman, M. Castels, J. Habermas. Situational analysis is carried out within the framework of the so-called interpretive sociology, which considers social communication as a constitutive factor of people's behavior and activity.

Results and discussion. The selected situations are divided into categories, namely as situations that problematize informational, communicative and socio-role aspects of professional conflict interaction. Each designated category is considered from the point of view of negative communication techniques used by participants to solve their professional tasks.

Conclusion. The conceptual conclusion in the context of the research results suggests the total nature of conflicts between government officials and the mass media, which can be interpreted as an everyday reality in which the risk of communicative pressure should be sought in the professional essence of each of the groups.

Keywords: agents of politics, the field of politics, negative communication of politicians and journalists

For citation: Ogorodnova, A.M. (2023), "Rudeness or Professional Competence: Negative Communication in the Information and Political Field", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 75–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-75-85 (Russia).

Введение. Взаимодействие политической и информационной деятельности рождает реальность особого рода, которую называют медиатизированной политикой или политической медиареальностью. Теоретическое осмысление феноменов, возникающих в процессе этого взаимодействия, – важнейшая задача социально-политической области знания. На наш взгляд, прояснение амбивалентности интересов профессиональных групп политиков и журналистов, одновременно нуждающихся друг в друге и дискредитирующих друг друга, описание используемых ими моделей коммуникативного сотрудничества, подчинения и игнорирования раскрывают новые, недостаточно реализованные в области политологического

знания, возможности описания условий и границ процесса профессиональной самоидентификации названных групп. Актуальность данной статьи, таким образом, определяется необходимостью концептуализации процессов взаимной идентификации агентов информационно-политического пространства в контексте их конфликтного взаимодействия.

Методология и источники. Ключевое для данной статьи понятие «негативной коммуникации» используется в значении сигнала коммуникативного сбоя в ходе взаимодействия, т. е. обмена сообщениями, истолкование которых дезориентирует участников относительно последующих коммуникативных шагов [1]. Методологической базой исследования являются идеи и положения практико-ориентированных теорий социальной деятельности, изложенные в работах П. Бурдьё [2, 3], М. Вебера [4], И. Гофмана [5], М. Кастельса [6], Ю. Хабермаса [7]. Анализ ситуаций проводится в рамках так называемой интерпретативной социологии, рассматривающей социальную коммуникацию как конститутивный фактор поведения и деятельности людей. Эмпирическими данными стали ситуации, описанные в средствах массовой информации, содержащие сюжеты взаимодействия журналистов и политиков и показанные по федеральным и региональным каналам российского и зарубежного телевидения, а также опубликованные в российских федеральных и региональных изданиях в 2017–2023 гг. Отобранные для анализа ситуации получили высокую публичную освещенность и приобрели статус своего рода универсальных примеров для обсуждения в различных профессиональных сообществах.

Результаты и обсуждение. Любая ситуация, в которой встречаются политики и журналисты, проблематизирует информационные, коммуникативные и социально-ролевые аспекты их профессионального конфликтного взаимодействия. В статье мы предлагаем различать категории ситуаций, проблематизирующие информационные ресурсы и риски; коммуникационные ресурсы и риски; социально-ролевые и репутационные ресурсы и риски. Рассмотрим каждую из категорий подробнее.

1. *Ситуации, проблематизирующие информационные ресурсы и риски.* К этой категории предлагаем отнести ситуации, в которых использование журналистами приемов негативной коммуникации предстает как способ формирования новостной повестки, раскрытия неудобной для политиков или чиновников информации. В свою очередь, использование политиками приемов негативной коммуникации позволяет журналистам получить информацию, ценную для их профессиональной самооценки и определения тех аспектов профессиональной деятельности, которые требуют совершенствования профессиональных навыков.

Информационные риски при обращении к негативной коммуникации возникают вследствие информационных искажений, дезинформации, пропаганды, что меняет фрейм взаимодействия политиков и журналистов с информационного на репутационный или политико-идеологический.

2. *Ситуации, проблематизирующие коммуникационные ресурсы и риски.* К этой категории предлагаем отнести ситуации негативной коммуникации, в которых актуализируются навык критической аргументации в диалоге политиков и журналистов, коммуникативная изобретательность (например, обход запретов на деятельность различных интернет-ресурсов), появление альтернативных медиа, т. е. разработка нового вида медийных форм.

Коммуникационными рисками в ситуациях подобного вида мы считаем эмоциональное выгорание, цинизм, двойную мораль как социально-психологические и этические деформации, сопровождающие данные профессиональные группы.

3. Ситуации, проблематизирующие социально-ролевые и репутационные ресурсы и риски. Ресурсами негативной коммуникации в ситуациях этой категории можно считать порождаемые ею процессы негативной профессиональной и социальной солидарности, а также стимулирование судебной и, шире, правовой практики, обращенной к ранее не защищенным правом субъектам социальной деятельности.

Социально-ролевыми и репутационными рисками обращения к негативной коммуникации можно считать формирование негативного группового имиджа названных групп, возрастающее общественное недоверие к их профессиональной компетентности, разрушение репутации как институтов, так и лиц вплоть до их исключения из соответствующего социального поля.

Предложенная видовая классификация конфликтных ситуаций между политиками и журналистами позволяет систематизировать многообразие публикаций в СМИ с точки зрения интересующей нас проблемы ресурсов и рисков негативной коммуникации.

Ситуации, проблематизирующие информационные ресурсы и риски негативной коммуникации.

Права российских журналистов защищены законом Российской Федерации о СМИ. Вместе с тем несвоевременность или отсутствие ответов на запросы СМИ от органов власти остаются наиболее распространенными нарушениями законодательства о СМИ, провоцируя разнообразные конфликты политиков и журналистов. Так, происходившие в начале 2021 г. массовые публичные выступления в разных российских городах в связи с возвращением в Россию А. Навального* продемонстрировали необходимость дополнительных мер, регламентирующих беспрепятственную работу журналистов в условиях массовых мероприятий. Речь идет о задержаниях журналистов на несогласованных митингах вместе с другими участниками акций. Например, в январе 2021 г. в Петербурге на площади Восстания был задержан журналист издания «47news» Виктор Смирнов. Его отправили в полицейский автозак [8]. По данным издания «Форпост», журналиста увели под руки два сотрудника полиции, хотя на рукаве куртки корреспондента была маркировка «Пресса». Позже СМИ сообщили, что Смирнова «выгнали из автозака с задержанными». Несколькими часами ранее в тот же день был задержан корреспондент «Эха Москвы в Петербурге» Арсений Веснин. Об этом он сообщил в своем аккаунте в Twitter. Описанные ситуации стимулировали административную активность, когда представители различных ветвей власти были вовлечены в решение проблем, возникших в связи с задержаниями журналистов. Примером может служить выступление вице-губернатора Санкт-Петербурга Бориса Пиотровского, который заявил: «Мы будем над этой ситуацией работать. Не буду скрывать, что уже сегодня я провел ряд консультаций и попросил коллег, которые отвечают за силовой блок, оказать содействие... Я пытаюсь все вопросы решить» [9]. Значимой, на наш взгляд, является его реплика, что после того, как будет рассмотрен каждый конкретный случай задержания, сотрудники правоохранительных органов и представители власти обсудят возможность проведения встречи

---

* Внесен в перечень террористов и экстремистов.

с журналистами, чтобы дать дополнительные разъяснения по вопросу. Председатель комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга Владимир Рябовол добавил: «Мне можно круглосуточно звонить, я всегда на связи и приложу все усилия к тому, чтобы минимизировать все неприятные последствия» [10].

Чиновники напомнили журналистам о том, что во время работы на подобных мероприятиях на них должны быть специальные жилеты с надписью «Пресса», они обязаны иметь профессиональный QR-код, редакционное задание и удостоверение. Вместе с тем зафиксированы случаи, когда представители СМИ, несмотря на наличие всех необходимых документов, были в судебном порядке признаны виновными и им было назначено административное наказание. Подобные случаи имели место в Вологодской области, Республике Коми, Псковской области. Череда конфликтных ситуаций, возникших в конце февраля 2022 г., в частности между петербургскими журналистами и силовыми ведомствами, вызвала необходимость проведения совместных встреч главы петербургского отделения Союза журналистов России Дмитрия Шериха с представителями ГУ МВД и Росгвардии. Предмет обсуждения между сторонами – необходимость неукоснительного соблюдения прав сотрудников СМИ.

Примером разрушительных последствий информационных сбоя для профессионального сообщества как журналистов, так и политиков может служить отказ в аккредитации на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) 14–17 июня 2023 г. журналистам из так называемых «недружественных стран». О самом факте неаккредитации журналистов двух крупных западных изданий сообщил представитель Президента Российской Федерации Дмитрий Песков изданию «The Bell»*. Однако причины этого решения он не уточнил. В интервью этому же изданию сами пострадавшие журналисты сообщили, что 1 июня 2023 г. им подтвердили аккредитацию, но уже на следующий день ее отозвали, не уточнив причину. В связи с этим сотрудники двух других западных СМИ решили придать случившемуся статус медийного и политического события и сделали заявление, что пропускают форум. Одним из информационных последствий данного демарша стало раскрытие информации, которая до этой истории не являлась публичной, а именно о том, что на ПМЭФ-2022 сотрудники «Росконгресса» получали «особые инструкции», которые предполагали составление детальной анкеты на каждого американского и европейского представителя СМИ. С просьбой прокомментировать данную ситуацию РБК направил запрос в пресс-центр фонда «Росконгресс» [11]. До произошедшего инцидента в правилах об аккредитации журналистов на ПМЭФ говорилось, что заявки принимаются от российских и зарубежных корреспондентов. СМИ из России при этом должны быть зарегистрированы в Роскомнадзоре, а иностранные медиа – иметь регистрацию в МИДе. В ныне составленных правилах иностранные журналисты не упоминаются.

Ситуации, проблематизирующие коммуникационные ресурсы и риски негативной коммуникации.

Взаимодействие на избирательном участке. Данная история касается голосования по поправкам в Конституцию РФ на избирательном участке, расположенном в школе № 330 Невского района Санкт-Петербурга. Участниками конфликтной ситуации стали заместитель председателя ТИК № 24 Павел Дмитриев и корреспондент издания «ЗАКС.Ру» Сергей

---

* Признано Минюстом РФ иностранным агентом.

Еремеев. Видео данного инцидента было опубликовано на портале Лениздат, в телеграм-канале «Ротонда» и других СМИ как пример попытки воспрепятствовать работе СМИ на избирательных участках Санкт-Петербурга. Заместитель председателя территориальной избирательной комиссии № 24 назвал корреспондента, предъявившего свою пресс-карту и аккредитацию от Горизбиркома, «идиотом» и «либерастом, который делает вид, что за добро, а сам не знает законов» [12], потребовал удалить сделанную корреспондентом запись этого высказывания, обещал подать в суд, если она будет опубликована. «Вскоре представителю ТИК позвонили из Горизбиркома, после чего тот сменил тон» [12]. Еремеев предположил, что чиновнику объяснили, что не стоит придумывать свои законы и заниматься самоуправством на участке. «Он даже извинился передо мной и объяснил, что уже два дня на нервах, вот и сорвался, просил не обижаться». Извинился и подъехавший чуть позже председатель ТИК Алексей Садофеев. После того, как конфликт разрешился, Еремеев продолжил работу на участке. Сотрудники УИК предлагали ему чай и кофе, но журналист отказался [12].

Ответы чиновников, оказавшиеся в распоряжении СМИ.

В октябре 2017 г. губернатор Калининградской области Антон Алиханов (А.), комментируя на встрече с журналистами (Ж.) проект регионального бюджета на 2018 г., на вопрос, вернет ли правительство области компенсации за детский сад, ответил следующим образом:

«А.: – Нет.

Ж.: – Почему?

А.: – По кочану.

Ж.: – Это серьезный вопрос!

А.: – Это серьезный ответ» [13].

Реплики Алиханова мгновенно были распространены в Интернете как пример чиновничьего хамства.

К этой же категории ситуаций можно отнести высказывание депутата Государственной Думы Дмитрия Вяткина, который на просьбу сотрудницы одного из телеканалов прокомментировать утвержденный закон о клевете использовал обценную лексику. Запись разговора журналистка обнародовала в Twitter телеканала. В телефонном разговоре она ожидала получить от депутата комментарий относительно принятого законодательного акта о лишении свободы за клевету в Интернете, автором которого был Вяткин. «Последний несколько раз переспросил, что от него хочет СМИ, а затем заявил: «Идите в ж...». На своей странице в Facebook* этот парламентарий оправдывался, что обнародованная в СМИ аудиозапись сфабрикована, что он не позволяет себе грубость в общении с журналистами, а публикация – это стремление недовольных законопроектом лиц устроить скандал» [14].

Депутат Законодательного собрания Свердловской области Илья Гаффнер, получивший позже прозвище «депутат-скандал» [15], комментируя повышение розничных цен на продукты на 25 % за год, заявил: «Если не хватает денежных средств, надо вспомнить, что мы же все россияне, русские люди, прошли и голод, и холод. Надо просто задуматься о собственном здоровье и поменьше питаться, например» [13]. Отметим, что год спустя он был признан банкротом.

---

* Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.

Депутат Волгоградской областной думы Гасан Набиев стал известен следующим высказыванием при обсуждении вопроса о низких пенсиях: «Глупости это все. У нормальных рабочих сегодня пенсия не семь и не восемь тысяч! Сегодня мы защищаем этих людей – тунеядцев, которых в Советском Союзе гоняли, алкоголиков. Малоимущий? Да он сам себя создал (таким), малоимущим стал. А мог бы стать нормальным человеком!» [16]. Реакция на подобные оценки не заставила себя долго ждать. Набиев перестал быть и членом парламентской партии, и депутатом.

Приведенные диалоги, на наш взгляд, интересны не только провокационными приемами, иллюстрирующими самораскрытие представителей органа власти, но и, возможно, ненамеренным запуском механизма групповой негативной солидарности, «отработки» моделей коммуникативного взаимодействия с представителем «чужой» группы.

Рассмотренные кейсы показывают, что типичным информационным риском профессионального взаимодействия журналистов и политиков становится соперничество власти и оппозиции, нередко представленное как противоречие между властью и СМИ, стремящимися к воссозданию истинного положения дел. В общественном сознании побеждает тот, чьи рычаги давления наиболее действенные, т. е. тот, кто использует более влиятельные информационные ресурсы. «Порой конфликт может носить вялотекущий характер и быть связанным с принадлежностью СМИ противоборствующим группам, причем не обязательно политическим» [17]. Есть российские регионы, где большая часть прессы подчинена местной власти. Для региональных властей «типично использование финансовых рычагов воздействия на оппозиционные СМИ. Они создают альтернативные издания, оставляя без поддержки уже существующие, принимают законопроекты, позволяющие оказывать финансовую помощь вновь созданным редакциям, тем самым наращивая свои информационные возможности» [17].

Ситуации, проблематизирующие социально-ролевые и репутационные ресурсы и риски негативной коммуникации.

В ситуациях данной категории приемы «эмоциональных комментариев» используют сами чиновники на своих личных страницах в социальных сетях, забывая, что в восприятии пользователей они отнюдь не обыкновенные подписчики, но представители власти, предлагающие свою оценку.

ВРИО главы Республики Марий Эл Леонид Маркелов пожаловался на то, что жители одного из сел его недостаточно хорошо приняли, и пригрозил в отместку перекопать все дороги. «Меня так плохо первый раз принимают. Нигде так не было, чтобы ворчали, ворчали, рычали, везде спасибо говорили. Ну, наверное, мне тоже стоит повернуться к вам тем местом, которым вы ко мне повернулись, да? Закрывать все и уехать. И дорогу раскопать. Не верите, что я раскопаю дорогу? И будете три года ждать» [13]. И хотя, к счастью, дороги не пострадали, но цитата разлетелась в СМИ.

Пресс-секретарь губернатора Иркутской области Ирина Алашкевич после встречи жителей районов, пострадавших от сильнейшего паводка, с Президентом России на планерке со своими сотрудниками заявила: «Люди, вся эта бичевня, пришли: вы бы видели, как они одеты! Одна – на каблуках, в черном – и белые носочки. А эта шляпа у нее.... Одеты черт знает как, два класса образования». На повторной встрече с населением пострадавших районов В. Путин, комментируя это высказывание, назвал его автора «непорядочным человеком», высказав

надежду, что губернатор «примет правильное решение» [16]. Алашкевич была вынуждена покинуть свой пост, но пробыла без работы недолго: довольно скоро ее назначили заместителем руководителя одного из местных учреждений культуры.

В 2018 г. в ответ на требование жителей Астраханской области отремонтировать дороги на селе, в противном случае они будут жаловаться президенту, из регионального управления по капитальному ремонту пришло письмо: «Да хоть папе римскому. Первое – директор сменился. Второе – собирать жителей села не наша обязанность. Удачи», – говорилось в первом ответе от коммунальщиков. «Ребят, лучше пейте. Если вам делать нечего. Как делают остальные в вашей деревне» [13] – советовалось в следующем ответном обращении.

Таким образом, для политиков и журналистов репутационными рисками негативной коммуникации становится реакция общественности на демонстрируемое пренебрежение и хамство. Как следствие, политики и журналисты вынуждены обороняться, используя защитные механизмы, что неизбежно ведет к профессиональному и эмоциональному выгоранию.

Рассмотрим еще несколько примеров негативной коммуникации между представителями разных уровней власти, использующими в своей конфронтации СМИ, а также между медиа, представляющими интересы разных уровней власти.

Кейс «Недоумевающий чиновник». 19 апреля 2018 г. на петербургский форум «Общество. Культура. Власть: проблемы и перспективы взаимодействия» в качестве гостя круглого стола «СМИ как культура» был приглашен Александр Говорунов – в тот период вице-губернатор Санкт-Петербурга, руководитель Администрации Губернатора Санкт-Петербурга, курирующий вопросы взаимодействия со средствами массовой информации. Мероприятие было организовано Общественной палатой Санкт-Петербурга совместно с Общественной палатой Российской Федерации и проходило в Президентской библиотеке [18]. Во время своего выступления он, по общему мнению, один из самых открытых в правительстве Санкт-Петербурга чиновников, рассказал о непростых отношениях с «четвертой властью», в частности, вспомнил историю, когда он предложил чиновникам из Смольного провести вечер, который начался бы с лекции о пьесе «Гроза» А. Н. Островского, а завершился просмотром одноименного спектакля в Большом драматическом театре имени Г. А. Товстоногова. По словам Говорунова, данное мероприятие должно было привлечь внимание к проблемам культуры, стать петербургским ноу-хау, стимулом проводить подобные встречи в других регионах, показать необходимость возрождения коллективных театральных походов и т. п. Каково же было его удивление, когда на следующий день он прочитал в одной из газет, что «Говорунов загнал на спектакль чиновников. Что это такое? Это вроде как жареный факт. И я его первый подал».

Кейс «Дело экс-министра труда, занятости и миграции Саратовской области» – еще один пример социальных последствий общения с журналистами для чиновника.

Наталья Соколова была уволена с должности министра труда, занятости и миграции Саратовской области после ее высказывания о том, что прожиточного минимума в размере 3500 рублей достаточно для удовлетворения «минимальных физиологических потребностей» [13]. «В каждый сезон есть продукты, которые дешевеют и которые дорожают. А макарошки всегда стоят одинаково. Вы верующий человек? А то есть 40 дней поста, и все становятся только здоровее», – обратилась она к одному из депутатов, вступившему с чиновницей в полемику.

Он утверждал, что подобная «диета» в конечном итоге приведет на больничную койку. «Это прожиточный минимум. То есть это физиологически минимально допустимый. Я месяц вам проживу. А потом я пойду искать работу» [13], – добавила Соколова.

Кейс «Дело Глацких». «Губернатор Свердловской области подписал распоряжение об отстранении от должности директора департамента молодежной политики Свердловской области Ольги Глацких на время проведения проверки ее слов о молодежной политике [13]. На встрече с молодежью Кировограда чиновница заявила: «Вам государство вообще, в принципе, ничего не должно. Вам должны ваши родители. Потому что они вас родили. Государство их не просило вас рожать» [13].

Интерпретация тех или иных приемов негативной коммуникации, ведущих к решению профессиональной задачи или утрате возможностей ее решения, зависит от более широкого контекста их реализации.

Автором статьи был проведен небольшой эксперимент с целью проверки гипотезы об условиях сдвига оценки эффективности и неэффективности негативной коммуникации. Во время выступления на одной из практических конференций журналистского сообщества мы намеренно с воодушевлением отозвались об использовании провокаций в деятельности журналистов, подчеркнув, что «цель оправдывает средства», наблюдая при этом за реакцией слушателей. У слушателей старших возрастов это высказывание вызвало явное возмущение. В то время как молодые журналисты не выразили открытой эмоциональной реакции. Тогда провокация была продолжена, и автор упрекнула слушателей в равнодушии и бессердечии, после чего и в этой возрастной группе была выражена эмоциональная реакция. Затем было сообщено, что была применена процедура негативной коммуникации для возбуждения, привлечения внимания аудитории, подтвердившая свою эффективность и одновременно проблематизирующая проблему целей и средств в выполнении профессиональных заданий как журналистами, так и политиками.

Заключение. Массовый характер конфликтов между представителями государственной власти и СМИ воспринимается как повседневная реальность, к которой причастны обе стороны. Анализ рассмотренных в статье ситуаций демонстрирует, что риск коммуникативного напряжения содержится в самой природе профессиональной деятельности каждой из названных групп. Вместе с тем негативная коммуникация журналистов с политиками может содержать как ресурсы, т. е. приемы негативной коммуникации, эффективные для решения поставленных профессиональных задач, так и риски, затрудняющие их решение, умение просчитывать которые становится показателем профессиональной компетентности представителей каждой из рассмотренных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаринова Н. В., Огороднова А. М. Негативная коммуникация как механизм политической самоидентификации // Вестн. Таджикского национального ун-та. 2018. № 3. С. 188–192.
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, Е. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / пер. с фр. В. И. Иванова // THESIS, 1993, вып. 2. С. 137–150.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе по организации повседневного опыта / пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. М.: Ин-т социол. РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.
6. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич. М.: ВШЭ, 2016.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022.
8. В Петербурге задержали журналиста 47news Виктора Смирнова // News. 25.01.2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244365562> (дата обращения: 14.07.2023).
9. Власти Петербурга будут разбираться с задержаниями журналистов на несогласованных акциях // News. 14.03.2022. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/268574382> (дата обращения: 14.07.2023).
10. Власти Петербурга будут разбираться с задержаниями журналистов на несогласованных акциях // Rambler. 14.03.2022. URL: <https://auto.rambler.ru/roadaccidents/48298101-vlasti-peterburga-budut-razbiratsya-s-zaderzhaniyami-zhurnalystov-na-nesoglasovannyh-aktsiyah/> (дата обращения: 14.07.2023).
11. ПМЭФ отказал в аккредитации журналистам из недружественных стран // РБК. 02.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/647a18339a7947f70825f50a> (дата обращения: 13.07.2023).
12. Результаты мониторинга ФЗГ за июнь 2020 г. // Фонд защиты гласности. URL: <http://www.gdf.ru/graph/item/1/1691> (дата обращения: 13.07.2023).
13. «Борзота». Самые хамские высказывания российских чиновников // ОН. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/borzota-samy-e-hamskie-vyskazyvaniya-rossijskih-chinovnikov/> (дата обращения: 11.07.2023).
14. Дмитрий Вяткин не грубил журналистке по телефону // Daily Storm. 24.12.2020. URL: <https://dailystorm.ru/news/dmitriy-vyatkin-otricaet-cto-nagrubil-zhurnalistke-po-telefonu> (дата обращения: 11.07.2023).
15. Чьи амбиции круче: уральский депутат-скандал Илья Гаффнер // ФедералПресс. 22.07.2021. URL: <https://fedpress.ru/article/2785016> (дата обращения: 11.07.2023).
16. Борзота кабинетная: как чиновники хамят народу и почему это не закончится // Первый русский Царьград. 15.11.2019. URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/borzota-kabinetnaja-kak-chinovniki-hamjat-narodu-i-pochemu-jeto-ne-zakonchitsja_226046 (дата обращения: 11.07.2023).
17. Зимин А. Е. Конфликт власти и СМИ как форма их взаимоотношения в России // SuperInf.ru. 14.02.2012. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2207 (дата обращения: 11.07.2023).
18. Проблемы отечественной журналистики обсуждали в Президентской библиотеке // Президентская библиотека. 20.04.2018. URL: <https://www.prlib.ru/news/1154558> (дата обращения: 14.07.2023).

Информация об авторе.

Огороднова Анна Михайловна – ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: политические технологии и процессы.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.07.2023; принята после рецензирования 25.08.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Kazarinova, N.V. and Ogorodnova, A.M. (2018), "Negative communication as a tool of political identity", *Bulletin of the Tajik National Univ.*, no. 3, pp. 188–192.
2. Bourdieu, P. (2011), *Le Sens pratique*, Transl. by Bikbov, A.T., Voznesenskaya, E.D., Zenkin, S.N. and Shmatko, N.A., Aleteiya, SPb., RUS.

3. Bourdieu, P. (1993), "Espace social et pouvoir symbolique", *THESIS*, iss. 2, pp. 137–150.
4. Weber, M. (1990), "Politik als Beruf", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Progress, Moscow, USSR, pp. 644–706.
5. Goffman, E. (2004), *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*, Transl. by Bumagin, R.E. et al., In-t sotsiologii RAN, In-t Fonda "Obshchestvennoe mnenie», Moscow, RUS.
6. Castells, M. (2016), *Communication Power*, Transl. by Tylevich, N.M., VShE, Moscow, RUS.
7. Habermas, J. (2022), *Theorie des Kommunikativen Handelns*, Transl. by Sudakov, A.K., Ves' Mir, Moscow, RUS.
8. "47news journalist Viktor Smirnov detained in St. Petersburg", *News*, 25.01.2021, available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244365562> (accessed 14.07.2023).
9. "The authorities of St. Petersburg will deal with the detention of journalists at uncoordinated actions", *News*, 14.03.2022, available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/268574382> (accessed 14.07.2023).
10. "The authorities of St. Petersburg will deal with the detention of journalists at uncoordinated actions", *Rambler*, 14.03.2022, available at: <https://auto.rambler.ru/roadaccidents/48298101-vlasti-peterburga-budut-razbiratsya-s-zaderzhaniyami-zhurnalistov-na-nesoglasovannyh-aktsiyah/> (accessed 14.07.2023).
11. SPIEF denied accreditation to journalists from unfriendly countries", *RBC*, 02.06.2023, available at: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/647a18339a7947f70825f50a> (accessed 13.07.2023).
12. "GDF monitoring results for June 2020", *Glasnost Defense Foundation*, available at: <http://www.gdf.ru/graph/item/1/1691> (accessed 13.07.2023).
13. "Borzota". The most boorish statements of Russian officials", *OSN*, available at: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/borzota-samye-hamskie-vyskazyvaniya-rossijskih-chinovnikov/> (accessed 11.07.2023).
14. "Dmitry Vyatkin was not rude to a journalist on the phone", *Daily Storm*, 24.12.2020, available at: <https://dailystorm.ru/news/dmitriy-vyatkin-otricaet-cto-nagrubil-zhurnalistke-po-telefonu> (accessed 11.07.2023).
15. "Whose ambitions are cooler: Ilya Gaffner, a Ural deputy-scandal", *FederalPress*, 22.07.2021, available at: <https://fedpress.ru/article/2785016> (accessed 11.07.2023).
16. "Cabinet greyhound: how officials are rude to the people and why it will not end", *First Russian Tsargrad*, 15.11.2019, available at: https://spb.tsargrad.tv/articles/borzota-kabinetnaja-kak-chinovniki-hamjat-narodu-i-pochemu-jeto-ne-zakonchitsja_226046 (accessed 11.07.2023).
17. Zimin, A.E. (2012), "The conflict between the authorities and the media as a form of their relationship in Russia", *SuperInf.ru*, 14.02.2012, available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2207 (accessed 11.07.2023).
18. "Problems of domestic journalism were discussed at the Presidential Library", *Presidential Library*, 20.04.2018, available at: <https://78online.ru/2018/04/19/kulturnyj-forum-rossijskoj-obshhestvennosti-proshyol-v-sankt-peterburge/> (accessed 14.07.2023).

Information about the author.

Anna M. Ogorodnova – Assistant at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: political technologies and processes conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.07.2023; adopted after review 25.08.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 394.912; 327.8; 32.019.51; 377; 378; 316
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-86-97>

Развитие российско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования на современном этапе

Оксана Александровна Береговая^{1✉}, Анастасия Сергеевна Боброва²,
Маргарита Алексеевна Юрченко³

^{1, 2, 3}Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

¹zaroza@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8357-0583>

²anastasia1140@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8834-928X>

³yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Введение. Статья посвящена проблеме международных отношений в сфере высшего образования. Цель исследования – рассмотреть развитие российско-монгольского образовательного сотрудничества на современном этапе. Задачами статьи являются: раскрыть роль русского языка как одного из инструментов развития российско-монгольского образовательного сотрудничества; показать особенности продвижения российского высшего образования в Монголии; показать опыт развития российско-монгольского образовательного сотрудничества на примере новосибирских вузов.

Методология и источники. Изучение проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования опирается на социокультурный подход. Методологическим основанием выступает концепция образования как «мягкой силы». В работе были использованы следующие методы исследования: социологические методы; фокус-группа; анализ вторичных социологических исследований; сравнение; обобщение. Источниками исследования являются нормативно-правовые документы, на которых основаны российско-монгольские отношения, данные других исследований по теме.

Результаты и обсуждение. Наметилась определенная тенденция развития российско-монгольского образовательного сотрудничества, что во многом зависит от намерений региональных вузов, их стремления продвигать образование, язык и культуру по следующим позициям: открытие и финансирование на постоянной основе филиалов; сотрудничество со школами и поднятие статуса русского языка в монгольском образовании; систематическая помощь в методическом обеспечении. Проанализированы данные опросов монгольских студентов, которые показали, что российское высшее образование востребовано среди монгольской молодежи, но необходимо обратить внимание на проблемы социокультурной адаптации монгольских учебных мигрантов. Результаты проведенной фокус-группы также свидетельствуют о проблемах с изучением русского языка монгольскими студентами и выстраиванием коммуникации с российскими студентами.

Заключение. На основании полученных данных исследователи приходят к выводу о положительных тенденциях в образовательном сотрудничестве. Однако потенциал российско-монгольских отношений реализован не в полной мере. После пандемии необходимо более активное продвижение российских образовательных программ в Монголии, что позволит обновить подходы к российско-монгольскому взаимо-

© Береговая О. А., Боброва А. С., Юрченко М. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

действию в сфере высшего образования. В статье предлагается перечень мероприятий по развитию российско-монгольского сотрудничества, в том числе развитию межкультурной коммуникации и диалога между российскими и монгольскими студентами.

Ключевые слова: российско-монгольское сотрудничество, иностранные студенты, высшее образование, русский язык, трансграничное сотрудничество, международные отношения, мягкая сила

Для цитирования: Береговая О. А., Боброва А. С., Юрченко М. А. Развитие российско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования на современном этапе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-86-97.

Original paper

Development of Trends in Russian-Mongolian Educational Cooperation in New Conditions

Oksana A. Beregovaya¹, **Anastasia S. Bobrova²**, **Margarita A. Yurchenko³**

^{1, 2, 3}*Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, Novosibirsk, Russia*

¹*zaroza@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8357-0583>*

²*anastasia1140@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8834-928X>*

³*yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>*

Introduction. The article is devoted to the problem of international relations in the field of higher education. The purpose of the study is to consider the development of modern Russian-Mongolian educational cooperation. The authors set the following objectives of the article: to reveal the role of the Russian language as one of the tools for the development of Russian-Mongolian educational cooperation; to enumerate and describe the features of the promotion of Russian higher education in Mongolia; to illustrate the experience of developing Russian-Mongolian educational cooperation on the example of Novosibirsk universities.

Methodology and sources. The study of the problem of international cooperation in the field of higher education is based on a socio-cultural approach. The methodological basis is the concept of education as a «soft power». The study is conducted with the use of the following sociological methods: the focus group-method; analysis of secondary sociological research; comparison; generalization. The sources of the study are the regulatory documents on which Russian-Mongolian relations are based as well as data from other studies on the topic.

Results and discussion. Based on the data obtained, the researchers come to the conclusion about positive trends in educational cooperation, however, the potential of Russian-Mongolian relations is not fully realized. After the pandemic, more active promotion of Russian educational programs in Mongolia is needed, which will allow updating approaches to Russian-Mongolian cooperation in the field of higher education. The article offers a list of measures for the development of Russian-Mongolian cooperation, including the development of intercultural communication and dialogue between Russian and Mongolian students.

Conclusion. Based on the data obtained, the researchers came to the conclusion about positive trends in educational cooperation, however, the potential of Russian-Mongolian relations is not fully realized. After the pandemic, more active promotion of Russian educational programs in Mongolia is needed, which will allow updating approaches to Russian-Mongolian cooperation in the field of higher education. The article offers a list of

measures for the development of Russian-Mongolian cooperation, including the development of intercultural communication and dialogue between Russian and Mongolian students.

Keywords: Russian-Mongolian cooperation, international students, higher education, Russian language, cross-border cooperation, international relations, soft power

For citation: Beregovaya, O.A., Bobrova, A.S. and Yurchenko, M.A. (2023), "Development of Trends in Russian-Mongolian Educational Cooperation in New Conditions", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-86-97 (Russia).

Введение. Развитие международных отношений с азиатскими странами является стратегически важным для Российской Федерации в настоящее время. В связи с этим исследование образовательного сотрудничества России и Монголии не теряет своей актуальности в новых геополитических условиях. Государства имеют не только общую многокилометровую границу, но и многовековые преимущественно дружественные связи. Внешнеполитический курс Монголии нацелен «развивать широкомасштабные культурные отношения с другими странами, включая третьи соседние страны, и популяризировать монгольскую культуру и историю через дипломатические миссии и отдельных граждан по всему миру» [1]. В «Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией» говорится о намерении активизации и повышения эффективности отношений по всем направлениям, в том числе и в образовании [2]. 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе в ходе официального визита Президента Российской Федерации В. В. Путина в Монголию был подписан Договор о дружественных отношениях и всестороннем стратегическом партнерстве между Монголией и Российской Федерацией [3].

Восприятие Монголией образовательных проектов и инициатив России опирается на многолетнее добрососедство и сотрудничество, так как государства разделяют позицию друг друга в отношении многих вопросов глобальной и региональной повестки. В настоящее время между нашими странами осуществляется активное приграничное и трансграничное сотрудничество. Монголия сама активно «наращивает свое культурное влияние в ряде субъектов РФ, используя его как инструмент “мягкой силы“, особенно в сфере образования [4, с. 17]. В числе примеров таких субъектов Республика Бурятия, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Калмыкия, Республика Алтай, Новосибирская область, Красноярский край, Томская область и др., что связано с культурно-исторической, а в некоторых случаях (Бурятия, Калмыкия) с языковой и религиозной схожестью проживающих на этих территориях народов.

В научной литературе показано, что международные отношения в сфере высшего образования характеризуются расширением состава действующих акторов. Ими становятся университеты, профессиональные сообщества преподавателей и ученых, международные общественные организации в сфере образования, отдельные ученые. Отмечается их значимость во внешней политике страны [5].

Связи России с Монголией в образовании отражены в научной литературе. Можно отметить коллективную монографию А. Нямдолжина, В. А. Родионова, Л. В. Кураса и др. [4], статьи Т. Ч. Будаевой [6], Наваанзоча Х. Цэдэва, Дашдоржийн Мунхбата [7] и др., посвященные теоретическим и практическим аспектам изучения российско-монгольского образовательного сотрудничества. Несмотря на наличие публикаций, все еще не в полной мере

показаны возможности и инструменты продвижения отечественного высшего образования в Монголии, а также особенности адаптации монгольских студентов в российских вузах.

Цель статьи – рассмотреть развитие российско-монгольского образовательного сотрудничества на современном этапе. Задачи статьи: раскрыть роль русского языка как одного из инструментов развития российско-монгольского образовательного сотрудничества; показать особенности продвижения российского высшего образования в Монголии; показать опыт развития российско-монгольского образовательного сотрудничества на примере новосибирских вузов.

Методология и источники. Изучение проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования опирается на социокультурный подход («культурные и социальные отношения (включая экономические) соотносятся как равновлиятельные, а не односторонне детерминирующие функционирование и эволюцию общества» [8, с. 178]). Методологическим основанием выступает концепция образования как «мягкой силы» [4, 9–11]. В работе были использованы следующие методы исследования: социологические; фокус-группа; анализ вторичных социологических исследований; сравнение; обобщение.

Результаты и обсуждение. *Русский язык как инструмент развития российско-монгольского образовательного сотрудничества.* Монголия является активным субъектом мировой политики, пока еще молодым и хрупким, что не мешает ей укреплять самопозиционирование в качестве «азиатской Швейцарии» [10, с. 285], стремясь увеличить свой собственный вес. Одной из главных задач Монголии является демонстрация соседям ценности мирного диалога, учитывая, что от ее собственного «состояния» зависит судьба макрорегиона. Геополитически Монголия лавирует между США, Китаем и Россией, в партнерстве с которыми она собирается реализовать свой проект «Степной путь» [12], критически важный для экономического развития и суверенитета страны. Вместе с тем у России есть существенное преимущество перед другими государствами, имеющими свои интересы в Монголии: она воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные [10].

Русский язык является одним из важнейших инструментов образовательного сотрудничества Монголии и России. До 1990-х гг. в монгольских вузах единственным иностранным языком был русский [7, с. 52]. В середине 1990-х гг. больше половины населения Монголии читали и понимали по-русски, чуть менее половины также могли писать, более трети разговаривали на русском языке свободно [13, с. 203]. Однако в связи с ослаблением некогда тесных связей конца прошлого столетия и вследствие глобального распространения английского и китайского языков интерес к русскому языку закономерно начал снижаться. В последние годы усилия Российского центра науки и культуры (РЦНК) и вузов России были во многом направлены именно на восстановление позиций русского языка и повышение качества его преподавания и возможности выбирать между английским и русским [14; 15, с. 192].

Актуальными проблемами в области развития присутствия русского языка как иностранного (РКИ) в Монголии являются: отсутствие сети вузов, готовящих преподавателей РКИ (только Монгольский государственный университет образования); нехватка учебно-методических и медиаматериалов по РКИ; недостаточное количество носителей русского языка, что влечет сокращение социальной среды для общения на нем. Создает конкурен-

цию и присутствие представителей американского агентства «Корпуса мира» и волонтеров, бесплатно обучающих английскому по всей Монголии [14, с. 11]. Как считают И. Ц. Доржиева и Э. В. Цыремпилова, «выросло поколение молодежи, не владеющее русским языком, ориентированное на западные ценности и установки». «Наибольшее количество школ ориентировано на преподавание английского языка (программы по стандартам Кембриджа, Оксфорда и др.)» [4, с. 94].

Для решения этих проблем как по линии Россотрудничества, так и по линии партнерских организаций принимается ряд мер. Результатом планомерной деятельности в данном направлении стали: 1) регулярное проведение олимпиад по русскому языку, соревнований и конкурсов среди школьников; 2) открытие центров русского языка при РЦНК на базе образовательных учреждений по всей стране; 3) рост числа слушателей курсов русского языка; 4) разработка и запуск курсов повышения квалификации, в том числе по вопросам методики преподавания РКИ; 5) проведение совместных конференций, форумов, круглых столов и др.; 6) создание общего инфополюса в СМИ для продвижения российского высшего образования.

В качестве примеров приведем некоторые мероприятия: подписание межправительственного соглашения между Россией и Монголией о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях в 2013 г. [16]; возрождение в 2019 г. совместно с НПО «Дети Монголии» всемонгольского конкурса знатоков русского языка «Мы поедem в Артек», телевизионного конкурса русской песни «Наша песня», «Кремлевской Елки в Монголии»; съезд Монгольской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы [6, с. 47]; выездные мероприятия РЦНК в отдаленных регионах; взаимодействие с монгольскими выпускниками российских вузов; наличие филиалов российских вузов на территории Монголии; активное освещение русско-монгольской образовательной повестки в СМИ, социальных сетях и др. [7, 9, 11, 15].

Хотя потеря влияния России в регионе в 1990-е гг. вызвала утрату позиций русского языка, вместе с тем с середины 2010-х гг. наблюдается явная тенденция восстановления роли русского языка в регионе, которая поддерживается как на законодательном уровне в самой Монголии, так и посредством Россотрудничества.

Продвижение российского высшего образования в Монголии. Получение высшего образования в Монголии не является бесплатным, однако студенты первых двух курсов, обучающиеся на «отлично», получают возможность продолжить обучение за границей, в том числе в России, за счет российского государства. В связи с этим фактически все крупные «игроки» в лице вузов являются конкурирующими в вопросе привлечения иностранных студентов, стремятся увеличить число мест для поступления монгольских граждан по квоте. Планомерная российская политика направлена на увеличение финансирования обучения иностранных граждан в нашей стране. Ее прямым следствием является солидное число квот (620) на обучение абитуриентов из Монголии, превышающее на данный момент соответствующий показатель Китая. С каждым годом растет число квотируемых мест для монгольских граждан (с 270 до 300 мест в 2011–2012 гг. и до 600 мест в 2020–2021 гг.). Десятки тысяч граждан современной Монголии являются выпускниками советских и российских вузов. В 2023 г. более 1 000 выпускников монгольских школ решили получить высшее образование

в России. Монгольская молодежь соревнуется за право бесплатного обучения в лучших вузах России. Отбором иностранных граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, в конкурсе на квоты Правительства России занимается Россотрудничество. Для Монголии в 2023 г. выделено 620 квот, что на 20 мест больше, чем в 2022 г. [17].

В статье А. В. Комбаева и М. Давыд приводятся данные опроса монгольских студентов (122 респондента), проведенного с целью выявления причин привлекательности получения высшего образования в России [11]. В результате опроса было выявлено, что основными тремя мотивами поступления являются: возможность выстроить деловые связи ввиду близости культуры и менталитета; престижность российского образования; территориальная близость к родине. Исследователи отмечают, что жить и работать в России готовы далеко не все монгольские выпускники российских вузов. Большинство хотят вернуться на родину и работать по специальности. Наиболее значимыми трудностями на пути к поступлению в российский вуз интервьюируемые назвали языковой барьер и бюрократические сложности [11, с. 217–218].

Стоит отметить, что сайты российских вузов почти не располагают какой-либо информацией на монгольском, поэтому при низком уровне знания русского языка абитуриентам приходится искать и переводить информацию самостоятельно. Кроме того, Россия не является единственным популярным зарубежным направлением у монгольских абитуриентов. Другие страны зачастую становятся объектом выбора в связи с наличием высоких стипендий, позволяющих полностью погрузиться в учебу, а также интересных стажировок и перспектив более престижного трудоустройства, среди них Великобритания, Южная Корея, Япония, Китай, США и Германия.

Согласно данным экспертного опроса (объем выборки $N = 93$) научно-исследовательского проекта 2020 г. «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ» наблюдается ослабление международного образовательного сотрудничества России и Монголии, однако «Россия все равно является наиболее предпочтительной страной для получения образования гражданами Монголии и в рейтинге стран разделяет 1 место с США» [4, с. 94–95].

Таким образом, при продвижении российского высшего образования в Монголии и общем укреплении сотрудничества в сфере образования важно уделить особое внимание целостности планирования, охвату всех целевых групп, детальному информационному сопровождению, контакту и диалогу культур не только на территории Монголии, но и в самой России.

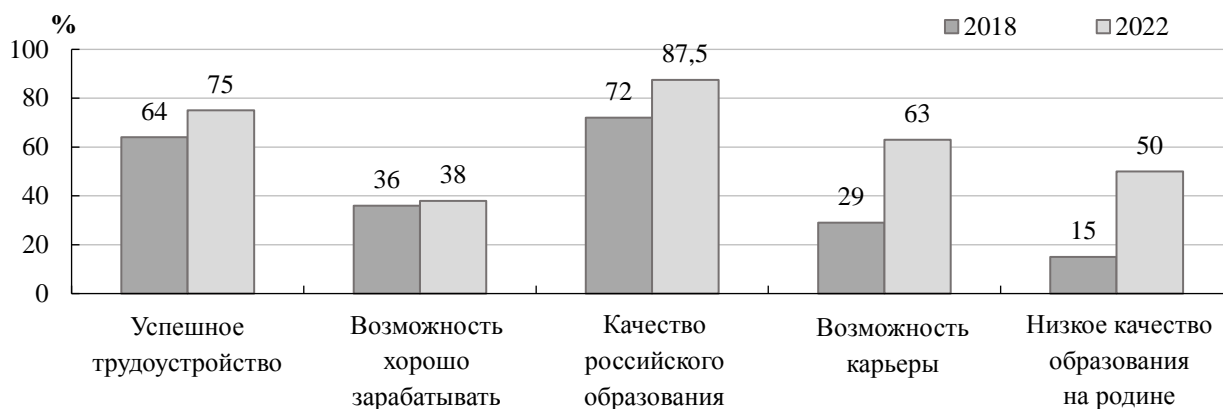
Опыт развития российско-монгольского образовательного сотрудничества на примере новосибирских вузов. Трансграничное образовательное сотрудничество поддерживается обеими сторонами. С монгольскими вузами помимо центральных регионов сотрудничают образовательные учреждения субъектов Российской Федерации в Сибирском федеральном округе – Республики Алтай, Тыва, Бурятия, Хакасия, Иркутская область, а также города Новосибирск, Томск, Омск, Бийск, Барнаул, Кемерово и др.

Как справедливо полагают М. М. Лебедева и Ж. Фор, «предоставление образовательных услуг иностранным студентам – один из важнейших инструментов “мягкой силы” государства» [5]. Новосибирск является научным, образовательным и культурным центром Сибири, а также третьим городом по количеству населения после Москвы и Санкт-Петербурга.

В 2022 г. в новосибирских вузах обучалось около 9 370 иностранных студентов. Традиционно студенты из Монголии составляют примерно 1–2 % от общего числа иностранных обучающихся*.

Среди новосибирских вузов тесные связи с Монголией имеют Новосибирский государственный университет, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирский государственный университет путей сообщения и др. Период пандемии 2020–2022 гг. увеличил отток монгольских студентов. В настоящее время он с трудом восстанавливается до прежних показателей.

При организационной поддержке отдела высшей школы и развития педагогических кадров министерства образования Новосибирской области в 2018 г. (объем выборки N = 397) и в 2022 г. (объем выборки N = 944) были проведены опросы иностранных студентов Новосибирска с целью выявления их мотивации, проблем социокультурной адаптации, создания благоприятной среды. В первом опросе участвовали 25 студентов из Монголии, во втором – 8. При выборе страны для получения образования студенты в первую очередь обращали внимание на качество образования. Практически все опрошенные имеют высокую мотивацию к получению высшего образования. На рисунке представлено сравнение полученных данных.

Факторы выбора страны и мотивации иностранных студентов
Factors in choosing a country and motivating foreign students

В ожиданиях студентов преобладают личностные карьерные ожидания: «высшее образование необходимо для успешного трудоустройства» (64 и 75 % в 2018 и 2022 гг. соответственно), «высшее образование дает возможность хорошо зарабатывать» (36 и 38 %), «дает возможность построить карьеру» (29 и 63 %). При выборе страны для получения образования студенты в первую очередь руководствовались высоким качеством российского образования (72 и 87,5 %). Также были названы и другие причины: «низкая цена образования», «посоветовали родители», «дешевизна жизни в России». В мотивации студентов преобла-

* Данные предоставлены отделом высшей школы и развития педагогических кадров Министерства образования Новосибирской области.

дают личностные карьерные ожидания, в меньшей степени, но также важно для студентов – статусные общественные мотивации. Самой популярной причиной выбора студентами получения высшего образования не в Монголии является «низкое качество образования на родине» (15 и 50 %), около 50 % опрошенных в 2018 г. хотели учиться и работать в России, так как «российское образование (диплом российского вуза) выше котируется». Также из опроса следует, что студенты из Монголии достаточно успешно адаптируются к российским условиям – сибирскому климату, городской среде мегаполиса.

В 2023 г. была проведена фокус-группа с российскими и монгольскими студентами. Количество участников – 8 российских и 5 монгольских студентов новосибирских вузов. В ходе дискуссии иностранные студенты из Монголии обозначили, что их основной проблемой в России становится проблема изучения языка, поэтому им требуется больше языковой практики в неформальной обстановке. Овладение русским языком и культурой – это основной запрос иностранных студентов. Несмотря на то, что трое из пяти монгольских студентов проживают в России более одного года, данная проблема полностью не решена. Другой не менее важной проблемой, вытекающей из первой, является коммуникация с российскими студентами. Студенты из Монголии отмечали, что чаще общаются со своими соотечественниками, а не с российскими студентами: «...иностранному студенту сложно открыть себя и говорить на русском языке. Не каждый имеет дух, чтобы пересилить себя и выдержать смех над собой» (студент из Монголии). Также студенты отмечали малое количество адаптационных мероприятий в вузах. Решение проблем видится в проведении совместных с российскими студентами внутривузовских и межвузовских мероприятий, направленных на межкультурную коммуникацию в виде мастер-классов, тренингов, школ, адаптивов, организации дополнительных занятий по изучению русского языка как иностранного [18, с. 78–79].

Заключение. Одним из важных инструментов развития образовательного сотрудничества России и Монголии является русский язык. Если в период после распада Советского Союза языковое сотрудничество в Монголии переориентировалось на английский язык, то сейчас в большей степени прослеживается новая тенденция – русский и китайский языки вновь становятся востребованными.

В настоящее время по линии Россотрудничества и других российских организаций проводится большая работа по развитию разных форм гуманитарного сотрудничества с Монголией. Необходимо сохранить достигнутые результаты и упрочить их в ближайшей перспективе. Вопрос продвижения российского образования также показывает положительные тенденции к расширению сотрудничества, однако расширение целевой аудитории позволит привлечь больше студентов.

Российская сторона наращивает образовательное сотрудничество с Монголией, не только продвигая собственные интересы, но и в ответ на инициативу принимающей стороны. Вместе с тем в условиях усиления экономического влияния КНР, расширения влияния «мягкой силы» третьих стран, можно сказать, что потенциал образовательного сотрудничества России и Монголии еще не в полной мере реализован, не все региональные вузы включены в него. Данную проблему можно рассматривать как потенциал для развития.

На наш взгляд, образовательное сотрудничество России и Монголии выиграло бы при условии более активного продвижения российских образовательных программ в Монголии

с целью повышения привлекательности российского образования – путем создания представительств российских вузов; реализации идеи создания Международного российско-монгольского университета; интенсификации обучения русскому языку с использованием смешанных форматов и мобильных технологий, расширения контента на русском языке в СМИ и социальных сетях; организации совместных проектов в сфере науки, культуры и образования, при реализации которых следует обратить особое внимание на формирование и закрепление дружественного позитивного образа России в сознании новых поколений монголов. Сегодня необходимо обновить подход к российско-монгольскому взаимодействию в сфере образования. Гуманитарное сотрудничество в сфере образования может стать мощной силой в дальнейшем укреплении связей России и Монголии на основе изучения русского языка и подготовки монгольской молодежи к обучению в российских вузах, целенаправленной кадровой подготовке для работы в совместных российско-монгольских проектах, продвижении российского высшего образования в Монголии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. National Security Concept of Mongolia // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. URL: <https://mfa.gov.mn/en/documentation/55280/> (дата обращения: 07.07.2023).

2. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией // Посольство Российской Федерации в Монголии. URL: https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskikh-otnoshenij/-/asset_publisher/Xut60ySyPd60/content/deklaracia-o-razviii-strategiceskogo-partnerstva-mezdu-rossijskoj-federaciej-i-mongoliej-ulan-bator-25-avgusta-2009-goda-?inheritRedirect=true (дата обращения: 07.07.2023).

3. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 3 сентября 2019 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009210041> (дата обращения: 07.07.2023).

4. «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях / отв. ред. В. А. Родионов, А. Нямдолжин. Иркутск: Оттиск, 2022.

5. Лебедева М. М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестн. МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 200–205. DOI; <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205>.

6. Будаева Т. Ч. Опыт использования общественных связей в продвижении российского образования в Монголии // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4, № 1. С. 44–58. DOI: [10.17748/2686-9969-2021-4-1-44-58](https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-1-44-58).

7. Наваанзоч Х. Цэдэв, Дашдоржийн Мунхбат. Высшее образование в Монголии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7.: Философия. 2013. № 3. С. 51–62.

8. Шрейдер Ю. А., Бирюков Б. В. Отношения общественные // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: 2010. С. 177–178.

9. Доржиева И. Ц., Цыремпилова Э. В. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 46–51. DOI: [10.24158/per.2021.6.6](https://doi.org/10.24158/per.2021.6.6).

10. Родионов В. А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 283–291. DOI: [10.31171/vlast.v28i2.7169](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7169).

11. Комбаев А. В., Давыд М. Российское образование как «мягкая сила»: образовательные стратегии монгольских студентов // Власть. 2022. Т. 30, № 3. С. 216–220. DOI: [10.31171/vlast.v30i3.9071](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9071).

12. Джеенбекова С. С. Геополитика Монголии с Россией, Китаем, странами ЦА и АТР // Обозреватель. 2021. № 6 (377). С. 99–109. DOI: [10.48137/2074-2975_2021_6_99](https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_6_99).

13. Михалев А. В. Русский язык в политическом пространстве постсоциалистической Монголии // Политическая экспертиза. 2010. № 2. С. 198–212.

14. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования / Н. В. Фалилеева, С. А. Филин, Л. Дугаржав, И. А. Ерофеева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9, № 12 (201). С. 10–22.

15. Эрдэнэбаяр Г. Взаимодействие России и Монголии в области образования и науки // Вестн. РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2017. Т. 9, № 2. С. 184–193. DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-184-193.

16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях // Бюллетень международных договоров. 2006. № 12. С. 62.

17. Россия и Монголия обсудили новые шаги по развитию научно-образовательной кооперации // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/60972/> (дата обращения: 07.07.2023).

18. Береговая О. А., Юрченко М. А. Языковая адаптация иностранных студентов в российском вузе // Alma mater (Вестн. высшей школы). 2022. № 8. С. 74–80. DOI: 10.20339/AM.08-22.074.

Информация об авторах.

Береговая Оксана Александровна – доктор философских наук (2022), доцент (2012), профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, ул. Нижегородская, 6, Новосибирск-102, 630102, Россия. Автор 125 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия образования, международное сотрудничество, социология образования, компаративистика, социальная и политическая философия.

Боброва Анастасия Сергеевна – преподаватель кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, ул. Нижегородская, 6, Новосибирск-102, 630102, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: политические институты, политический дискурс, религиозный дискурс, государственно-конфессиональные отношения.

Юрченко Маргарита Алексеевна – преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, ул. Нижегородская, 6, Новосибирск-102, 630102, Россия. Автор 33 научных публикаций. Сфера научных интересов: педагогика высшей школы, интернационализация высшего образования, лингводидактика, полилингвизм, межэтнические и международные отношения, межкультурное взаимодействие.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.08.2023; принята после рецензирования 12.09.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. "National Security Concept of Mongolia", *Ministry of Foreign Affairs of Mongolia*, available at: <https://mfa.gov.mn/en/documentation/55280/> (accessed 07.07.2023).

2. "Declaration on the development of a strategic partnership between the Russian Federation and Mongolia", *Embassy of the Russian Federation in Mongolia*, available at: https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskih-otnosenij-/asset_publisher/Xut60ySyPd60/content/deklaracia-o-razvittii-strategiceskogo-partnerstva-mezdu-rossijskoj-federaciej-i-mongoliej-ulan-bator-25-avgusta-2009-goda-?inheritRedirect=true (accessed 07.07.2023).

3. "Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership dated September 3, 2019", *Official Internet portal of legal information*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009210041> (accessed 07.07.2023).

4. "Myagkaya sila" v rossiisko-mongol'skikh otnosheniyakh ["Soft power" in Russian-Mongolian relations] (2022), Rodionov, V.A. and Nyamdolzhin, A. (eds.), Izd-vo «Ottisk», Irkutsk, RUS.

5. Lebedeva, M.M. and Fort, Ju. (2009), "Higher Education as Soft Power Potential of Russia", *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (9), pp. 200–205. DOI; <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205>.

6. Budaeva, T. (2021), "Experience of using public relations in promoting Russian education in Mongolia", *Pedagogy: history, perspectives*, vol. 4, no. 1, pp. 44–58. DOI: 10.17748/2686-9969-2021-4-1-44-58.

7. Navaanzoch, H.Ts. and Dashdorzhin, M. (2013), "Higher education in Mongolia", *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 7. Philosophy*, no. 3, pp. 51–62.

8. Shreider, Yu.A. and Biryukov, B.V. (2010), "Public Relations", *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], in 4 vol., vol. 3, Moscow, pp. 177–178.

9. Dorzhieva, I.Ts. and Tsyrempilova, E.V. (2021), "Export of educational services from Russia to Mongolia in the context of reforming the education system of Mongolian", *Society: politics, economics, law*, no. 6 (95), pp. 46–51. DOI: 10.24158/pep.2021.6.6.

10. Rodionov, V.A. (2020), "Russian soft power resources in Mongolia: current status and usage potential", *Vlast'*, vol. 28, no. 2, pp. 283–291. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7169.

11. Kombaev, A.V. and Davyd, M. (2022), "Russian education as a soft power: educational strategies of Mongolian students", *Vlast'*, vol. 30, no. 3, pp. 216–220. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9071.

12. Dzheenbekova, S.S. (2021), "Mongolia's geopolitics with Russia, China, the Central Asian Countries and the Asia-Pacific region", *Observer*, no. 6 (377), pp. 99–109. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_6_99.

13. Mikhalev, A.V. (2010), "Russian language in the political space of post-socialist Mongolia", *Political expertise: POLITEX*, no. 2, pp. 198–212.

14. Falileeva, N.V., Filin, S.A., Dugarzhav, L. and Erofeeva, I.A. (2013), "Problems of interaction between Russia and Mongolia in the field of education", *National interests: priorities and security*, vol. 9, no. 12 (201), pp. 10–22.

15. Erdenebajar, G. (2017), "Interaction of Russia and Mongolia in the field of education and science", *RUDN J. of World History*, vol. 9, no. 2, pp. 184–193. DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-184-193.

16. "Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on the mutual recognition of documents on education, academic degrees and academic titles", (2006), *Bulletin of international treaties*, no. 12, p. 62.

17. "Russia and Mongolia discussed new steps to develop scientific and educational cooperation", *Ministry of Education and Science of Russia*, available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/60972/> (accessed 07.07.2023).

18. Beregovaya, O.A. and Yurchenko, M.A. (2022), "Tools of linguistic adaptation of international students in Russian university", *Alma Mater. Vestnik Vysshey Shkoly*, no. 8, pp. 74–80. DOI: 10.20339/AM.08-22.074.

Information about the authors.

Oksana A. Beregovaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2022), Docent (2012), Professor at the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, 6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk-102 630102, Russia. The author of 125 scientific publications. Area of expertise: philosophy of education, international cooperation, sociology of education, comparative studies, social and political philosophy.

Anastasia S. Bobrova – Lecturer at the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, 6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk-102 630102, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: political institutions, political discourse, religious discourse, state-confessional relations.

Margarita A. Yurchenko – Lecturer at the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, 6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk-102 630102, Russia. The author of 33 scientific publications. Area of expertise: pedagogy of higher education, internationalization of higher education, linguodidactics, polylingualism, interethnic and international relations, inter-cultural interaction.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.08.2023; adopted after review 12.09.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья

УДК 316.6; 316.7

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-98-116>

Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства

Мария Евгеньевна Кудрявцева¹✉, Анна Валентиновна Пряхина²

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹✉ mashutka331@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>

²anniva2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6846-8740>

Введение. Цель статьи заключается в актуализации проблемы развития мировоззренческих трансформаций современного общества, детерминированных новой цифровой реальностью, а также определении феномена цифровой культуры личности, его социально-психологических функций в цифровом обществе, фиксации структуры и содержания каждого из компонентов.

Методология и источники. В своих размышлениях авторы опирались на труды исследователей О. А. Гримова, В. И. Пржиленского, Е. О. Труфановой, Л. В. Баевой, И. И. Горловой, А. Л. Зорина, Г. В. Солдатовой, А. Ю. Квитко, Р. В. Беляева и Е. И. Григорьевой, М. И. Царевой и др. Проведенное эмпирическое исследование носило зондажный характер и рассматривалось как предварительное, лишь намечающее пути возможного более глубокого и полноценного исследования. Таким образом, в статье используются ценностный и социально-психологический подходы. Анализ цифровой культуры личности с позиций ценностного подхода дает возможность определить критерии оценки результатов, реализуемых в цифровом пространстве социальных практик человека. Использование социально-психологического подхода дает возможность определить цифровую культуру личности в контексте таких феноменов, как социализация и самоидентификация личности.

Результаты и обсуждение. Правомерность цифрового мира как иного «модуса бытия» и пространства для самовыражения признают в первую очередь представители младшей возрастной группы, что является тревожным симптомом. Однако больший уровень ответственности в реальной жизни по сравнению с цифровой, который признают представители всех возрастных групп, все-таки позволяет говорить об определенной выраженности онтологического компонента. Также авторы выявили определенную выраженность информационного и коммуникативно-этического компонентов цифровой культуры личности.

Заключение. Дальнейшее исследование, опирающееся на полученные в данной работе самые общие результаты, может быть посвящено более глубокому погружению в отдельные аспекты выделенных авторами компонентов цифровой культуры личности, изучению цифровой культуры отдельных возрастных групп, определению связи между цифровой культурой личности и ее профессиональным поведением и ряду других вопросов.

© Кудрявцева М. Е., Пряхина А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: цифровая культура личности, информация, социальные коммуникации, социальная психология, культура

Для цитирования: Кудрявцева М. Е., Пряхина А. В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 98–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-98-116.

Original paper

Digital Culture of the Individual as a Factor in the Socio-Psychological Safety of the Digital Space

Maria E. Kudryavtseva¹✉, Anna V. Pryakhina²

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,*

²*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹✉ *mashutka331@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>*

²*anniva2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6846-8740>*

Introduction. The purpose of the article is to actualize the problem of the development of ideological transformations of modern society, determined by the new digital reality, as well as to determine the phenomenon of digital personal culture, its socio-psychological functions in a digital society, fixing the structure and content of each component.

Methodology and sources. In their reflections, the authors relied on the works of the following researchers O.A. Grimov, V.I. Przhilensky, E.O. Trufanova, L.V. Baeva, I.I. Gorlova, A.L. Zorin, G.V. Soldatova, A.Yu. Kvitko, R.V. Belyaev and E.I. Grigorieva, M.I. Tsareva, etc. The empirical research carried out in the article was of a probing nature and was considered as preliminary, only outlining the paths of a possible deeper and more complete study. Thus, the article uses value and socio-psychological approaches. Analysis of a person's digital culture from the standpoint of a value approach makes it possible to determine criteria for assessing the results of human social practices implemented in the digital space. The use of a socio-psychological approach makes it possible to determine the digital culture of an individual in the context of such phenomena as socialization and personal self-identification.

Results and discussion. The most obvious discrepancies in the results of the questionnaire survey of different age groups were in those answers that were intended to determine the presence of an ontological component of a person's digital culture. The legitimacy of the digital world as a different "mode of being" and a space for self-expression is recognized primarily by representatives of the younger age group, which is an alarming symptom. However, the greater level of responsibility in real life compared to digital life, which is recognized by representatives of all age groups, still allows us to speak about a certain expression of the ontological component. Also, the authors reveal a certain severity of the informational and communicative-ethical components of the digital culture of the individual.

Conclusion. A more in-depth study, reliably obtained by the authors of the most general results, could be devoted to a deeper immersion in the development of individual aspects of individual authors of the components of the personality of digital culture, the study of the digital culture of individual age groups, the determination of connections between the personality of digital culture and its professional behavior and a number of other issues.

Keywords: digital personality culture, information, social communications, social psychology, culture

For citation: Kudryavtseva, M.E. and Pryakhina, A.V. (2023), "Digital Culture of the Individual as a Factor in the Socio-Psychological Safety of the Digital Space", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 98–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-98-116 (Russia).

Введение. Самые серьезные мировоззренческие проблемы современного мира, затрагивающие человеческое бытие, оказываются сегодня связанными с новой цифровой реальностью, все прочнее входящей в нашу жизнь. С нашей точки зрения, именно этот вызов, эта повестка, а не расовая, экологическая, гендерная, обладают сейчас наибольшей актуальностью в силу того, что касается самого онтологического статуса человека как разумного существа, а в перспективе – общественного развития в целом.

Сфера цифровых коммуникаций стабильно расширяется. Как показывают исследования, в России за год число пользователей возросло с 124 млн до практически 170 млн, на конец 2022 г. их стало около 90 % населения страны (сравните с населением планеты, где количество пользователей насчитывает около 60 %) *. Вместе с тем в России все еще наблюдается определенный цифровой «разрыв»: неравномерным является применение компьютерных технологий, включая использование гаджетов, смартфонов, по регионам, по социальным стратам. Так, молодые люди в России и странах Европейского союза как цифровые пользователи одинаково активны, а для более взрослой (от 55 лет) целевой аудитории ЕС по сравнению с Россией цифры увеличиваются вдвое.

Цифровая реальность, оказывая влияние на самоидентификацию человека и его культурную социализацию, все более обуславливает многообразные процессы социального взаимодействия и социальную динамику культуры в целом. Эта обусловленность свидетельствует об актуальности изучения процессов и инструментов эффективного и экологичного взаимодействия человека с цифровой реальностью как серьезной социологической проблемы.

В новой антропотехнической реальности, характеризующейся ростом социального расщепления, причем уже не столько по имущественному и образовательному принципу, сколько по принципу мотивов социального поведения и поведенческих моделей, «массовый человек» по сути дела обречен на постепенную интеллектуальную и духовную деградацию, отягощенную при этом растущей радикализацией социально-политических и социокультурных противостояний. Совершенно очевидно, что такая ситуация опасна и для общества, и для физического существования человека.

Представляется, что важным социально-психологическим инструментом, способным ограничить этот опасный социально-психологический процесс, является феномен цифровой культуры личности, проявляющейся в различных ситуациях многообразной деятельности человека в сетевом пространстве.

Цель статьи – определить феномен цифровой культуры личности, его социально-психологические функции в цифровом обществе, его структуру и содержание каждого из компонентов; обосновать с помощью эмпирического исследования актуальность феномена цифровой культуры личности и необходимость ее развития.

---

* www.trashbox.ru; www.ferra.ru

Методология и источники. В статье используются ценностный и социально-психологический подходы. Анализ цифровой культуры личности с позиций ценностного подхода дает возможность определить критерии оценки результатов, реализуемых в цифровом пространстве социальных практик человека. Использование социально-психологического подхода дает возможность определить цифровую культуру личности в контексте таких феноменов, как социализация и самоидентификация личности.

Вопросы природы и организации цифрового пространства, так же, как и социально-психологические и социокультурные проблемы «цифрового» существования человека, являются отчасти отрефлексируемыми в современной науке, что, однако, не исключает ни новых путей их постановки, ни новых подходов к их решению.

О. А. Гримов определяет цифровую реальность как «формируемый новейшими эмерджентными технологиями многоуровневый ландшафт современности» [1, с. 42]. К числу данных новейших технологий автор относит также использование искусственного алгоритма, био- и нейротехнологии, виртуальную и дополненную реальности. Указанного достаточно, чтобы стало очевидным, насколько проблематичным и рискованным для личности является ее пребывание в такой среде. В. И. Пржиленский отмечает, что эффекты возрастающей связи цифровых сетей затронули мышление человека, его тело и его восприятие собственного тела: «Сжатие пространства и времени обернулось расширением человека, что можно считать иным модусом человеческого бытия, порождаемым новой реальностью» [2, с. 75].

Е. О. Труфанова вводит понятие «распределенного» человека, рассматривая это как вызов целостности человека, позволяющей ему быть самостоятельным ответственным субъектом: «Homo digitalis, будучи человеком “распределенным”, выходит за пределы телесных ограничений, частично утрачивая связь с теми ценностями, которые были сформулированы в ту эпоху, когда единственным выходом за пределы тела было воображение человека [3, с. 373]. Н. И. Петев, размышляя над возможностями цифровой среды по формированию личности и наполнению ее новым содержанием, отмечает, что «благодаря мифотворческим тенденциям цифрового пространства создается совершенно иная, а часто и радикально противоположная изначальной, личность. В ней вакуум заполнен таким содержанием, которое актуально для конкретного индивида» [4, с. 81]. Опасность для личности, с точки зрения философа, состоит еще и в том, что в цифровом пространстве «утверждается идентичность потенциального и реального», а также исключается прошлое, «как рудимент», а вместо этого возникает патологическая, практически навязчивая и невротическая заикленность на новаторстве [4, с. 82, 85].

Вопросы цифровой культуры как атрибута и характеристики цифрового пространства также являются отчасти отрефлексируемыми в научной литературе. Ученые отмечают, в частности, ее симулятивный характер, так, в определении Л. В. Боевой, цифровая культура выступает как «сфера деятельности человека и ее результаты, связанные с созданием цифровых объектов и феноменов, симуляций объектов “живой” культуры, виртуальных пространств, процессов и явлений, созданных с помощью информационных технологий» [5, с. 89]. Культуросберегающим информационным технологиям посвящена также статья А. В. Пряхиной [6].

И. И. Горлова и А. Л. Зорин, размышляя о социальной роли цифровой культуры, говорят об амбивалентности цифровизации, «способной, с одной стороны, выступать в качестве объединяющего и интегрирующего начала, а, с другой, – порождающей в современном обществе еще большие формы несправедливости и неравенства, вызывающие невиданные ранее конфликты и разломы» [7, с. 8]. Существуют также работы, в которых цифровая культура рассматривается в психолого-педагогическом аспекте как среда, формирующая поведенческие модели и ценности молодого поколения. Л. Н. Мешкова, признавая большой потенциал цифровой среды как творческой лаборатории для подростка, тем не менее отмечает, что мозаичное освоение культуры, характерное для человека, пребывающего в цифровой реальности, может сказываться на его культурной идентичности: «Гипертекстовое пространство культуры может вести к так называемой “гибридной идентичности”, когда индивид строит свою культурную идентичность, усваивая культурные коды не только своей родной культуры» [8, с. 184].

Заслуживает отдельного интереса доклад профессора кафедры психологии личности МГУ им. М. В. Ломоносова Г. В. Солдатовой «Личность и информация в цифровом мире». Автор вводит понятие цифровой социальности, причем в качестве инструмента ее измерения предлагает понятие «гиперподключенности» человека, который всегда пребывает в сети и «на связи». Эту «смешанную совмещенную реальность, а также техносистему» Солдатова рассматривает как «технологическую достройку современного человека» [9]. Также есть работы, посвященные информационной культуре личности, феномен которой начал изучаться уже довольно давно, так, следует отметить статьи А. Ю. Квитко [10], Р. В. Беляева и Е. И. Григорьевой [11], М. И. Царевой [12]. В общем и целом, авторы сходятся в том, что информационная культура личности – это многоаспектный и многокомпонентный феномен, включающий в себя целый ряд базовых когнитивно-мотивационных характеристик личности. Завершая обзор источников, необходимо отметить, что работ, посвященных феномену именно цифровой культуры личности как атрибута и характеристики человека, нам обнаружить не удалось, что обуславливает научную актуальность нашего исследования.

Гипотеза исследования. Понятие цифровой культуры личности в рабочем порядке можно было бы определить как культуру личности в аспекте ее реализации в цифровом пространстве. Очевидно, однако, что такое определение является неполным и требует конкретного содержательного наполнения, которое мы и попытаемся представить далее.

В соответствии с нашей гипотезой цифровая культура личности, в нашем понимании, интегрирует три компонента: онтологический, информационный и коммуникационно-этический. Наличие онтологического компонента означает, что человек правильно понимает онтологическую сущность цифровой реальности и свое нахождение в ней, информационный компонент связан с культурой использования информации, обращающейся в цифровом пространстве. Коммуникационно-этический компонент предполагает культуру сетевого общения, сориентированность его на объединение социальных групп.

Онтологический компонент цифровой культуры дает человеку возможность обрести точку опоры, обеспечить его личностную целостность, его подлинную идентичность. Ощущение, а потом и осознание своей подлинной идентичности не позволяют человеку игнорировать тот факт, что настоящая реальность располагается за пределами цифрового мира.

Осознание этого предела влечет за собой принятие личностью некоторых обязательств, обусловленных реализацией своей ответственности перед другими людьми и обществом в целом, ответственности, актуальной в первую очередь в пространстве реальной жизни. Инновационные технологии для этого могут использоваться исключительно инструментально (так, вполне возможно, что с помощью сетевого взаимодействия можно организовать волонтерскую группу для помощи нуждающимся).

«Иной модус» человеческого бытия, порождаемый цифровой реальностью, где для человека существуют опасные возможности распасться на множество «субличностей», строить «гибридную идентичность», смешивать в своем сознании потенциальное и реальное, не предполагает осмысления им моделей мышления и поведения в категориях единой целостной ответственности личности за свои поступки. Точнее сказать, сама эта ответственность является неполной, «распределенной» по тем отдельным идентичностям, которые циркулируют в цифровом пространстве, и не предполагает того неизбежного реального жертвования своими интересами, которого требует от человека реальная ответственность.

Осознание человеком неподлинности виртуального мира предохраняет общество от обострения разнообразных конфликтов, которые возникают в ситуациях радикальной поляризации взглядов. Дело в том, что инновационные технологии дают возможность пользователю получать в первую очередь ту информацию, которую он предпочитает и на которую сориентирован, отнимая у него при этом возможность и желание интересоваться другими взглядами, способствующими расширению картины мира. Человек, владеющий цифровой культурой, отдает себе отчет в том, что реальность, познаваемая им в цифровом мире, – это исключительно реальность медиа.

Понятие информационного компонента цифровой культуры личности, который, как уже было сказано, дает возможность наиболее эффективно использовать информацию, включает в себя несколько аспектов. Во-первых, это аспект поиска и фильтрации информации. Дело в том, что оба указанных процесса требуют немалого интеллектуального напряжения. У человека же, находящегося в цифровом пространстве, может сложиться в сознании иллюзия легкости и необременительности поиска и обнаружения в сети любой необходимой информации, стоит только четко сформулировать тему или проблему и воспользоваться услугами интеллектуального алгоритма. Но это если и справедливо, то лишь по отношению к внешнему, поверхностному уровню информации. Искусственный интеллект обеспечивает только формальный путь поиска и фильтрации информации по ключевым словам и может пройти мимо того, что могло быть обнаружено путем «бокового» мышления, улавливающего неотчетливые моменты путем ассоциативного метафорического мышления. Традиционные методы поиска литературы, не предполагавшие использования интеллектуального алгоритма, допускали определенный элемент стихийности, что повышало шанс неожиданных находок, новых ракурсов постановки задач и нестандартных решений. Дело в том, что любая интеллектуальная деятельность человека является творческим процессом на всех ее этапах, даже на этапе поиска информации и постановки задачи.

Человек, обладающий цифровой культурой, в идеале, принимая во внимание все возможности и преимущества искусственного интеллекта, воспринимает его лишь как первую ступень поиска нужной информации.

Конечно, и на последующих ступенях могут быть использованы возможности искусственного алгоритма, здесь принципиально важным является только то, что человеку необходимо актуализировать свои собственные способности и возможности, как интеллектуальные, так и творческие.

Другим важным моментом является все более остро встающий вопрос аутентичности и верифицированности полученной информации. Активно расширяющаяся сеть, все большее ее информационное наполнение ведет к тому, что вопрос ее истинности становится все более проблемным.

В контексте размышлений о цифровой культуре можно утверждать, что указанная проблема может быть решена наличием у человека, входящего в сеть, развитого критического мышления и высокого культурно-образовательного уровня. Недостаточность образования и культуры ведет к опасности появления своеобразного «интеллектуального филистерства», при котором человек, обходя вниманием вопросы аутентичности источника и находясь в плену иллюзии своей осведомленности, считает допустимым публично рассуждать обо всем, о чем ему хочется.

Во-вторых, важным аспектом работы с информацией является ее истолкование и оценка. У человека, который входит в цифровое пространство, обладающее определенной спецификой своих коммуникаций, должна быть хорошо развита интерпретационная способность.

Е. В. Горина и Э. А. Лазарева отмечают, что сложное поле сетевого пространства складывается из множества иногда принципиально разных субдискурсов, находящихся во взаимодействии, которое авторы называют «когнитивным взаимодействием» [13, с. 48]. Кроме того, Е. В. Горина, рассуждая о манипулятивном потенциале конституирующих признаков Интернета, говорит о креолизации виртуального сообщения, что делает его более эффективным: «Элементы разных знаковых систем позволяют не только передать факты, но и сформировать к ним отношение, подчеркнуть особые ракурсы, важные для восприятия авторской мысли» [14, с. 35]. Таким образом, интерпретация зачастую оказывается уже частью сообщения, и, что самое печальное, личная интерпретационная активность человека становится ненужной, а соответствующая способность ослабевает. Между тем сохранить и развить эту способность в статусе важного компонента цифровой культуры личности мы считаем исключительно важным. Сущностной характеристикой этого компонента в новых цифровых условиях должна стать, на наш взгляд, способность отслеживать намеренность, запланированность взаимодействия субдискурсов, нацеленного на достижение манипулятивного эффекта.

Серьезной проблемой цифрового пространства является опасность размывания в нем базовых эстетических, а сейчас уже и этических категорий человеческого бытия. Тенденциям полной безоценочности и релятивизма способствуют в современном мире в первую очередь глобализм и потребительская идеология, но также и безудержная цифровизация жизни.

Между тем информационная культура как часть общей цифровой культуры личности подразумевает способность к оценке информационного сообщения. Присваиваясь человеком, включаясь в структуру уже имеющегося у него знания, новая информация приобретает личный характер и оценивается с той или иной степенью осознанности. Избыточность

информации цифрового пространства снижает возможность такого присвоения, вырабатывая поверхностный безоценочный взгляд, переносимый с цифрового также и на реальный мир. Человеку же, для того чтобы не погрузиться в полный мировоззренческий, этический и эстетический хаос, необходимы представление об объективной истине, определенные ориентиры. Если в предыдущую эпоху такие ориентиры были слишком жесткими, то в цифровом мире они грозят исчезнуть совсем.

Коммуникационно-этический компонент цифровой культуры личности, как уже было сказано, связан с культурой сетевого общения. Виртуальное пространство, открывая человеку действительно бескрайние возможности коммуникации, ослабляет и рвет реальные, живые человеческие связи, «превращая людей в одинокие интерактивные существа, ретрансляторы сообщений, утрачивающие собственное “я” и растворяющиеся в Сети, подтверждая идею постмодернистской смерти субъекта» [15, с. 36]. Такое саморастворение в сети ведет к снижению ответственности за свои слова или другие послания, которые в сетевом пространстве воспринимаются как серьезные поступки. Наиболее драматичной эта проблема видится в ситуации межгрупповой и межкультурной напряженности и противостояния, которые в настоящее время имеют тенденцию к усугублению.

Растущее умножение числа коммуникационных актов зачастую осуществляется за счет нивелирования их содержания и смыслов, цифровая коммуникация все более состоит из самопредставления и эмоциональных выплесков, являющихся инструментами демонстрации своего мнения по некоторому вопросу, причем совершенно безразлично по какому, неважно, является ли он вопросом о военно-политических решениях или правах гомосексуалистов. В таком случае необходимыми оказываются внутриличностные механизмы, дающие возможность удерживать человека от избыточной коммуникации. Актуализировать такие механизмы могут ценностные и волевые образования личности, способные оценить в каждом конкретном случае этическую необходимость войти в коммуникацию или воздержаться от нее. Это касается также и вопроса творческой реализации человека и его ответственности перед обществом за продукты своей деятельности, остающиеся после него в цифровом пространстве, а следовательно, и в общественном сознании. Главным коммуникационно-этическим критерием морального выбора при этом является возможность консолидации общественных групп – как внутренней, так и внешней (разумеется, за исключением тех редких случаев, когда это является невозможным в силу принципиальных ценностных расхождений).

Мы предположили, что в целом можно говорить о наличии цифровой культуры личности в современном российском обществе, о выраженности в той или иной степени всех трех рассмотренных выше компонентов.

Учитывая большую приверженность к взаимодействию с цифровой реальностью более молодых групп населения, мы предположили, что важным фактором цифровой культуры личности является возраст респондентов. При этом чем моложе респондент, тем более он готов признать правомерность цифрового пространства как «иного модуса бытия» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для того чтобы получить возможность проведения соответствующего эмпирического исследования, после рассмотрения компонентов цифровой культуры личности необходимо

решить вопрос о том, что может выступить в качестве показателя их наличия или отсутствия в структуре личности.

Таким показателем прежде всего мы считаем осознание человеком тех рисков онтологического, информационного и коммуникационно-этического характера, которые сопутствуют его нахождению в сетевом пространстве. Ответственное отношение человека к отмеченным выше возможным рискам, как представляется, определяет некоторые модели его поведения.

Индикатором осознания опасности неразличения настоящей и иллюзорной реальности цифрового мира может выступить, во-первых, отношение к ценностям этого мира как к инструментальным, а не терминальным. Во-вторых, таким индикатором можно считать осознание разницы в степени ответственности человека, пребывающего в реальном или, с другой стороны, сетевом пространстве. В-третьих, индикатором будет понимание имеющейся в сети опасности сужения картины мира и радикального противостояния взглядов. В плане эмпирического исследования проблема идентичности представляется одной из наиболее сложных из-за проблематичности самой природы понятий «идентичность» и «гибридная идентичность». Вероятно, индикатором в данном случае будет представление человека о том, какая из его онлайн- или офлайн-ролей предоставляет ему ощущение наибольшей полноты личностного самовыражения.

Если говорить об отслеживании информационного компонента цифровой культуры личности, то индикаторами могут выступать, во-первых, понимание сложности серьезного поиска аутентичной информации в Интернете, понимание проблематичности и неоднозначности помощи, которую могут оказывать в этом случае интеллектуальные алгоритмы; во-вторых, осознание опасности манипулирования интерпретациями одной и той же информации; в-третьих, осознание важности использования объективных этических и эстетических критериев для оценки феноменов цифрового мира.

При отслеживании коммуникативно-этического компонента индикаторами, с нашей точки зрения, будут служить, во-первых, способность человека отдавать себе отчет в мотивах, побуждающих вступать в сетевую коммуникацию; во-вторых, способность отказываться от такой коммуникации, в том числе и от желания в ней творчески самовыражаться; в-третьих, признание ценности объединяющего эффекта коммуникации в цифровом пространстве.

Учитывая сложность и многоаспектность поставленной нами проблемы, необходимо отметить, что описанное в данной статье эмпирическое исследование носило зондажный характер и рассматривалось нами как предварительное, лишь намечающее пути возможного более глубокого и полноценного исследования. Оно предполагало изучение мнений трех возрастных групп респондентов: 18–25 лет (55 чел.), 26–45 лет (37 чел.), старше 45 лет (34 чел.). Всего было опрошено 126 чел.

Результаты и обсуждение. Представим результаты проведенного исследования.

Первая группа вопросов была сформулирована в соответствии с нашей гипотезой о наличии онтологического компонента цифровой культуры личности, связанного с пониманием онтологической сущности цифрового мира и себя в нем. Ответы на вопросы этой группы распределились следующим образом (рис. 1–5).

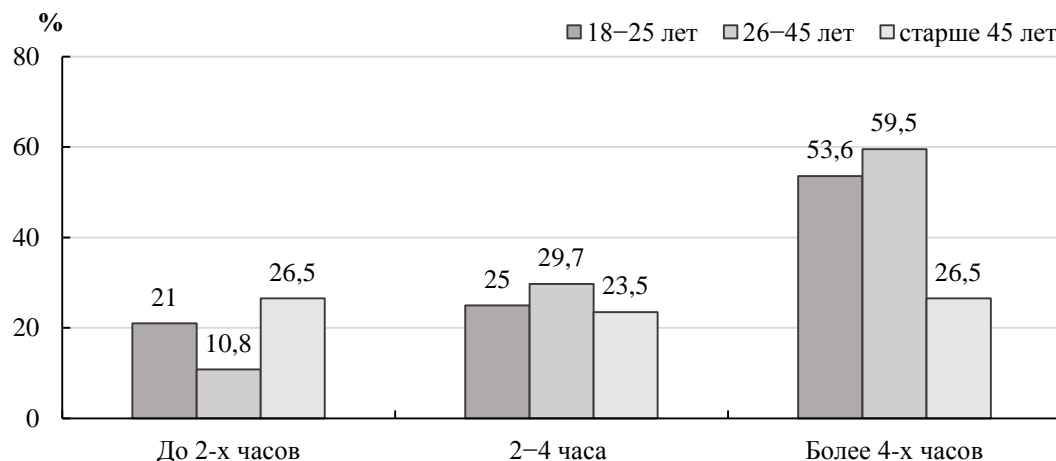

Рис. 1. Сколько часов в сутки приблизительно вы проводите в цифровом пространстве?
Fig. 1. Approximately how many hours a day do you spend in the digital space?

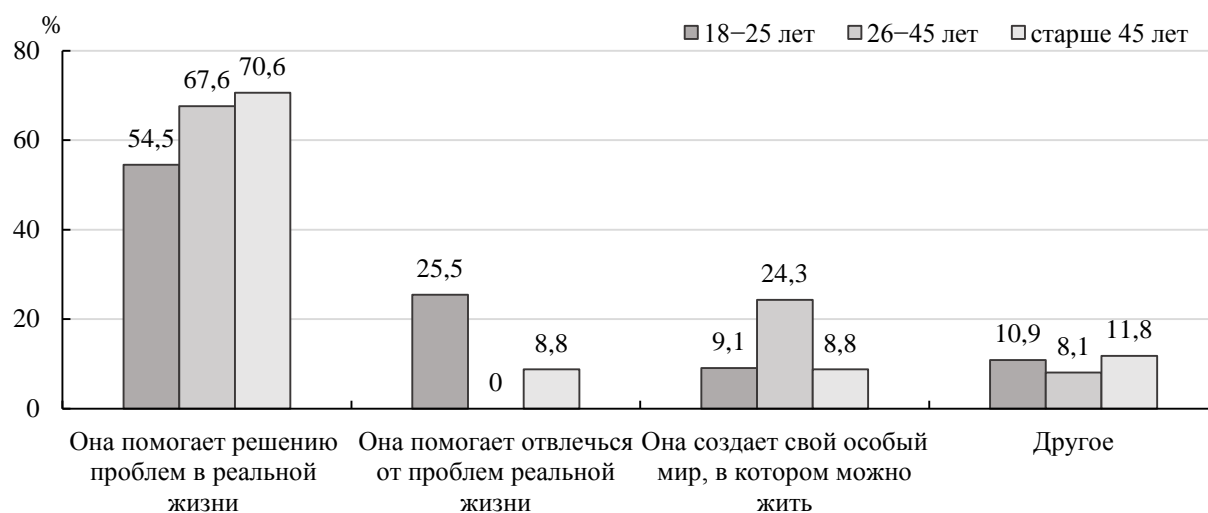

Рис. 2. Как вы думаете, в чем смысл цифровой (Интернет) коммуникации?
Fig. 2. What do you think is the meaning of digital (Internet) communication?

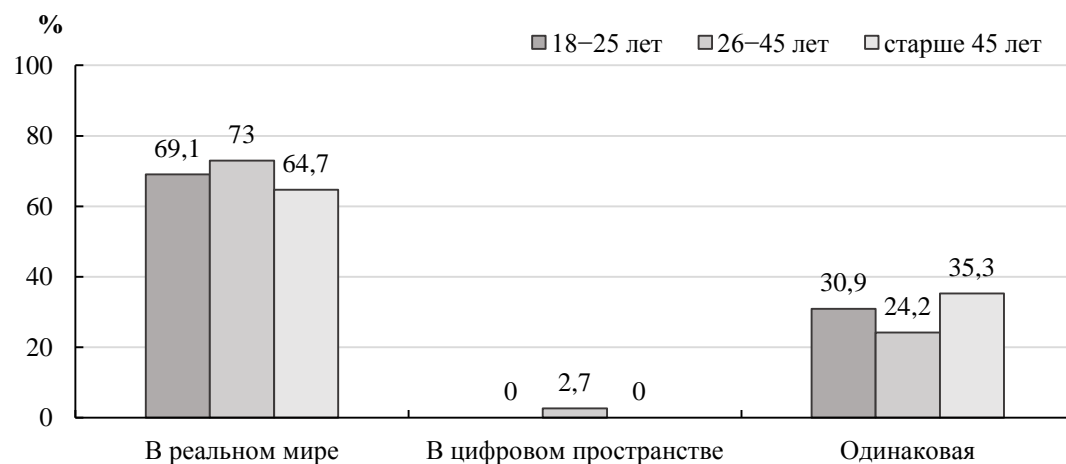

Рис. 3. Как вы считаете, где более высокий уровень ответственности человека:
в цифровом пространстве или в реальном мире?

Fig. 3. Where do you think there is a higher level of human responsibility: in the digital space or in the real world?

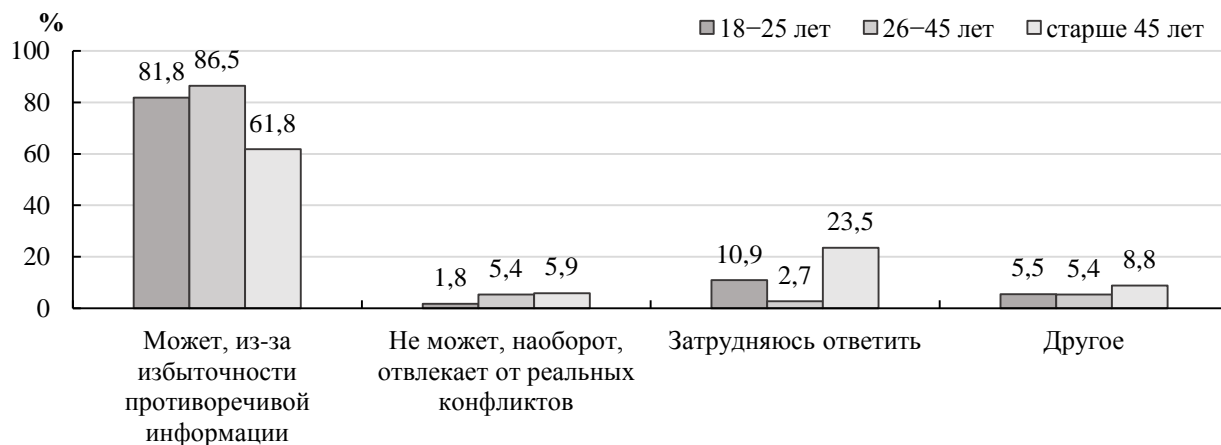

Рис. 4. Может ли, по вашему мнению, цифровая коммуникация быть причиной обострения конфликтов?
Fig. 4. Do you think digital communication may be causing conflicts to worsen?

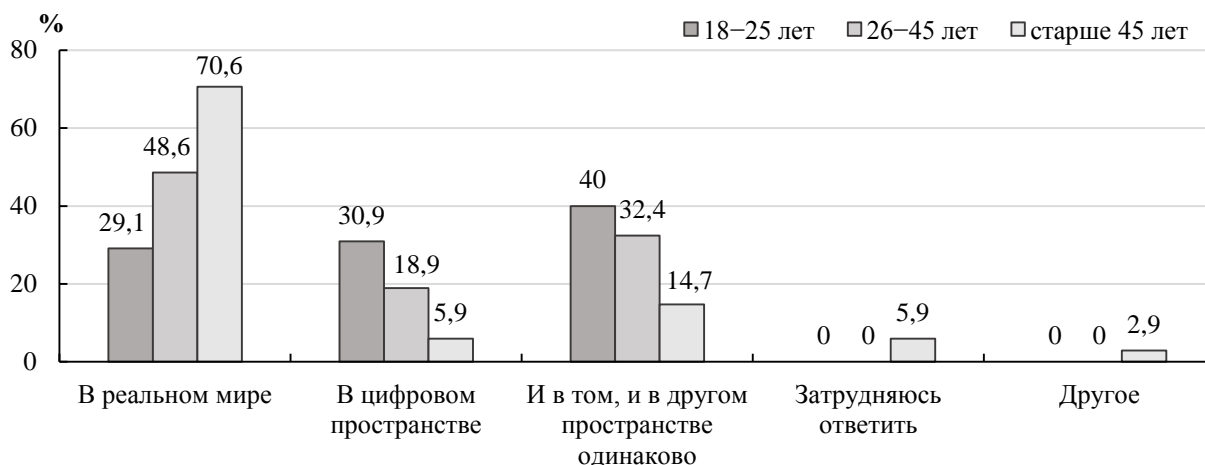

Рис. 5. Где вы чувствуете большую полноту самовыражения: в цифровом или в реальном мире?
Fig. 5. Where do you feel more self-expression: in the digital world or in the real world?

Наибольшее количество времени – более 4-х часов (рис. 1) проводят в цифровом пространстве представители средней возрастной группы респондентов (59,5 %). Не намного меньший процент и в самой молодой группе (53,6 %).

Определенное расхождение наблюдается между молодой группой и двумя другими при ответе на вопрос о том, в чем состоит смысл цифровой коммуникации: большее количество респондентов старшей группы видят этот смысл в помощи решению проблем реальной жизни (70,6 %, рис. 2). Обращает на себя внимание довольно большой процент респондентов младшей группы, которые считают, что цифровая коммуникация отвлекает от проблем реальной жизни (25,5 %), и также довольно большой процент (24,3 %) респондентов средней группы, считающих, что цифровая коммуникация создает свой особый мир, в котором можно жить. Особенно тревожно, с нашей точки зрения, признание правомерности нового особого «модуса бытия», в который можно погрузиться сначала убегая от нерешаемых проблем реальной жизни, а потом и как в самодостаточную жизнь. Характерно, что желание отвлечься от проблем реальной жизни, имеющее нулевой показатель в средней возрастной группе, в определенной степени характерно для респондентов старшей группы (8,8 %).

Относительно осознания уровня ответственности в реальном и виртуальном мире (рис. 3) результаты показали, что наибольшую ответственность в реальном мире признают представители средней возрастной группы (73 %), однако именно в ней оказались и те, кто считает, что более высокий уровень ответственности – в цифровом пространстве. Отметим, однако, что большинство представителей всех групп считают, что более высокий уровень ответственности у человека все-таки в реальном мире.

Также большинство респондентов всех трех возрастных групп признает, что цифровая коммуникация может быть причиной обострения конфликтов из-за избытка противоречивой информации (рис. 4). Однако наибольший процент тех, кто затруднился с ответом, отмечается в старшей группе (23,5 %), а наименьший – в средней группе (2,7 %), что, возможно, объясняется более интенсивной, чем у старшей группы, социально-цифровой коммуникацией, с одной стороны, и большей по сравнению с младшей группой способностью к рефлексии этой коммуникации, с другой.

Наибольшая разница в ответах разных возрастных групп респондентов обнаружилась в вопросе о том, где они чувствуют большую полноту самовыражения: в реальном или цифровом мире (рис. 5). Вполне ожидаемо большую полноту самовыражения в реальном мире по сравнению с цифровым пространством ощущают представители старшей группы (70,6 %), в цифровом пространстве – только 5,9 % из них. Представители младшей группы в большинстве своем ощущают полноту выражения в обоих пространствах (40 %) и в цифровом пространстве (30,9 %). Средняя же группа занимает в этом отношении промежуточное положение, что видится вполне логичным. Результаты ответов младшей группы на этот вопрос вполне коррелируют с результатами ее ответов на вопрос о смысле цифровой коммуникации, что подтверждает осознанность ответов респондентов и, как уже отмечалось, не может не вызывать тревогу таким смещением акцентов с реальной на виртуальную жизнь, провоцирующую распад человека на субличности и замену его подлинной идентичности на гибридную.

Вторая группа вопросов была сформулирована в соответствии с нашей гипотезой о наличии информационного компонента цифровой культуры личности, связанного с поиском, истолкованием, а также этической и эстетической оценкой информации, циркулирующей в цифровом пространстве. Ответы на вопросы этой группы распределились следующим образом (рис. 6–8).

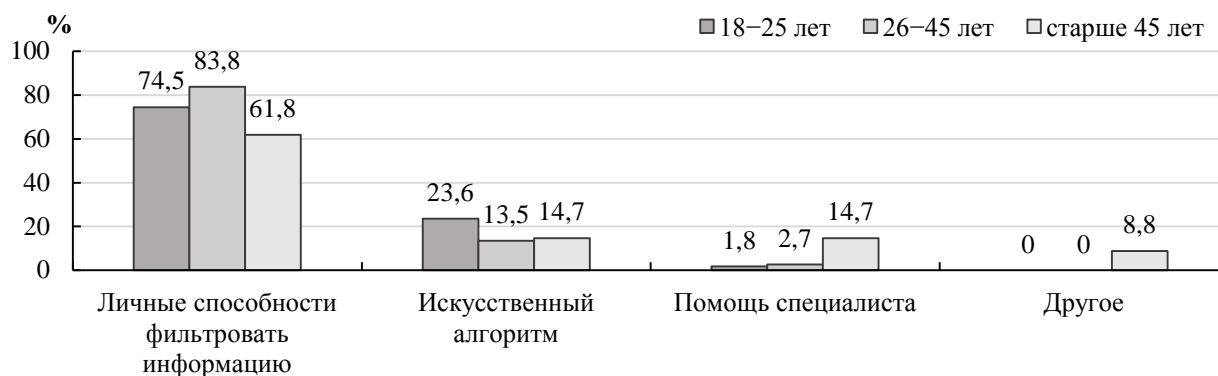

Рис. 6. Как вы считаете, что может обеспечить эффективность поиска нужной информации в Интернете?

Fig. 6. What do you think can ensure the effectiveness of searching for the necessary information on the Internet?

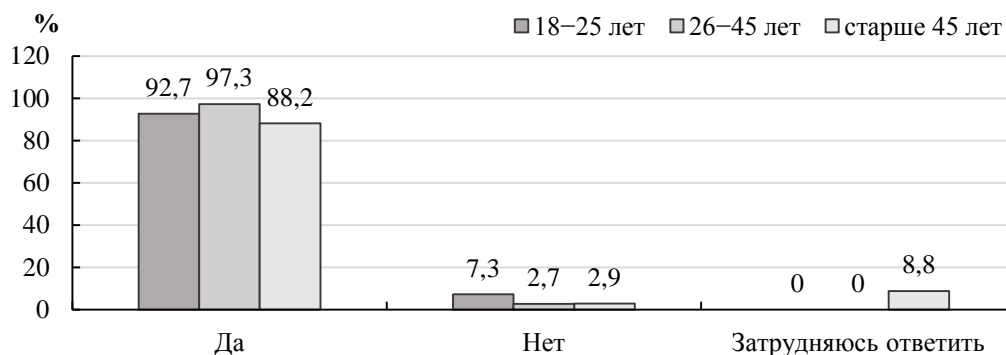

Рис. 7. Как вы считаете, осуществляется ли в цифровом пространстве попытка манипулирования информацией?

Fig. 7. Do you think there is an attempt to manipulate information in the digital space?

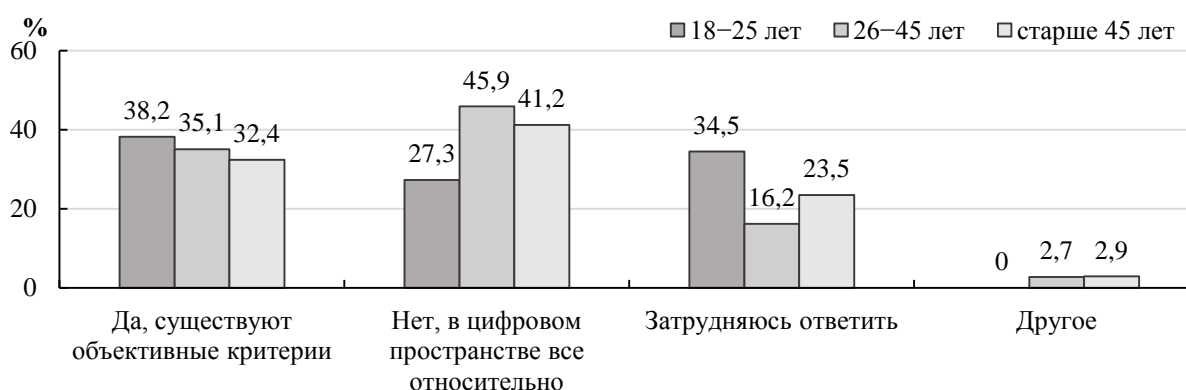

Рис. 8. Как вы считаете, существуют ли объективные этические и эстетические критерии оценки информации в цифровом пространстве?

Fig. 8. Do you think there are objective ethical and aesthetic criteria for evaluating information in the digital space?

Большинство респондентов всех групп справедливо считает, что обеспечить поиск нужной информации в интернет-пространстве смогут в первую очередь личные способности человека фильтровать информацию (рис. 6). Однако это большинство в разных возрастных группах распределилось по-разному, причем наименьшим этот процент (61,8 %) был в старшей группе, а наибольший (83,8 %) – в средней, что, вероятно, связано с большей уверенностью в своих возможностях взаимодействия с цифровым миром именно у людей среднего возраста. Расчет на помощь искусственного алгоритма в поиске информации самый высокий в младшей группе (23,6 %), а самый высокий расчет на помощь специалиста – в старшей группе (14,7 %), что вполне ожидаемо в связи с возрастающей от поколения к поколению тенденцией все больше полагаться на цифровые технологии и все меньше ориентироваться на профессиональный опыт старшего поколения.

Опасность манипулирования информацией в цифровом пространстве осознается абсолютным большинством респондентов из всех опрошенных групп, только четыре человека из младшей группы и по одному из двух других отрицают такую опасность, и несколько человек старшей группы затруднились с ответом, что вполне объяснимо возможной невключенностью человека старшего возраста в такого рода проблематику (рис. 7).

Результаты ответов на вопрос о существовании в цифровом пространстве объективных этических и эстетических критериев оценки информации были следующими (рис. 8). Так,

признает объективность критериев приблизительно треть респондентов из всех опрошенных групп (с небольшим перевесом младшей группы – 38,2 %). Относительность же этических и эстетических критериев оценки информации цифрового мира менее всего готова принять младшая группа и более всего – средняя. Примечательно, что в средней группе меньше всего оказалось тех, кто затруднился с ответом на этот вопрос. Такой сравнительно высокий процент респондентов всех групп, не признающих необходимость объективной оценки феноменов цифрового мира, представляется тревожным симптомом современности, хотя и ожидаемым в эпоху релятивизма и безоценочности.

Третья группа вопросов была сформулирована в соответствии с нашей гипотезой о наличии коммуникативно-этического компонента цифровой культуры личности, связанного с мотивами вступления в цифровую коммуникацию, творческого в ней самовыражения или, наоборот, отказа от него, а также с признанием или непризнанием ценности объединяющего эффекта коммуникации в цифровом пространстве. Ответы на вопросы этой группы распределились следующим образом (рис. 9–12).

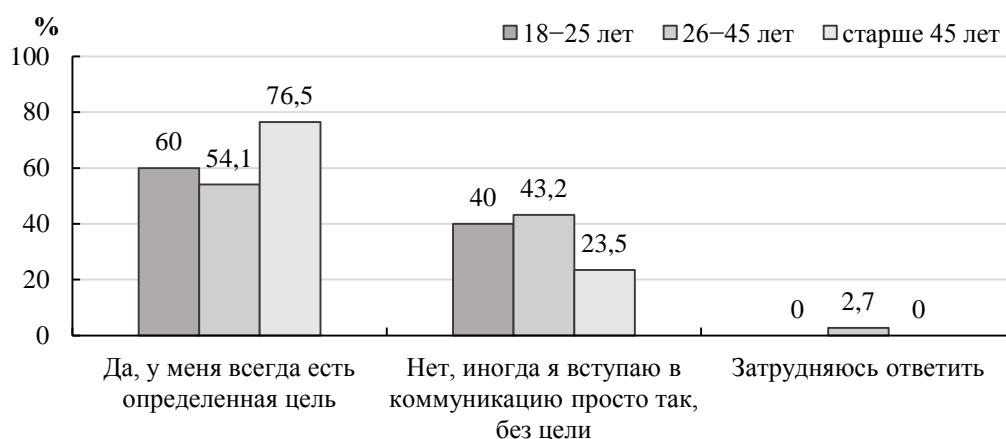

Рис. 9. Всегда ли вы точно знаете, для чего вступаєте в коммуникацию в цифровом пространстве?
Fig. 9. Do you always know exactly why you are communicating in the digital space?

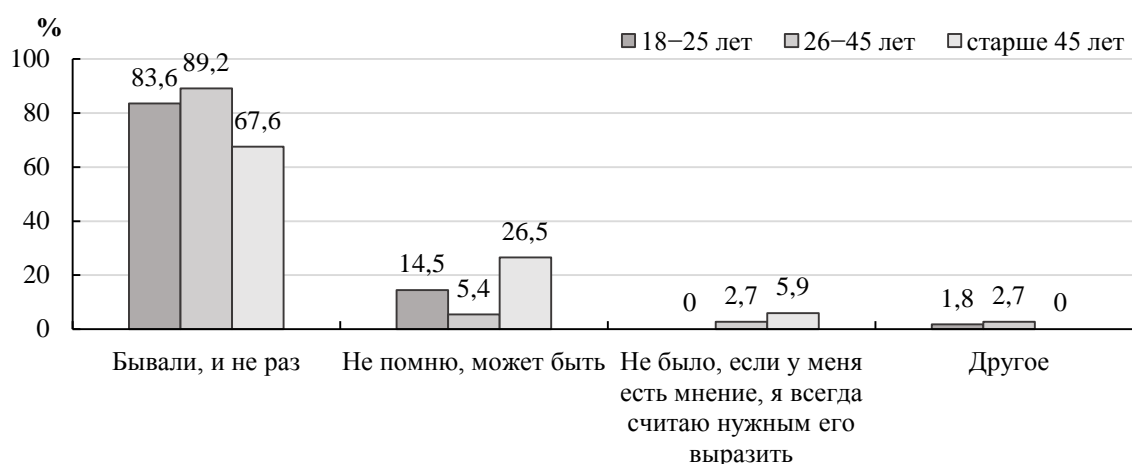

Рис. 10. Бывали ли у вас случаи, когда вы осознанно по каким-либо причинам отказывались от выражения своей позиции в Интернете?
Fig. 10. Have you ever had a time when you consciously refused to express your position on the Internet for some reason?

Рис. 11. Бывают ли у вас случаи, когда вы сознательно отказываетесь от размещения в Интернете какого-либо своего творческого продукта?

Fig. 11. Do you ever have cases when you consciously refuse to post any of your creative products on the Internet?

Рис. 12. Как вы считаете, является ли объединяющий эффект важным для цифровой коммуникации?

Fig. 12. Do you think the unifying effect is important for digital communication?

В соответствии с нашими ожиданиями, наибольший процент респондентов, хорошо понимающих, зачем они в данный момент вступают в коммуникацию (рис. 9), оказался в старшей группе (76,5 %), а наибольший процент тех, кто вступает в коммуникацию без какой-либо определенной цели, был в младшей и средней возрастных группах (40 и 43,2 % соответственно). Такая немотивированная цифровая коммуникация, являясь показателем несформированности коммуникативно-этического компонента цифровой культуры личности, косвенно свидетельствует к тому же и о слабости онтологического компонента: цифровой мир затягивает человека в непрерывную нецелесообразную и потому безответственную коммуникацию. В этом смысле старшая группа респондентов находится в более выгодной ситуации, поскольку у нее в силу возраста привычка к «цифровому существованию» сформирована в меньшей степени.

Случаи осознанного отказа от выражения своей позиции в Интернете признает за собой большинство всех возрастных групп респондентов (рис. 10), несколько меньший по сравнению с двумя младшими группами (83,6 и 89,2 %) процент респондентов старшей группы

(67,6 %), возможно, объясняется низкой, опять-таки в силу возраста, включенностью в социальные сети. Стремление же непременно выразить свое мнение присуще лишь одному респонденту из средней возрастной группы и двум из старшей.

Сомнение в ценности своего творческого продукта в большей степени присуще представителям младшей группы (73,7 %) и в наименьшей степени – представителям старшей группы (38,2 %), однако в этой группе было также и большое число тех, кто затруднился с ответом на данный вопрос (29,4 %), и лишь один человек из этой группы всегда стремится дать продуктам своего творчества широкую известность (рис. 11). Другие, не предусмотренные ответы на этот вопрос, в таком же количестве данные представителями старшей группы, в основном варьировали варианты отказа от размещения своего творческого продукта. Все это в общем говорит об определенной ответственности за свое творческое самовыражение в сети, присущее всем трем возрастным группам.

Относительно вопроса об объединяющем эффекте цифровой коммуникации сложилась следующая картина (рис. 12): более 80 % респондентов младшей группы разделились в равных долях (по 41,8 %) на тех, кто признает объединяющий эффект, и тех, кто затрудняется с ответом. В средней и старшей группах более трети респондентов затруднились с ответом, а остальные разделились во мнении на две противоположные точки зрения (хотя в средней группе было больше тех, кто все-таки признает в цифровой коммуникации важность объединяющего эффекта).

Заключение. Подводя общий итог, можно отметить следующее:

– наиболее очевидные расхождения в результатах анкетного опроса разных возрастных групп оказались в тех ответах, которые были призваны определить наличие онтологического компонента цифровой культуры личности. Правомерность цифрового мира как иного «модуса бытия» и пространства для самовыражения признают в первую очередь представители младшей возрастной группы, что является тревожным симптомом. Однако больший уровень ответственности в реальной жизни по сравнению с цифровой, который признают представители всех возрастных групп, все-таки позволяет говорить об определенной выраженности онтологического компонента;

– опасность возникновения гибридной идентичности, спровоцированной погружением в цифровое пространство, в большей степени присуща младшей группе и в меньшей степени – старшей, средняя группа занимает промежуточное положение;

– при ответе респондентов на вопросы второго блока, призванные определить наличие информационного компонента, расхождения между разными возрастными группами оказались не слишком большими и в целом продемонстрировали осознание необходимости личного интеллектуального усилия при поиске и фильтрации информации в цифровом пространстве, что свидетельствует об определенной выраженности информационного компонента цифровой культуры личности. Также об этом говорит понимание опасности манипулирования информацией, присущее абсолютному большинству респондентов всех возрастных групп;

– однако относительно необходимости использования в цифровом пространстве объективных этических и эстетических критериев отмечен довольно высокий процент респондентов всех возрастных групп, которые не признают необходимость объективной оценки

феноменов цифрового мира, что связано, скорее всего, с общей тенденцией к релятивизму безоценочности, что снижает уровень выраженности информационного компонента цифровой культуры личности;

– коммуникативно-этический компонент цифровой культуры личности в большей степени характерен для старшей возрастной группы респондентов и в меньшей степени – для младшей группы, представители которой чаще вступают в немотивированную цифровую коммуникацию;

– всем трем группам респондентов присуща определенная степень ответственности (хотя и не всегда отрефлексированной, о чем свидетельствует большое количество тех, кто затруднился с ответом) за свое самовыражение в цифровом пространстве, в том числе творческое. Все это позволяет говорить об определенной выраженности коммуникативно-этического компонента цифровой культуры личности;

– относительно наличия объединяющего эффекта цифровой коммуникации можно сказать, что составить единое представление по ответам опрошенных респондентов не удалось, для этого потребуются дополнительные исследования.

Как показало исследование, в соответствии с нашей гипотезой цифровая культура личности, представленная во всех трех своих компонентах, является выраженной лишь в определенной степени (большей или меньшей в зависимости от возраста респондентов). Это свидетельствует об актуальности ее развития, растущей по мере развития цифровых технологий и вовлечения в них подрастающего поколения.

Мы считаем, что дальнейшее исследование, опирающееся на полученные нами самые общие результаты, может быть посвящено более глубокому погружению в отдельные аспекты выделенных нами компонентов цифровой культуры личности, изучению цифровой культуры отдельных возрастных групп, определению связи между цифровой культурой личности и ее профессиональным поведением и ряду других вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гримов О. А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50. DOI: 10.12737/article_5dbaa8bf81fe27.51109106.

2. Пржиленский В. И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 2. С. 68–80. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-2-68-80.

3. Труфанова Е. О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3. С. 370–375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375.

4. Петев Н. И. Цифровое пространство как стимул формирования индивидуализации и самоопределения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1 (40). С. 79–96. DOI: 10.18799/26584956/2021/1(40)/1071.

5. Баева Л. В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания // Философские науки. 2018. № 6. С. 83–99. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-83-99.

6. Прякина А. В. Медиапроекты как культуросберегающая коммуникационная технология // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 3. С. 247–255. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-3-247-255.

7. Горлова И. И., Зорин А. Л. Цифровая культура в информационном обществе // Культурное наследие России. 2020. № 2. С. 3–9. DOI: 10.34685/НЛ.2020.29.2.001.

8. Мешкова Л. Н. Цифровая культура и цифровое поколение: основные направления взаимодействия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9, № 3А. С. 178–188. DOI: 10.34670/AR.2020.96.97.021
9. Солдатова Г. В. Личность и информация в цифровом мире // Психологическая газета. 05.01.2022. URL: <https://psy.su/feed/9604/> (дата обращения: 10.07.2023).
10. Квитко А. Ю. Информационная культура личности // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 162–168.
11. Беляев Р. В., Григорьева Е. И. Информационная культура личности: ведущие методологические подходы // Вестн. МГУКИ. 2016. № 2 (70). С. 92–96.
12. Царева М. И. Формирование информационной компетентности при подготовке будущих педагогов // Высшее образование сегодня. 2017. № 9. С. 30–33.
13. Лазарева Э. А., Горина Е. В. Когнитивное взаимодействие и когнитивное столкновение в Интернете // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 110, № 1. С. 48–55.
14. Горина Е. В. Манипулятивный потенциал конституирующих признаков Интернета // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 126, № 2. С. 29–39.
15. Соловьева Л. Н. Современный человек как субъект новой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 34–37. DOI: 10.24158/fik.2017.12.7.

Информация об авторах.

Кудрявцева Мария Евгеньевна – доктор педагогических наук (2009), доцент (2008), профессор кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 170 научных публикаций. Сфера научных интересов: психология и педагогика творческого развития взрослого человека, воспитание эстетического вкуса, свобода личности в медиапространстве, экзистенциальные вопросы.

Пряхина Анна Валентиновна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: коммуникации, коммуникации в арт-сфере, социальные, культурные и цифровые аспекты развития современного социального коммуникационного пространства.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.07.2023; принята после рецензирования 18.09.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Grimov, O.A. (2019), "Digital reality: social ontology and methodology of empirical study", *Complexity. Mind. Postnonclassic*, no. 3, pp. 42–50. DOI: 10.12737/article_5dbaa8bf81fe27.51109106.
2. Przhilenskiy, V.I. (2021), "The concept of digital reality: meaning and significance", *Philosophy of science and technology*, vol. 26, no. 2, pp. 68–80. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-2-68-80.
3. Trufanova, E.O. (2021), "Human in the digital world: "distributed" and integral", *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 3, pp. 370–375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375.
4. Petev, N.I. (2021), "Digital space as an incentive for the formation of individualization and self-determination", *J. of Wellbeing Technologies*, no. 1 (40), pp. 79–96. DOI: 10.18799/26584956/2021/1(40)/1071.

5. Baeva, L.V. (2018), "The Development of E-Culture and Differentiation of the Modern Social Sciences and Humanities", *Philosophical Sciences*, no. 6, pp. 83–99. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-83-99.
6. Pryakhina, A.V. (2022), "Media projects as a culture-saving communication technology", *Observatory of culture*, vol. 19, no. 3, pp. 247–255. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-3-247-255.
7. Gorlova, I.I. and Zorin, A.L. (2020), "Digital culture in the information society", *Cultural Heritage of Russia*, no. 2, pp. 3–9. DOI: 10.34685/HI.2020.29.2.001.
8. Meshkova, L.N. (2020), "Digital culture and digital generation: main directions of interaction", *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, vol. 9, no. 3A, pp. 178–188. DOI: 10.34670/AR.2020.96.97.021.
9. Soldatova, G.V. (2022), "Personality and information in the digital world", *Psikhologicheskaya gazeta*, 05.01.2022, available at: <https://psy.su/feed/9604/> (accessed 10.07.2023).
10. Kvitko, A.Yu. (2010), "Personal Information Culture", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law*, no. 2 (73), iss. 11, pp. 162–168.
11. Belyaev, R.V. and Grigorieva, E.I. (2016), "Personal information culture: leading methodological approaches", *Bulletin of the Moscow state Univ. of culture and arts*, no. 2 (70), pp. 92–96.
12. Tsareva, M.I. (2017), "Formation of information competence in the preparation of future teachers", *Higher education today*, no. 9, pp. 30–33.
13. Gorina, E.V. and Lazareva, E.A., (2013), "Cognitive interaction and cognitive clash on the internet", *Izvestia Ural Federal Univ. J. Ser. 1: Issues in Education, Science and Culture*, vol. 110, no. 1, pp. 48–55.
14. Gorina, E.V. (2014), "Manipulative potential of constituent characteristics of the internet", *Izvestia Ural Federal Univ. J. Ser. 1: Issues in Education, Science and Culture*, vol. 126, no. 2, pp. 29–39.
15. Solovieva, L.N. (2017), "Modern man as a subject of the new communicative reality", *Society: philosophy, history, culture*, no. 12, pp. 34–37. DOI: 10.24158/fik.2017.12.7.

Information about the authors.

Maria E. Kudryavtseva – Dr. Sci. (Pedagogy, 2009), Docent (2008), Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 170 scientific publications. Area of expertise: psychology and pedagogy of creative development of an adult, education of aesthetic taste, personal freedom in the media space, existential issues.

Anna V. Pryakhina – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Associate Professor at the Department of Communication Technology and Public Relations, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: communications, communications in the art sphere, social, cultural and digital aspects of the development of modern social communication space.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.07.2023; adopted after review 18.09.2023; published online 20.11.2023.

Оригинальная статья
УДК 81'38; 81'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128>

Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе

Марина Николаевна Николаева^{1✉}, Ольга Владимировна Трунова²

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Российский университет транспорта, Москва, Россия

^{1✉}nikolaevam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

²lachesis47@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9999-7960>

Введение. Исследование посвящено феномену интертекстуальности, исследуемому на материале статей американских общественно-политических журналов. Цель исследования состоит в выявлении типов и приемов интертекстуальных включений, способствующих формированию глубины целостного смыслового наполнения текстов публицистического дискурса. Актуальность и научная новизна работы обусловлены необходимостью изучения функций интертекстуальных включений в нехудожественном дискурсе. Ведущими функциями языковых и неязыковых экспликаций в этом случае считаются коммуникативная, аксиологическая и прагматическая.

Методология и источники. Методом сплошной выборки были отобраны фрагменты публицистических текстов, эксплицирующие интертекстуальность. Выявлению источников интертекстуальных включений способствовало обращение к толковым и лингвокультурным словарям, интернет-ресурсам. Анализ интертекстуальных включений и установление их функций осуществлялись с учетом жанрово-стилистической принадлежности текстов, непосредственного языкового и социокультурного контекстов.

Результаты и обсуждение. Интертекстуальные включения в публицистическом дискурсе подразумевают существование ассоциативных связей между текстом-источником и текстом-реципиентом. Определение этих связей способствует расширению смысла сообщаемой информации и более полному ее восприятию. Источниками интертекстуальных включений в американском публицистическом дискурсе являются как мировые общекультурные ресурсы – древнегреческие мифы, Библия, классическая английская литература, так и национальные – тексты речей президентов США.

Заключение. Главное предназначение инкорпорирования элементов текста-источника в публицистический текст-реципиент заключается в осуществлении информативной, манипулятивной, аксиологической, прогностической и других функций. Степень воздействия сообщаемой информации зависит от когнитивной базы адресата, его общекультурной компетентности и способности устанавливать ассоциативные связи между сообщаемым и подразумеваемым. В силу своей эмоциональной тональности интертекстуальные включения являются аттрактором, организующим смысловую структуру текста. Они позволяют рассматривать публицистический текст как единую смысловую и коммуникативно-прагматическую целостность.

© Николаева М. Н., Трунова О. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: интертекстуальные включения, публицистический дискурс, функции, цитата, текстовая аппликация, аллюзия, прагматическое воздействие

Для цитирования: Николаева М. Н., Трунова О. В. Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 117–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128.

Original paper

Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Publicist Discourse

Marina N. Nikolaeva^{1✉}, *Olga V. Trunova*²

¹*Moscow City University, Moscow, Russia*

²*Russian University of Transport, Moscow, Russia*

^{1✉}*nikolaevam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>*

²*lachesis47@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9999-7960>*

Introduction. This research paper focuses on the phenomenon of intertextuality which is studied on the basis of the articles of American socio-political magazines. The aim of the study is to identify the types and techniques of intertextual inclusions, which contribute to the formation of the depth of the integral semantic content of the texts of publicist discourse. The relevance and scientific novelty of the work stem from the need to study the functions of intertextual inclusions in non-fiction discourse. In this case communicative, axiological and pragmatic functions are considered to be the leading ones in linguistic and non-linguistic expressions.

Methodology and sources. Fragments of journalistic texts expressing intertextuality were selected by means of sampling. The sources of intertextual inclusions were revealed with the help of explanatory and linguacultural dictionaries and internet-resources. The analysis of intertextual inclusions and definition of their functions were carried out taking into account the genre and stylistic typology of the texts, the direct linguistic and socio-cultural context.

Results and discussion. Intertextual inclusions in publicist discourse imply the existence of associative links between the source text and the recipient text. The identification of these links helps to extend the meaning of the information shared and to make it more comprehensible. The sources of intertextual inclusions in the American publicist discourse are both those of the world culture – Ancient Greek myths, the Bible, classical English literature and national – texts of the US presidents' speeches.

Conclusion. The main purpose of incorporating source text elements into a recipient journalistic text is to fulfil informative, manipulative, axiological, predictive, and other functions. The degree of influence of the conveyed information depends on the cognitive base of the addressees, their general cultural competence and their ability to establish associative links between the reported and the implied. Due to their emotional tone, intertextual inclusions are an attractor that organize the text's semantic structure. They let us consider a journalistic text as a unified semantic and communicative-pragmatic integrity.

Keywords: intertextual inclusions, publicist discourse, functions, citation, textual application, allusion, pragmatic effect

For citation: Nikolaeva, M.N. and Trunova, O.V. (2023), "Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Publicist Discourse", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 117–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128 (Russia).

Введение. Обладая коммуникативно-прагматической направленностью, тексты публицистического дискурса выступают основными партнерами в диалоге с аудиторией по самым разным жизненным вопросам, они информируют, просвещают, но одновременно оказывают воздействие на адресата диалога. Это воздействие осуществляется с помощью различных выразительных средств и стилистических приемов, таких как повторы, парцелляция, интертекстуальные включения. Адресант для раскрытия содержания текста статьи, выражения собственного мнения, создания эффекта единственно правильной интерпретации рассматриваемой темы апеллирует через разные приемы интертекста к информации, представленной в других источниках. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения потенциала воздействия интертекстуальных включений, реализуемого в публицистическом дискурсе.

Цель исследования состоит в выявлении интертекстуальных включений в публицистическом тексте, установлении их ассоциативных связей с текстом-источником, способствующих формированию глубины целостного смыслового наполнения текстов в публицистическом дискурсе. Научная новизна исследования заключается в определении функций и роли интертекстуальных включений в осуществлении прагматического воздействия на адресата в современном американском публицистическом дискурсе.

Для достижения цели исследования были поставлены задачи:

- уточнение парадигмального статуса феномена интертекстуальности;
- выявление источников интертекстуальности в публицистическом тексте;
- установление форм экспликации интертекстуальности в журнальных статьях общественно-политической направленности;
- определение функций и роли интертекстуальных включений в контексте принимающего текста.

Методология и источники. Цель и задачи потребовали обращения к таким методам исследования, как метод сплошной выборки, контекстологический метод, лингвистический анализ.

Дискуссии о понятии интертекстуальности, природе, типах и функциональной значимости интертекстуальных связей продолжаются с момента введения этого понятия в аппарат лингвистических исследований Ю. Кристевой. Это объясняется сложностью явления, его широким аппликативным потенциалом и необходимостью решения новых вопросов, возникающих по мере развития теории. В разных областях научного исследования это относительно новое для методологии анализа явление получает разные интерпретации. В литературоведении интертекстуальность понимается как «литературная категория» [1, с. 67], литературный прием и основная стратегия текстопорождения в постмодернизме [2]. В дискурсологии интертекстуальность характеризуется как «один из факторов организации структуры дискурса» [3, с. 5]. В лингвокультурологии при сравнении интертекстуальности и прецедентности авторы отмечают их смысловую близость, так как «в случае рассмотрения их в культурном пространстве <...> по сути отражают включенность одного текста в другой» [4, с. 92].

В отечественных исследованиях по лингвистике текста интертекстуальность рассматривается как категория, имеющая типизированный и универсальный характер, и как «один

из способов выстраивания смысла в тексте» [5]. В зарубежной лингвистике интертекстуальность понимается как «an identifiable stylistic device consciously employed by the author <...> to invite a particular audience response» [6, p. 430] и как текстовая стратегия, при следовании которой «texts will borrow from other texts freely» [7, p. 151].

Опираясь на фундаментальные исследования профессора И. В. Арнольд, определим интертекстуальность как текстовую категорию, предполагающую наличие смысловой корреляции между двумя или более текстами, реализуемую «посредством включения в текст целых других текстов с иным субъектом речи или их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [8, с. 346], содержащую «тот аспект общей целостности и содержания текста, который указывает на зависимость его создания от знания других текстов» [1, с. 67] с целью передачи определенного содержания и оказания воздействия на адресата.

Об интертекстуальности можно также говорить применительно к внелитературному дискурсу (лингвистика, публицистика, кино, архитектура и др.). Вслед за Т. Н. Ефименко мы рассматриваем дискурс «как некое пространство, в котором конструируется знание о мире, знание о действительности, обусловленное коммуникативной ситуацией, участниками общения и коммуникативной целью» [9, с. 322]. В данном исследовании интертекстуальность анализируется во внелитературной сфере, на частном примере современного американского публицистического дискурса. Цель предпринимаемого анализа состоит в выявлении типов и приемов интертекстуальных включений, способствующих формированию глубины целостного смыслового наполнения текстов этого жанра. Ведущими функциями языковых и неязыковых экспликаций в этом случае считаются коммуникативная, аксиологическая и прагматическая. Их непосредственная реализация предполагает создание определенного информационного поля, сила интеллектуального и эмоционального воздействия которого на адресата должна быть достаточной, чтобы обеспечить направление требуемого интерпретационного резонанса в заданном векторе.

В следовании важным принципам смысловой организации текстов СМИ адресант стремится ориентироваться на когнитивную базу массового читателя и на прецедентные тексты [10, с. 23], при этом допускается, что «любой текстовый смысл оказывается незамкнутым и открытым для потенциального взаимодействия адресанта и воспринимающего субъекта» [5, с. 40].

Считается, что функционально близким понятию интертекстуальности является неоднозначно трактуемое понятие «чужой речи». «В широком смысле чужая речь отождествляется с цитированием вообще и включает прямую, косвенную и несобственно-прямую речь» [11, с. 63], текстовую аппликацию и аллюзию. В узком смысле к чужой речи относят конкретную цитату. Считаем необходимым отметить, что названные интертекстуальные включения имеют некоторые различия. В частности, текстовая аппликация в отличие от цитаты представляет собой ассоциативную отсылку к тексту-источнику без упоминания ссылочной части на этот текст, в то же самое время аллюзия воспринимается как ассоциативная отсылка к известному для адресата факту реальной или виртуальной действительности [12].

Результаты и обсуждение. Анализ языкового материала текстов американской газетно-журнальной публицистики показывает, что текст-реципиент может содержать прак-

тически любые виды интертекстуальных включений: цитату, текстовую аппликацию, цитатное заглавие, аллюзию и реминисценцию и др. Их функциональная нагрузка полностью соответствует характеру и предназначению, прежде всего это функции информационная, оценочная и функция манипуляционного воздействия.

Иллюстрируя сказанное, рассмотрим пример: «*September 11, 2001 is another 'date that will live in infamy' – the U.S. suffered war casualties on its own soil not experienced for a long time*» [13]. В данном случае интертекстуальное включение представлено текстовой аппликацией *date that will live in infamy* («день, омраченный позором»). Данная текстовая аппликация является отсылкой к речи президента США Ф. Д. Рузвельта, которую он произнес после бомбардировки японскими летчиками тихоокеанской военно-морской базы США Перл-Харбор в декабре 1941 г. В результате бомбардировки погибло несколько тысяч моряков, солдат и гражданских лиц.

В плане организации темпорального контекста данная текстовая аппликация выполняет ретроспективную функцию, отсылая читателя к событию более чем полувековой давности – бомбардировке Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., тем самым выстраивая ассоциативный ряд, связывая события, имевшие место в прошлом, с событиями описываемого момента: атака на здания башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., и создавая основание для оценочного суждения. Безусловно, здесь имплицитно отрицательная аксиологическая оценка, поскольку гибель людей не может восприниматься адекватным социумом в ином оценочном ракурсе. Таким образом, в данном случае текстовая аппликация выполняет аксиологическую функцию.

Следует также отметить, что оценочный вектор в данном контексте характеризуется двунаправленностью, поскольку, с одной стороны, проводится параллель и дается негативная оценка действиям, осуществленным японскими милитаристами в 1941 г., и деяниям террористов-исламистов в 2001 г., а с другой, оцениваются действия американских силовых структур, не обеспечивших достаточный уровень защиты на одной из самых крупных военных баз Перл-Харбор в 1941 г. и в Нью-Йорке в 2001 г. В обоих случаях имидж силы и мощи государства пошатнулся. Проведение исторической аналогии опосредовано использованием текстовой аппликации. Помимо сказанного, этот прием способствует оказанию эмоционального воздействия на адресата-читателя и, соответственно, формированию отрицательной оценки и терроризма, и военной агрессии.

Рекуррентным приемом интертекстуального включения в публицистическом тексте является цитата, как точная (полная), так и неточная (неполная). Приведем следующий пример: «*Like I think Kennedy once said, 'Forgive what they said, but don't forget their names', Materazzi said in a variation of the John F. Kennedy quote, 'Forgive your enemies, but never forget their names'*» [14]. В данном случае одновременно используются обе разновидности цитат, приписываемых президенту США Дж. Ф. Кеннеди. Для понимания содержания неточной цитаты, произносимой М. Матерацци *'Forgive what they said, but don't forget their names'* («Прости их и забудь то, что они сказали, но никогда не забывай их имена»), требуется знание контекста референтной ситуации, связанной с финальным матчем чемпионата мира по футболу в 2006 г. В конце матча произошел инцидент между капитаном французской футбольной команды З. Зиданом и итальянским футболистом М. Матерацци. В ответ на

оскорбления со стороны итальянца Зидан нанес ему удар головой в грудь. За этот поступок судья удалил Зидана с игрового поля, в результате французская команда осталась в меньшинстве, без поддержки капитана. Итальянцы выиграли матч по пенальти и стали чемпионами.

Смысл описываемой неточной цитаты амбивалентен: с одной стороны, она обращена к Зидану с импликацией необходимости извиниться перед Матерацци, а с другой, это сожаление итальянца об оскорблении, нанесенном им французскому капитану в финальном матче чемпионата. Мотивирующим фактором для извинения со стороны Матерацци могло быть его желание «находиться в мире с самим собой» и избавиться от репутации «плохого парня». Такой импликации смысла цитаты способствуют заголовок анализируемой статьи «Italy's Materazzi still seeking respect» и год ее публикации – 2008. Они показывают, что после инцидента прошло два года, но никто из участников конфликта не принес извинений.

Интертекстуальное включение в виде неточной цитаты в анализируемом фрагменте текста побуждает адресата решить дилемму «кто был прав в той ситуации?» и дать самостоятельную оценку инциденту, учитывая возможность его двойственной интерпретации: как провокацию Матерацци в отношении Зидана, позволившую Италии стать чемпионом, или как благородный поступок ответившего на оскорбление Зидана, приведший, однако, команду Франции к поражению. Точная цитата Кеннеди «*Forgive your enemies, but never forget their names*» («Прости своих врагов, но никогда не забывай их имена») является прецедентным текстом. Ее употребление в данном тексте способствует приращению смысла неполной цитаты, высказанной Матерацци, позволяет аккумулировать информацию, сформировать ее оценку и оказать воздействие на адресата.

Интертекстуальными включениями в статьях американских общественно-политических журналов могут выступать литературные цитаты, заимствованные из произведений англоязычных писателей, чаще всего классиков английской литературы. Однако функции их применения отличаются от тех, которые они демонстрируют в литературно-художественном дискурсе; в публицистическом дискурсе они полностью согласуются с общими целями публицистики: сообщение информации и оказание прагматического воздействия.

В статье «Global warming» (2008) в контексте «*If we hold Shakespeare to his words that, 'Brevity is the soul of wit,' then Kerry Emanuel's "What We Know About Climate Change" has got to be the wittiest work on global warming to date*» [15] используется цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет» «*Brevity is the soul of wit*». В журнальной статье данная цитата способствует созданию иронического эффекта и опосредованно передает оценочный смысл, определяя характер оценки ее левосторонним позиционированием в рамках оценочной шкалы, формируемой абсолютными оценочными предикатами «хорошо – плохо». Подобным образом создается предпосылка формирования недостаточно высокой оценки книги о глобальном потеплении, написанной К. Эмануэль. В качестве аргументации собственной точки зрения автор публикации приводит (возможно, не самый сильный аргумент) малый листаж книги. Литературная цитата в тексте данной статьи помимо выполнения аксиологической функции актуализирует прагматическую функцию, создавая своего рода рекламу (или, скорее, антирекламу), способную пробудить интерес любопытного читателя к указанной книге.

Наибольшую силу воздействия на адресата имеет цитата, вынесенная в заголовок публикации. Прежде всего, находясь в «сильной позиции» (по определению И. В. Арнольд), цитата выполняет функцию аттрактора, является «ловушкой», поскольку глаз схватывает ее сразу, тем более если в качестве источника цитирования выбирается хорошо известное классическое произведение, как в следующем примере, где в заголовок вынесено название широко известной пьесы У. Шекспира «All's Well That Ends Well» [16]. Второй важной функцией литературной аллюзии в приводимом примере является прогностическая (*foreshadowing*), которая задает общий тон тексту публикации и создает определенные предпосылки для восприятия текста. В данном случае для понимания ситуации особенно важно, чтобы читатель был достаточно грамотным, поскольку вырванное из контекста пьесы и приобретенное статус паремии выражение практически всегда в бытовом дискурсе трактуется как имеющее позитивный смысл. Однако если вспомнить фабулу, это совсем не так, поскольку в конце пьесы возникает вопрос, суждено ли дочери бедного лекаря Елене и Бертраму, потомку графского рода, быть счастливыми в браке: уж слишком очевиден мезальянс и слишком безнравственны интриги. Шекспир был совсем не прост.

Таким образом, уже прочитав заголовок, можно предположить и то, что в профессиональной карьере актера Томаса Никола Уильямсона, которому посвящена статья, было достаточно сложных проблем, закулисных интриг и превратностей судьбы. И это действительно так: спустя какое-то время после удачного старта в карьере артиста наметился кризис, пришлось оставить актерскую профессию и заняться бизнесом, но мечта вернуться в театр не покидала его. По прошествии нескольких лет ему предложили сыграть главную роль в шекспировской пьесе «All's Well That Ends Well». Аллюзия автора статьи оказывается многозначной. Он, как представляется, намеренно выстраивает сложную сеть ассоциаций. Для блестящего актера, которого Джон Осборн называл лучшим после Марлона Брандо, вряд ли можно было считать работу в антрепризе достойным продолжением карьеры. В достижении цели ему пришлось преодолеть много интриг. Правда, в его истории действительно было удачное продолжение карьеры.

В рассматриваемом случае вынесенная в заглавие цитата выполняет также функцию обеспечения смысловой целостности текста (когерентности), составляя своего рода платформу, на которой разворачиваются описываемые события, одновременно имплицитно и не слишком позитивное начало, и вполне приемлемое завершение.

Наконец, четвертая функция аллюзии на комедию У. Шекспира – это функция аксиологической оценки. Изначально имплицитно представляются и характер событий, и их последовательность, и благополучный исход. Следует также отметить, что целостное восприятие статьи позволяет понять и объяснить феномен семантического обогащения смысла ее заглавия, осуществление которого обусловлено прежде всего переносом утверждения в другой контекст актуализации, отличающийся от исходного по жанру, стилю, целевому предназначению, эпохе и культуре описываемых событий и собственно авторскому замыслу. Прагматическая функция отсылки читателя к прецедентному тексту в данном случае заключается, по-видимому, в стремлении убедить адресата в том, что не следует терять веру в себя, свои возможности, свой талант, свою способность найти выход из сложной ситуации в любом случае, даже при неблагоприятных исходных условиях.

Понимание и истолкование фактора интертекстуальности осуществляется «включением» ассоциативного мышления как процесса сознания (или осознания), проявляющегося в воспоминании или припоминании. Этот механизм составляет основу приема реминисценции. В случае реминисценции важным представляется общий контекст некоторого утверждения, поскольку отдельное высказывание может ввести интерпретатора в заблуждение, как, например, в следующем примере: «*Yet Renaissance is as famous for its secrecy as for its success*» («Silent Partners», журнал Time, 2016) (особенно и скорее всего, это касается русскоязычного читателя), поскольку первая вызываемая ассоциация – это известное направление в мировом искусстве.

Подлинный смысл реминисценции в тексте выявляется в контексте статьи, посвященной описанию хедж-фонда Renaissance Technologies. Этому способствует в том числе и отсылка к сюжету бестселлера «The Firm» (1991) американского писателя Дж. Гришэма, рассчитанная на установление ассоциации с фирмой, о которой в нем идет речь. Финансовая деятельность обеих фирм, реальной в тексте статьи и вымышленной в триллере, окутана завесой секретности. Триггером интерпретации смысла реминисценции служит упоминание в публикации библионима, названия художественного произведения, и его автора, а также описание деятельности обеих фирм в сравнении: «...*Yet Renaissance is as famous for its secrecy as for its success. It's been compared to "the Firm" of John Grisham's novel, a secluded and lucrative operation that imposes nondisclosure and noncompete clauses on employees to preserve the mystique of its algorithms. The firm shuns Wall Street traders, instead recruiting pure quants like math and physics Ph.Ds.*» [17, p. 30]. В данном случае американскому читателю не пришлось разьяснять смысл реминисценции, поскольку параллель выстраивалась с хорошо известным сюжетом романа, в котором описываются махинации с отмыванием денег криминальными структурами в офшорных фирмах на Каймановых островах, до сих пор являющихся тем, что Дж. Гришэм назвал «international tax havens». Здесь очевидна отрицательная оценка методов работы инвестиционного фонда «Ренессанс Технологии», который – отметим кстати – благополучно функционирует до настоящего времени.

Использование в публицистическом тексте аллюзий к текстам художественного дискурса является рекуррентным, поскольку апеллирует к базовым знаниям читающей аудитории. Так, в статье «Uncle Sam: Jekyll or Hyde» (журнал Newsweek, 2005) интертекстуальным включением является литературная аллюзия, отсылающая к произведению шотландского писателя Р. Л. Стивенсона «Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde» (1886): «*I think that the Bush administration has a Jekyll-and-Hyde problem – a contradictory attitude toward the war on terror*» [18]. Герой новеллы Стивенсона доктор Джекил установил факт одновременного существования в сознании человека двух противоположностей. Злодей мистер Хайд – это тот же самый Джекил, уважаемый в обществе доктор. В ходе своих экспериментов доктор Джекил теряет контроль над процессом раздвоения личности и окончательно превращается в Хайда. Эта печальная трансформация приводит доктора в отчаяние и впоследствии к гибели. Ономастическая аллюзия *Jekyll-and-Hyde* приобрела статус прецедентного феномена в англоязычной культуре и сегодня обозначает как человека, в котором сочетаются два противоречивых начала (хорошее и плохое), так и спорную ситуацию.

В тексте статьи аллюзия соотносит значение описываемой реальной ситуации со значением устойчивого выражения, активизируя ассоциативные связи реальной ситуации с той, которая составляет содержание когнитивной базы массового адресата, извлекаемое из новеллы Стивенсона. Ономастическая аллюзия в силу собственной отрицательной коннотации способствует формированию отрицательной оценки описываемой ситуации – двусмысленное отношение администрации Буша к войне в Ираке. Сложившееся положение оценивается как сложная и противоречивая проблема, а *Jekyll-and-Hyde problem*.

Интертекстуальное включение в виде мифологической аллюзии *Sisyphean effort* встречается в статье «Why we're addicted to email – and how to fix it», где говорится о возникшей психологической зависимости пользователей от различных мессенджеров, в частности, электронной почты: «*But striving for inbox zero is, of course, a Sisyphean effort at best. Just when you think the task is complete – ping! – a new message rolls in. What can we do about it? With email – as with everything else in life – we must learn to say no to some opportunities, in order to say yes to our priorities*» [19]. Используя здесь аллюзию *Sisyphean effort* (бесконечные, напрасные усилия), журналист подчеркивает тщетность попыток справиться с потоком входящей, в большинстве случаев малоинформативной, несрочной, бессистемной, часто случайной рассылки, предостерегая от бесцельной траты времени, которого становится катастрофически мало. Смысл используемой аллюзии состоит в указании на внутреннее противоречие информационных технологий, целью внедрения которых должна быть экономия времени на поиск, получение и осмысление информации, однако их применение приводит к прямо противоположному эффекту. Более того, они способствуют возникновению нового типа психологической зависимости. Конкретной информации в тексте статьи соположена информация оценочного плана. Агрессивное наступление интернет-технологий рассматривается как барьер на пути выстраивания приоритетных линий, тем самым, как ни парадоксально это звучит, замедляющий дальнейший прогресс (это уже импликации аллюзии). Пристрастие к проверке электронной почты делает стремление привести этот процесс к разумному балансу таким же безрезультативным, как и труд царя Сизифа. Это можно интерпретировать как предупреждение человечеству.

Заключение. Подводя итог сказанному, отметим следующие моменты. Интертекстуальность как феномен отсылки к прецедентным событиям и текстам есть явление универсальное, а потому так же характерное для публицистики, как и для любого иного вида коммуникативных практик. В англоязычном публицистическом дискурсе используются все существующие формы иносказания. Функциональное предназначение инкорпорирования элементов текста-источника в текст-реципиент заключается в расширении смыслового пространства (информационная функция) и усилении аргументации декларируемых положений с целью воздействия на реципиента (манипулятивная функция). Используемые в публицистическом тексте интертекстуальные отсылки к источникам разных жанров способствуют более глубокому пониманию текста и подтекста сообщения.

Одной из наиболее значимых функций инкорпорирования «чужой речи» или отсылки к ней является экспликация или импликация оценки (аксиологическая функция) как характерной черты публицистики, предопределяющей характер возможной ответной реакции целевой аудитории (прогностическая функция). При этом степень воздействия сообщаемой

информации зависит от когнитивной базы адресата, его общекультурной компетентности и способности устанавливать ассоциативные связи между сообщаемым и подразумеваемым.

В силу своей эмоциональной тональности интертекстуальные включения, как правило, являются аттрактором, организующим смысловую структуру текста (текстоорганизующая функция когерентности). Они позволяют рассматривать публицистический текст как единую смысловую и коммуникативно-прагматическую целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишнякова О. Д., Карасев И. В. Виды интертекстуальных включений и их функции в художественных текстах // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: XIV Региональная науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Тула, 20 февр. – 24 марта 2018 г. / ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Тула, 2018. С. 64–69.
2. Смирнова А. И. Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4 (32). С. 8–15. DOI: 10.25688/2076-913X.2018.32.4.01.
3. Идилова И. С. Интертекстуальность как один из факторов организации структуры дискурса // Иностранные языки в высшей школе. 2012. № 3 (22). С. 5–9.
4. Чупрына О. Г. Прецедентность и интертекстуальность как дискурсивные явления // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века: сб. науч. трудов / МГПУ. М., 2020. С. 91–96.
5. Сескутова И. К. Текст, текстообразование, интертекстуальность (на материале англоязычной публицистики) // Вестн. МГЛУ. 2011. № 17 (623). С. 27–40.
6. Ott B., Walter C. Intertextuality: Interpretive Practice and Textual Strategy // Critical Studies in Media Communication. 2000. Vol. 17, iss. 4. P. 429–446. DOI: <https://doi.org/10.1080/15295030009388412>.
7. Brummett B. Rhetoric in Popular Culture. NY: St. Martin's Press, 1994.
8. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность, 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
9. Ефименко Т. Н. Реализация функции воздействия в общественно-политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 12. С. 321–325. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.65>.
10. Николаева М. Н. Интертекстуальность как реальность языка и культуры // Пространство языка: лингвистические и методические реальности. Владимир: ВлГУ, 2011. С. 22–27.
11. Кулешова А. В. Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 4 (16). С. 62–68.
12. Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
13. Safire W. New day of infamy // Newsweek. 2001. Sept. 12. P. 15.
14. Dampf A. Italy's Materazzi still seeking respect // USA TODAY. 2008. June 6. P. 15.
15. Swanson B. Global warming // USA TODAY. 2008. Feb. 26. P. 25.
16. Mcguigan C. All's Well That Ends Well // Newsweek. 1991. May 20. P. 4.
17. Altman A. Silent Partners // Time. 2016. Oct. 10. P. 29–32.
18. Zakaria F. Uncle Sam: Jekyll or Hyde // Newsweek. 2005. June 6. P. 19.
19. Gleij J. K. Why we're addicted to email – and how to fix it // Time. 2016. Oct. 10. P. 17.

Информация об авторах.

Николаева Марина Николаевна – кандидат филологических наук (1995), доцент (2001), доцент кафедры английской филологии Московского городского педагогического

университета, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, 129226, Россия. Автор 175 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвостилистика, медиалингвистика, когнитивная лингвистика, английская и сопоставительная фразеология.

Трунова Ольга Владимировна – доктор филологических наук (1995), профессор (1997), профессор кафедры русского и иностранных языков Российского университета транспорта, ул. Образцова, 9/9, Москва, 127994, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: системная и функциональная лингвистика, модусы передачи информации в разных типах дискурса (художественный, научный, политический, публицистический).

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.03.2023; принята после рецензирования 07.04.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Vishnyakova, O.D. and Karasev, I.V. (2018), "Types of intertextual inclusions and their functions in literary texts", *Issledovatel'skii potentsial molodykh uchenykh: vzglyad v budushchee* [Research potential of young scientists: a look into the future], Tula, RUS, Feb 20 – March 24, 2018, pp. 64–69.
2. Smirnova, A.I. (2018), "Intertextuality of fiction discourse as realization of cultural-integration processes", *MCU J. of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 4 (32), pp. 8–15. DOI: 10.25688/2076-913X.2018.32.4.01.
3. Idilova, I.S. (2012), "Intertextuality as a factor affecting the structure of discourse", *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], no. 3 (22), pp. 5–9.
4. Chupryna, O.G. (2020), "Precedent and intertextuality as discursive phenomena", *Paradigma gumanitarnykh znaniy nachala XXI veka* [The paradigm of humanitarian knowledge of the beginning of the 21st century], Moscow, RUS, pp. 91–96.
5. Seskutova, I.K. (2011), "Text, text formation, intertextuality (by examining English publicist texts)", *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 17 (623), pp. 27–40.
6. Ott, B. and Walter, C. (2000), "Intertextuality: Interpretive Practice and Textual Strategy", *Critical Studies in Media Communication*, vol. 17, iss. 4, pp. 429–446. DOI: <https://doi.org/10.1080/15295030009388412>.
7. Brummett, B. (1994), *Rhetoric in Popular Culture*, St. Martin's Press, NY, USA.
8. Arnold, I.V. (2010), *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], 2nd ed., LIBROKOM, Moscow, RUS.
9. Efimenko, T.N. (2019), "Realization of influencing function in socio-political discourse", *Philology. Theory & Practice*, vol. 12, iss. 12, pp. 321–325. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.65>.
10. Nikolaeva, M.N. (2011), "Intertextuality as a reality of language and culture", *Prostranstvo yazyka: lingvisticheskie i metodicheskie real'nosti* [The space of language: linguistic and methodological realities], VIGU, Vladimir, RUS, pp. 22–27.
11. Kuleshova, A.V. (2014), "Citation as a key element of "somebody else's word" in French print media", *MCU J. of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 4 (16), pp. 62–68.
12. Moskvina, V.P. (2011), *Intertekstual'nost': ponyatiinyi apparat, figury, zhanry, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus, figures, genres, styles], 2nd ed., LIBROKOM, Moscow, RUS.
13. Safire, W. (2001), "New day of infamy", *Newsweek*, Sept. 12, p. 15.
14. Dampf, A. (2008), "Italy's Materazzi still seeking respect", *USA TODAY*, June 6, p. 15.
15. Swanson, B. (2008), "Global warming", *USA TODAY*, Feb. 26, p. 25.
16. Mcguigan, C. (1991), "All's Well That Ends Well", *Newsweek*, May 20, p. 4.
17. Altman, A. (2016), "Silent Partners", *Time*, Oct. 10, pp. 29–32.
18. Zakaria, F. (2005), "Uncle Sam: Jekyll or Hyde", *Newsweek*, June 6, p. 19.
19. Gleib, J.K. (2016), "Why we're addicted to email – and how to fix it", *Time*, Oct. 10, p. 17.

Information about the authors.

Marina N. Nikolaeva – Can. Sci. (Philology, 1995), Docent (2001), Associate Professor at the Department of English Philology, Moscow City University, 4 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow 129226, Russia. The author of 175 scientific publications. Area of expertise: linguistics, media linguistics, cognitive linguistics, English and comparative phraseology.

Olga V. Trunova – Dr. Sci. (Philology, 1995), Professor (1997), Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Russian University of Transport, 9/9, Obraztsova str., Moscow 127994, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: systemic and functional linguistics, information transmission modes in different types of discourse (artistic, scientific, political, journalistic).

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.03.2022; adopted after review 07.04.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81'38; 81'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-129-138>

Интегральный подход к изучению дискурса (на материале голосовых сообщений)

Альбина Владимировна Каминская

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
albinakaminskaya0303@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2292-5720>*

Введение. Рассматривается возможность применения интегрального подхода к изучению голосового сообщения (ГС) – новой формы дискурса, которая обладает своими социальными и коммуникативными особенностями. Тема представляет особый интерес для лингвистов и ученых в других гуманитарных науках, так как остается актуальным вопрос эффективного междисциплинарного подхода к исследованию любого объекта. Природа голосового сообщения находится на стыке интересов социологии, когнитивистики, аксиологии и лингвистики, поэтому применение именно интегрального подхода позволяет всецело изучить этот дискурсивный феномен. Научная новизна статьи заключается в малоизученности применения интегрального подхода в дискурсе, а также отсутствии исчерпывающего описания специфики голосовых сообщений.

Методология и источники. Для анализа ГС в русле интегрального подхода в работе применяется метод лингвистического моделирования (при создании интегральной модели, которая основывается на модели К. Уилбера AQAL (all quadrants all levels). Используются дискурсивный анализ и метод социологического опроса для описания природы голосового сообщения. С помощью категориального метода «формально-логическое определение понятия» дается определение голосовому сообщению.

Результаты и обсуждение. Применение интегрального подхода позволило создать интегральную модель голосового сообщения, состоящую из четырех секторов: социального, когнитивного, культурологического и лингвистического. Каждый сектор предоставляет ряд качественных выводов, которые помогают определить место и роль этого коммуникативного феномена в современной парадигме.

Заключение. Социальный сектор представляет ГС как популярную форму коммуникации среди людей разного возраста, пола и рода деятельности, которая восполняет недостатки современного живого общения, возникающие вследствие динамичности жизни. С точки зрения культурологии общение ГС говорит о том, что современный русский человек относится ко времени как к исчерпаемому ценному ресурсу; русскоязычная культура становится индивидуалистической и фокусируется на говорящем; общество ценит духовность и возможность рефлексировать. Повседневное общение ГС состоит из жанрового репертуара, обладающего большой степенью эмоциональности: объяснение, рассказ, разговор по душам, выражение сопереживания, просьба, извинение и благодарность. Когнитивный сектор дал знания о самых распространенных эмоциях в ГС – это радость, печаль и удивление.

Ключевые слова: интегральный подход, социолингвистика, когнитивная лингвистика, культурология, дискурс-анализ, сектор, голосовое сообщение

© Каминская А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Каминская А. В. Интегральный подход к изучению дискурса (на материале голосовых сообщений) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 129–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-129-138.

Original paper

Integral Approach in Discourse Studies (Voice Messaging Study)

Albina V. Kaminskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
albinakaminskaya0303@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2292-5720>

Introduction. The article considers the issue of integral approach towards the study of a new form of discourse – voice message (VM), which possesses its social and communicative features. The topic is of particular interest to linguists and humanity studies' scientists, since an efficient interdisciplinary approach in research is an actual issue. The nature of voice messaging is at the intersection of the interests of sociology, cognitive science, axiology and linguistics, so the use of the integral approach allows us to fully study this discursive phenomenon. The scientific novelty of the work lies in the fact that the integral approach in discourse studies has been poorly studied, and in the absence of deep studies of the voice messaging.

Methodology and sources. To study the voice messaging in line with integral approach, a linguistic modeling method is used to create the integral model based on K. Wilber's idea of AQAL (all quadrants all levels). Discursive analysis and the sociological survey method are used to describe the nature of the voice message. Using the categorical method of "formal-logical definition of the concept", a definition of a voice message is given.

Results and discussion. The use of the integral approach made it possible to create an integral model of voice communication, consisting of 4 sectors: social, cognitive, cultural and linguistic. Each sector presents a series of qualitative findings that help determine the place and role of this communicative phenomenon in the modern paradigm.

Conclusion. The social sector presents the VM as a popular form of communication among people of different ages, genders and occupations, compensating for the shortcomings of modern live communication due to the dynamism of life. From the point of view of cultural studies, the communication of the VM suggests that the modern Russian person treats time as an exhaustible valuable resource; Russian-speaking culture becomes individualistic and focuses on the speaker; society values spirituality and the ability to reflect. The daily communication via VM consists of the genre repertoire, which has a high degree of emotionality: explanation, story, heart-to-heart conversation, expression of empathy, request, apology and gratitude. The cognitive sector has given knowledge about the most common emotions in the VM – joy, sadness and surprise.

Keywords: integral approach, sociolinguistics, cognitive linguistics, cultural studies, discourse-analysis, sector, voice message

For citation: Kaminskaya, A.V. (2023), "Integral Approach in Discourse Studies (Voice Messaging Study)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 129–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-129-138 (Russia).

Введение. В настоящее время среди разнообразных подходов к исследованию дискурса особую роль играют междисциплинарные исследования, объединяющие для всестороннего рассмотрения объекта изучения различные средства и инструменты, что способствует появлению новых научных дисциплин и методов [1]. Например, популярными научными

партнерами для лингвистики уже стали психология, культурология, социология, политология, когнитивистика, нейробиология. Многоаспектный подход к изучению дискурса – это отображение природы данного понятия. Дискурс в современной парадигме прежде всего воспринимается как единство процесса (речи) и результата (текста) с окружающим их социокультурным контекстом. Такое понимание дискурса требует соответствующего междисциплинарного изучения, которое может выявить взаимозависимость экстралингвистических параметров (культурных, социальных, психологических и др.) и собственно лингвистического наполнения дискурса.

Междисциплинарность дает ценные результаты, которые приводят к возникновению новых наук и важных открытий. С другой стороны, растущее число направлений и теорий ставит перед ученым проблему выбора в этом многообразии. Одним из решений этой проблемы становится применение интегрального подхода, который помогает выявить и объяснить зависимость и взаимосвязанность различных аспектов объекта исследования и выявить «глубинные механизмы функционирования этого целого» [2, с. 80–81].

Во второй половине XX в. основоположник интегрального подхода К. Уилбер предложил этот путь для рассмотрения природы любого объекта. Интегральный подход базируется на принципе неисключения, объединения и оптимального взаимодействия. В качестве теоретической основы К. Уилбер представил интегральную модель AQAL (all quadrants all levels) [3], согласно которой любое событие можно рассматривать с трех точек зрения (в модели они называются «секторы» и преобразуются в четыре части квадрата): сектор «я» (как я воспринимаю объект), сектор «мы» (как мы воспринимаем объект), сектор «оно» (объективные факты об объекте) и сектор «они» (коллективное знание об объекте) [4]. Таким образом, эта модель дает знания об объективной истине объекта, о субъективном восприятии, о культурном смысле и о функциональном плане.

М. Н. Кожина [5], Е. С. Кубрякова [6], И. Ю. Парулина [7] и Т. Н. Хомутова [8] успешно адаптировали интегральный подход для изучения сложных явлений и понятий дискурса. Например, Т. Н. Хомутова рассматривает дискурс как «интегральный рассредоточенный объект», который отображает и соединяет коммуникативно-социальные особенности общества, знания, культуру, объединяя это все во взаимообусловленное единство [8, с. 33]. Развивая идеи Т. Н. Хомутовой и следуя принципам интегрального подхода, И. Ю. Парулина разработала интегральную модель университетского дискурса, которая включает четыре адаптированных сектора AQAL: когнитивный, языковой, культурный и социальный. В продолжение идей И. Ю. Парулиной представляется возможным создать интегральную модель и для другого многоаспектного дискурсивного феномена – голосового сообщения (ГС).

ГС – это относительно новая, но уже весьма популярная форма интернет-коммуникации. В 2012 г. китайский мессенджер Wechat ввел опцию отправки голосовых сообщений, с 2013 г. известные социальные сети мира начали вводить голосовые сообщения в своих приложениях (WhatsApp, Facebook*). Затем российские мессенджеры также предоставили своим пользователям эту возможность: Telegram (2014 г.), VKontakte (2016 г.). В контексте типологии дискурса ГС можно определить как гибридный модус дискурса, осуществляющий

---

*Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.

общение асинхронно и бесконтактно посредством аудиального канала, обладающий при этом высокой вовлеченностью собеседников в общение. Эта форма дискурса несет специфические социально-коммуникативные характеристики, что делает необходимым изучение сложной системы ГС с точки зрения интегрального подхода, задействуя знания из разных наук. Исходя из интегральной модели И. Ю. Парулиной, было решено изучить ГС с точки зрения социологии, когнитивистики, культурологии и лингвистики. Социологический подход дает важные знания о пользователях ГС: возраст, пол, род деятельности, взаимоотношения между собеседниками. Культурологическая составляющая анализа дискурса предоставляет данные о традициях и ценностях определенного народа, которые проявляются в коммуникации или же влияют на ее процесс. Социальный портрет пользователей ГС и знания о коммуникативных ценностях влияют на конструирование плана выражения дискурса. Лингвистический подход необходим, чтобы описать ГС в парадигме дискурса как некой конечной точки воплощения нелингвистических факторов. Наконец, ГС рассматривается с позиций когнитивистики, так как в ходе изучения дискурса рождается вывод, что в нем вербализуются фрагменты личного (персонального) знания, связанного с действительностью, т. е. человек выражает свои эмоции и мнение о реальности.

Методология и источники. ГС, как и все дискурсивные понятия, обладает определенной системой функционирования, которая предполагает специфическую коммуникацию социума исходя из его культурно-ценностных ориентиров. Главная задача настоящего исследования заключается в создании интегральной модели ГС при помощи выявления взаимообусловленности различных компонентов ГС, отвечающих за функционирование этого дискурсивного феномена. Для выделения социальных характеристик пользователей ГС и культурологической ценности ГС был проведен социологический опрос 100 респондентов – при разработке портрета пользователей ГС, определения ключевых мотиваций к использованию ГС и ценности этой формы дискурса. Также проводились интервью в форме непринужденных бесед с 55 респондентами разного возраста и сферы деятельности для уточнения интересующих вопросов в рамках исследования отношения к ГС. Дискурсивный анализ использовался для выявления жанрово-тематической организации голосовых сообщений и речевых стратегий говорящих, что позволяет раскрыть заложенную говорящим мотивацию при выборе такого типа коммуникации. Когнитивный анализ ГС использовался для выявления эмоциональной составляющей смысла текста, чтобы определить репертуар эмоций говорящих во время наговаривания ГС. Основой для настоящей работы послужили теоретические концепции наиболее известных ученых, работающих в русле интегрального подхода [5–9], а также массив ГС на русском языке (305 аудиозаписей), полученных методом сплошной выборки из переписки в популярных соцсетях и мессенджерах (ВКонтакте, Skype, WhatsApp, Viber, Wechat и др.). Общий объем записей составляет 4 ч. 32 мин. звучащей речи.

Результаты и обсуждение. По результатам проведенного исследования была создана интегральная модель ГС, состоящая из следующих секторов: социальный, когнитивный, культурологический, лингвистический (рисунок). Каждый сектор этой модели состоит из данных о специфике ГС в рамках своего подхода, которые объединены в целостную систему для описания всестороннего феномена ГС.

<p align="center">Когнитивный сектор (ГС как часть знания об индивидуальном восприятии действительности)</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Эмотивность 	<p align="center">Лингвистический сектор (ГС как языковой конструкт)</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Жанры ● Тактики ● Стратегии
<p align="center">Культурологический сектор (ГС как фрагмент культуры)</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Ценности ● Значимость 	<p align="center">Социальный сектор (ГС как социальный конструкт повседневности)</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Социальные параметры пользователей ● Темы бесед

Интегральная модель голосового сообщения
Integral model of a voice message

Социальный сектор интегральной модели (адаптация сектора «мы» AQAL) рассматривает ГС как социальный феномен повседневности и дает информацию о социальных характеристиках коммуникантов. По результатам опроса было определено, что ГС пользуются молодые люди (18–35 лет), но в последние годы есть тенденция расширения возрастных границ. Эта форма коммуникации более популярна среди женщин, чем среди мужчин. Обязательным условием для общения ГС является фактор близких отношений между коммуникантами: 72 % респондентов отметили, что отправляют ГС друзьям, 32 % – семье, 8 % – коллегам. Интервьюирование информантов, среди которых были сотрудники компаний разного масштаба, указало на демотивацию использования ГС в профессиональной среде из-за нарушения делового этикета и изменения отношений между собеседниками. Респонденты отметили, что отправить ГС своему начальнику неприемлемо, но возможна отправка ГС от него подчиненным.

ГС является одним из повседневных типов дискурса, т. е. оно предназначено для общения на привычные, ежедневные темы. Согласно результатам анализа корпуса ГС говорящие записывают сообщения с рассказами о личных отношениях с партнером, в семье или со знакомыми. ГС часто содержат информацию о проблемах, трудностях и изменениях на учебе и работе, а также о впечатлениях и чувствах. Нередко говорящий затрагивает бытовые темы, свои увлечения и даже окружающую среду. Возникает вопрос относительно мотиваций использования ГС по сравнению с телефонным звонком и печатным сообщением, которые уже давно стали привычными формами коммуникации в повседневной жизни. Результаты опроса свидетельствуют о том, что помимо технических преимуществ ГС над другими формами коммуникации (скорость, удобство выбора места и момента общения, асинхронность), существуют психологические мотивации использования ГС. Например, адресанты предпочитают ГС, так как могут полностью выразить свои мысли и эмоции «здесь и сейчас», не дожидаясь синхронности общения с собеседником. Таким образом, ГС выполняет роль «вспомогательного» канала, восполняющего недостатки современного живого общения из-за ритма жизни. Полученные данные подчеркивают положительный эффект использования голосового сообщения для отправителя, поскольку снимают страх быть прерванным собеседником и стеснение при обсуждении определенных тем, а также способствуют сближению собеседников (табл. 1).

Табл. 1. Почему вы используете голосовые сообщения?
Table 1. Why are you using voice messages?

Варианты ответов	Ответы респондентов, %
Удобно в данный момент	93
Быстрее, чем писать текстовое сообщение	78
Выразить эмоции	46
Недоступность собеседника сейчас	41
Хочу записать, пока не забыл(а)	37
Комфортно себя чувствую	30
Меня не перебивают	17
Стесняюсь позвонить	14,6
Не хватает устного общения с человеком	9
Не хочу такое говорить при звонке/писать	4

Культурологический сектор (адаптация сектора «они» AQAL) представляет ГС как фрагмент культуры, который базируется на ценностях и социальных характеристиках пользователей. Знания о мотивациях и социальном портрете пользователей ГС помогли сделать ряд следующих выводов о культурных ценностях, которые выражаются через ГС:

1. Стремление быстро пообщаться, не дожидаясь свободного времени собеседника, говорит об отношении ко времени как к исчерпаемому ресурсу. Современный человек ценит время в условиях динамичности жизни и не хочет терять его в ожидании.

2. Русскоязычная культура трансформируется из коллективной в индивидуалистическую. Люди начали больше ценить личное пространство и возможность самовыразиться: благодаря ГС говорящий и слушающий – каждый для себя – определяют удобное место и время для коммуникации (отправки/прослушивания ГС) и не перебивают друг друга.

3. Общение ГС преимущественно на тему отношений, произошедших событий и пережитых эмоций говорит о ценности близких отношений, духовной жизни и размышлений. С одной стороны, люди ценят прошлое, подробно рассказывая о том, что уже произошло с ними. С другой стороны, большое количество ГС содержат описание настоящего момента, фокусируя внимание слушателя на эмоциональном состоянии говорящего и его мыслях, а не действиях.

Социальные параметры говорящих, конкретные мотивации к использованию ГС и заданная тематика беседы определенным образом конструируют дискурс. Так, лингвистический сектор интегральной модели представляет ГС как форму вербализации, в которой с помощью языковых средств выражается знание о повседневности, культурных ценностях, социальных концептах, т. е. лингвистический сектор совмещает в себе все прочие секторы. Особенности коммуникации с помощью ГС выражаются через язык и формируют конкретный репертуар речевых жанров. Проведенный анализ корпуса ГС установил, что самыми популярными жанрами ГС являются объяснение, рассказ, разговор по душам, выражение сопереживания, просьба, извинение и благодарность (табл. 2). Практически все жанры относятся к фатическим, что обусловлено близкими отношениями между коммуникантами и мотивами к общению ГС. Стоит отметить, что объяснение и рассказ, являющиеся информативными жанрами, тяготеют к фатическим за счет деталей эмоционально-экспрессивной

наполненности и низкого веса сугубо информативной нагрузки ГС. Высокая степень эмоциональности характерна для подавляющего большинства ГС, поскольку общение с близкими людьми в рамках повседневного дискурса предполагает прежде всего реализацию фатической функции общения, а не только информирования. Таким образом, это приводит к выводу, что важнейшей коммуникативной целью ГС любого жанра является поддержание отношений.

Табл. 2. Репертуар речевых жанров в голосовых сообщениях
Table 2. Speech genres' repertoire of voice messages

Жанры ГС	Количество ГС
Объяснение	103
Рассказ	99
Разговор по душам	63
Выражение сопереживания	21
Просьба	14
Благодарность	3
Извинение	2

Данная коммуникативная цель ГС реализуется с помощью кооперативных речевых стратегий: информирование, самопрезентация, создание позитивной тональности общения, солидаризация, искренность, повышение статуса коммуникативного партнера. Этот факт подчеркивает значимость общения при помощи ГС в укреплении взаимоотношений людей.

Когнитивный подход был реализован в связи с изучением эмоциональной составляющей дискурса ГС. Этот сектор взаимосвязан с культурологическим, так как эмоции культурно обусловлены. Внутри каждой культуры существует определенное представление об эмоциональности, которое связано с когнитивным сценарием и закрепляется как традиционное для представителей этноса. Таким образом, эмоция – это отношение к общественному конструкту, с одной стороны, но и проявление личностного, с другой. Известно, что переживаемый опыт у каждого свой, что накладывает разный отпечаток на эмоциональную составляющую и восприятие событий в жизни. Также когнитивный сектор тесно связан с социологическим и лингвистическим: как говорилось ранее, ГС используются для лично-ориентированных тем в беседе с близкими людьми, что предполагает выражение эмоций через язык или эмотивность. Вслед за В. И. Шаховским в данном исследовании эмотивность понимается как лингвистическая категория, которая характеризует способность единиц языка отражать субъективно-индивидуальные переживания [10]. Темы ГС задают эмоции, а эмоции кодируются в слова, меняют коммуникативную тональность дискурса и прагматику. В разговоре люди транслируют свое состояние и понимание мира, используя две семиотические системы эмоций – вербальную и невербальную. Невербальная сторона выражается через смех, слезы, дрожь, взгляд, движения тела, а вербальная – через эмотивы (эмотивное значение или коннотация). ГС позволяет выразить эмоции обоими этими способами, что делает ГС ценной формой коммуникации.

По результатам проведенного семантико-стилистического анализа корпуса ГС можно сделать следующие выводы:

1. Эмотивность чаще реализуется на фонетическом уровне через интонацию и изменение темпа речи, на лексическом уровне с помощью эмотивных коннотаций (в близком

общении поощряются свои метафоры/окационализмы/эвфемизмы) и на синтаксическом уровне – через порядок слов и паузы хезитации.

2. Частым проявлением эмотивности является физиологическая экстериоризация в форме всхлипываний, смеха, насмешки, кашля.

Проявления эмотивности были категоризированы по основным восьми эмоциям и их интенсивности согласно адаптационной модели «колеса» Р. Плутчика [11]. Восемь основных эмоций (гнев, страх, печаль, радость, отвращение, удивление, предвкушение, доверие) представляют естественную реакцию на происходящее с человеком и работают автоматически для нормальной адаптации человека в жизни.

Из 305 ГС только 215 ГС обладают выраженной эмотивностью и могут быть категоризированы. Остальные 90 ГС относятся к жанрам объяснения или рассказа, адресованы коллегам, что могло бы объяснить низкую составляющую эмотивности этих записей. В табл. 3 представлены результаты анализа: самая распространенная эмоция в ГС – радость, затем идут печаль и удивление. Такие показатели могут свидетельствовать о том, что отправитель ГС действительно стремится поделиться как позитивными, так и отрицательными сильными эмоциями, которые его переполняют. Направленность таких ГС обращена на самого отправителя с целью демонстрации своей позиции (высказать мнение, пояснить, дать уточнение) и чувств (счастья, досады, страха, беспокойства). Самыми редкими эмоциями ГС оказались гнев, страх и доверие. Минимальный показатель эмоции «доверие» может быть связан с тем, что данная эмоция считается нейтральной и характеризуется состоянием спокойствия, безопасности. Такие характеристики эмоции «доверие» подтверждают ценность ГС быть каналом передачи именно сильных эмоций.

Табл. 3. Эмоции в голосовых сообщениях
Table 3. Emotions of voice messages

Эмоция	Количество проявлений в ГС
Радость	105
Печаль	58
Удивление	20
Гнев	14
Страх	11
Доверие	7
Всего ГС	215

Таким образом, когнитивный сектор представляет ГС как отображение нашего сознания, предоставляя информацию о личных эмоциях и ценностях (адаптация сектора «я» AQAL).

Заключение. Рассмотрение нового и комплексного дискурсивного феномена раскрывается через анализ информации каждого сектора и дает ряд ценных выводов о природе ГС, что было бы невозможно при рассмотрении ГС посредством одного отдельного подхода – структурного, коммуникативного, социолингвистического, когнитивного и др. Так, ГС используются в основном молодыми людьми для общения с друзьями, родственниками и коллегами одного ранга на волнующие темы, как правило, о проблемах и трудностях в личной жизни, учебе и работе. Культурологический сектор дает знания о проявлении менталитета в ходе коммуникации ГС: современный русский человек ценит свое время, больше обращает

внимание на себя в ходе разговора, фокусируется на рефлексии, чувствах и эмоциях. Лингвистический сектор раскрывает типичный жанровый репертуар повседневного общения русского человека с близкими. Самыми популярными жанрами являются: объяснение, рассказ, разговор по душам, выражение сопереживания, просьба, извинение и благодарность. Когнитивный сектор раскрыл самые частотные эмоции, проявляемые в общении ГС: радость, печаль и удивление, гнев, страх, доверие. Их реализация тесно связана с определенными намерениями говорящего – поделиться историей, поддержать, пожаловаться и т. д. Таким образом, ГС помогают выговориться и дают выход эмоциям. Интегральный подход становится необходимым для изучения дискурсивного или другого лингвистического феномена, так как интегральная модель показывает, как синтез направлений дополняет изучение объекта исследования. Подводя итог работы, следует отметить, что проведенное исследование в русле интегрального подхода показывает лингвистическую динамику междисциплинарности исследований, где необходимо указать взаимосвязь подходов. Понимание ГС как социального, когнитивного, культурологического и лингвистического феномена характеризует дополнительные особенности этой формы коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Порус В. Н. «Междисциплинарность» как тема философии науки // Эпистемиология и философия науки. 2013. Т. 38, № 4. С. 5–13.
2. Хомутова Т. Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: ЮУрГУ, 2010.
3. Wilber K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map // J. of Integral Theory and Practice. 2006. Vol. 1, № 1. P. 1–38.
4. Wilber K. The Integral Vision: A Very Short Introduction to the Revolutionary Integral Approach to Life, God, the Universe, and Everything, 2007. URL: <https://archive.org/details/integralvisionve00kenw/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 20.01.2023).
5. Кожина М. Н. Речеведение: функциональная стилистика и дискурсивный анализ // Стил. 2004. № 3. С. 12–24.
6. Кубрякова Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М., 2008. С. 4–14.
7. Парулина И. Ю. Университетский дискурс: интегральная модель (на материале новостных статей университетских сайтов): дис. ... канд. филол. наук / ЧелГУ. Челябинск, 2020.
8. Хомутова Т. Н., Парулина И. Ю. Тематическая структура новостного университетского дискурса // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 4. С. 32–39. DOI: 10.14529/ling170405.
9. Силкина О. М. Структура научной аннотации: интегральная модель (на материале английского, немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / ЧелГУ. Челябинск, 2021.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
11. Plutchik R. The Nature of Emotions: Human emotions have deep evolutionary roots, a fact that may explain their complexity and provide tools for clinical practice // American Scientist. 2001. Vol. 89, no. 4. P. 344–350. DOI: 10.1511/2001.28.344.

Информация об авторе.

Каминская Альбина Владимировна – ассистент кафедры иностранных языков в сфере менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных

ин-тересов: дискурс-анализ, социолингвистика, междисциплинарные исследования, коммуникативная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 08.04.2023; принята после рецензирования 15.05.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Porus, V.N. (2013), "“Interdisciplinarity” as an issue of philosophy of science", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 38, no. 4, pp. 5–13.
2. Khomutova, T.N. (2010), *Nauchnyi tekst integral'nyi podkhod* [Scientific text integral approach], YuUrGU, Chelyabinsk, RUS.
3. Wilber, K. (2006), "Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map", *J. of Integral Theory and Practice*, vol. 1, no. 1, pp. 1–38.
4. Wilber, K. (2007), *The Integral Vision: A Very Short Introduction to the Revolutionary Integral Approach to Life, God, the Universe, and Everything*, available at: <https://archive.org/details/integralvisionve00kenw/page/n3/mode/2up> (accessed 20.01.2023).
5. Kozhina, M.N. (2004), "Speech: Functional Stylistics and Discourse Analysis", *Stil*, no. 3, pp. 12–24.
6. Kubryakova, E.S. (2008), "The concept of "paradigm" in linguistics: an introduction", *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics], pp. 4–14.
7. Parulina, I.Yu. (2020), "University discourse: an integral model (based on the material of news articles of university websites)", Can. Sci. (Philology) Thesis, CSU, Chelyabinsk, RUS.
8. Khomutova, T.N. and Parulina, I.Yu. (2017), "Topical structure of university news discourse", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 14, no. 4, pp. 32–39. DOI: 10.14529/ling170405.
9. Silkina, O.M. (2021), "Structure of scientific abstract: integral model (on the material of English, German and Russian languages)", Can. Sci. (Philology) Thesis, CSU, Chelyabinsk, RUS.
10. Shakhovskii, V.I. (1987), *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka*, [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language], Izd-vo Voronezh. un-ta, Voronezh, USSR.
11. Plutchik, R. (2001), "The Nature of Emotions: Human emotions have deep evolutionary roots, a fact that may explain their complexity and provide tools for clinical practice", *American Scientist*, vol. 89, no. 4, pp. 344–350. DOI: 10.1511/2001.28.344.

Information about the author.

Albina V. Kaminskaya – Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages in Management, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, sociolinguistics, interdisciplinary research, communicative linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 08.04.2023; adopted after review 15.05.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 811.111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-139-149>

Номинативное поле концепта HAPPINESS в среднеанглийский и новоанглийский периоды

Евгения Александровна Нильсен^{1✉}, Елизавета Алексеевна Окулова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}janenilsen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4424-0706>

²lizagrem@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2794-0882>

Введение. В статье представлены результаты исследования развития номинативного поля концепта HAPPINESS в диахронии, выполненного на основе толковых словарей английского языка и текстов корпусных баз данных с применением методов корпусной лингвистики. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью теоретических основ изучения эволюции номинаций и компонентов исследуемого концепта и развитием корпусной лингвистики как одного из актуальных способов исследования концептов.

Методология и источники. Теоретико-методологическую базу составили исследования в области когнитивной лингвистики Н. Н. Болдырева, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, Е. А. Нильсен, З. Д. Поповой, И. А. Стернина; в области концептологии, в частности эмоциональных концептов, и эмотиологии – Н. А. Красавского, В. И. Шаховского и О. Е. Филимоновой. Эмпирическим материалом исследования послужили тексты корпусных баз данных английского языка, а также статьи толковых и этимологических словарей английского языка.

Результаты и обсуждение. С помощью метода построения номинативного поля, описанного З. Д. Поповой, И. А. Стерниным, и использования материала толковых словарей среднеанглийского и современного английского языка выявлено ядро концепта HAPPINESS. На основе текстов корпусных баз данных с применением методов корпусной лингвистики, а также составленной автором модели поиска коллокаций выявлены периферийные компоненты номинативного поля исследуемого концепта. На основе анализа найдены предполагаемые изменения в составе номинативного поля концепта в диахронии.

Заключение. В заключении представлены выводы, сформированные по результатам анализа номинативного поля концепта HAPPINESS, и выдвинуты положения о характере развития рассматриваемого концепта в диахронии.

Ключевые слова: диахронический подход, эмоциональный концепт, концепт HAPPINESS, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Нильсен Е. А., Окулова Е. А. Номинативное поле концепта HAPPINESS в среднеанглийский и новоанглийский периоды // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 139–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-139-149.

© Нильсен Е. А., Окулова Е. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Nominative Field of HAPPINESS Concept in the Middle English and Modern English Periods

Evgeniia A. Nilsen^{1✉}, *Elizaveta A. Okulova*²

^{1,2}*Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia*

¹*✉janenilsen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4424-0706>*

²*lizagrem@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2794-0882>*

Introduction. The article presents the result of the diachronical research of HAPPINESS concept nominative field. The research was conducted on the basis of English explanatory dictionaries and texts of corpus databases, using the methods of corpus linguistics. The relevance of the research is due to the insufficient development of the theoretical foundations for studying the evolution of nominations and components of the concept under study, and the development of corpus linguistics as one of the most relevant ways of studying concepts.

Methodology and sources. The theoretical and methodological basis of the research is formed by cognitive linguistics studies by N.N. Boldyrev, Y.S. Stepanov, E.S. Kubryakova, E.A. Nielsen, Z.D. Popova, I.A. Sternin; conceptology studies, in particular, emotional concepts, and emotiology studies by N.A. Krasavsky, V.I. Shakhovskiy and O.E. Filimonova. The empirical material of the study is based on the texts of English corpus databases, as well as articles of English explanatory and etymological dictionaries.

Results and discussion. Based on the method of constructing the nominative field described by Popova and Sternin and using the material of English explanatory dictionaries for the Middle and Modern English, the core of HAPPINESS concept is revealed. Based on the texts of English corpus databases, using corpus linguistics methods, as well as the collocation search model compiled by the author, the concept's nominative field's peripheral components are identified. Based on the analysis, the proposed changes in the composition of the nominative field of the concept in diachrony are revealed.

Conclusion. In conclusion, the results of the analysis of the nominative field of HAPPINESS concept are presented, and the provisions on the nature of the development of the concept in diachrony are put forward.

Keywords: diachronical approach, emotional concept, HAPPINESS, cognitive linguistics, corpus linguistics

For citation: Nilsen, E.A. and Okulova, E.A. (2023), "The Nominative Field of HAPPINESS Concept in the Middle English and Modern English Periods", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 139–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-139-149 (Russia).

Введение. Исследования в области отечественной когнитивной лингвистики и концептологии не теряют своей актуальности и на сегодняшний день. Центральным понятием данных направлений является понятие *концепта* – единицы концептуального содержания, языка и сознания [1–4]. Человек мыслит концептами, которые представляют собой форму сознания, вмещающую в себя накопленные человеком знания, опыт, и которая затем находит или не находит отражение в языке. В данном процессе язык играет очень важную роль, так как именно с помощью различных лексических единиц концепт транслируется в мир, и, следовательно, человек способен выразить свои идеи, мысли и эмоции.

Таким образом, все наше представление о мире отражено в концептах. Концепт может быть национальным или индивидуальным, более того, один и тот же концепт может быть как национальным, так и индивидуальным одновременно. Он также может включать в себя прототипический образ или конкретный образ того или иного предмета или явления. Однако зачастую концепт – это не только рациональное знание, но и чувственный образ [5, 6]. Процессы восприятия окружающего мира неотделимы человеком от его чувственной сферы. Поэтому эмоции, являясь важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания человека, играют важную роль и в его языковой картине мира.

Как правило, в первую очередь эмоции являются объектами исследования психологии, однако вследствие развития различных направлений когнитивной лингвистики формируется смежное направление – эмотиология, основным фокусом которого является исследование лингвистики эмоций и отражение эмоций в языке, а именно: проблема номинации эмоций, проблема изучения текстообразующего потенциала эмоций, типологии эмотивных знаков, особенностей их диахронических изменений и др. Человек использует язык эмоций во всех сферах своей познавательной деятельности, и можно сказать, что он оперирует несколькими понятиями: чисто эмоциями (единицами психологии), эмотивами (единицами языка, выражающими психологические, эмоциональные переживания и состояния [7]) и *эмоциональными концептами*, так как эмоции, занимающие такое важное положение в восприятии мира, не могут не быть концептуализированы.

Эмоциональные концепты понимаются как единицы эмоциональной картины мира человека, которая представляет собой совокупность эмоциональных представлений, формирующихся в процессе его познавательной деятельности, и которые отражают опыт народа, накопленный за многие столетия, в виде универсальных и специфических представлений об эмоциях и эмоциональных переживаниях [6]. Эмоциональный концепт – один из самых сложных концептов, так как он отражает высокоабстрактное явление и одновременно и универсален, и специфичен. «Универсальность эмоционального концепта заключается в том, что эмоции являются центральной частью жизни человека, тем самым делая представителей разных культур и народов похожими друг на друга» [6, с. 26]. Универсальность эмоций заключается в их одинаковом наборе (все люди, независимо от национальности, могут испытывать радость, счастье, злость, грусть и т. д.) и в универсальности их физиологических проявлений: когда человек чувствует радость, он улыбается. Специфичность эмоциональных концептов состоит в том, что каждый человек может по-разному переживать одну и ту же эмоцию, по-разному реагировать на одну и ту же ситуацию. Более того, разница может наблюдаться между национальностями и культурами, носителями разных языков, так как на формирование эмоциональных концептов влияют традиции, нравы, особенности быта, стереотипы, историческое прошлое народа и язык, носителем которого является этот народ. Специфичность эмоционального концепта также зависит от его репрезентации: в разных языках эмоции репрезентированы разными лексическими средствами.

Несмотря на специфику эмоциональных концептов, их универсальность дает основу для выделения определенных категорий эмоций как в психологии, так и в лингвистике. В психологии принято выделять базовые положительные и базовые отрицательные эмоции, при этом отрицательных эмоций оказывается на порядок больше [5]. В языке В. И. Шахов-

ский выделяет две группы лексики эмоций: 1) лексику, номинирующую эмоции, и 2) лексику, репрезентирующую эмоции в контексте [7]. Базовыми эмоциональными концептами являются концепты, отражающие базовые эмоции, а ключевыми словами – репрезентантами эмоций в языке оказываются лексические единицы, номинирующие эмоции: *joy, happiness, sadness, fear* и т. д.

Таким образом, в настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать номинативное поле одного из базовых эмоциональных концептов HAPPINESS (СЧАСТЬЕ) в диахронии (со среднеанглийского по современный период развития английского языка) для выявления особенностей формирования концепта, а также развитие и специфику репрезентации данного концепта в языке.

Методология и источники. Для построения номинативного поля концепта HAPPINESS в диахронии за основу была взята модель анализа, описанная З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [8] с применением методов корпусной лингвистики: метода количественного анализа (анализа коллокаций) и метода качественного анализа (интерпретация результатов исследования). На первом этапе определяется ядро концепта на основе словарных дефиниций основного лексического репрезентанта концепта в среднеанглийский и новоанглийский (современный) периоды развития английского языка (на материале толковых словарей английского языка Middle English Dictionary [9], Oxford English Dictionary [10] и Cambridge English Dictionary [11]).

На втором этапе с применением методов корпусной лингвистики, на основе текстов корпусов среднеанглийского языка (Corpus of Middle English Prose and Verse [12]) и современного английского языка (Corpus of Contemporary American English [13] и British National Corpus [14]) определяется периферия номинативного поля концепта в диахронии. Для каждого концепта был произведен поиск по следующим сочетаниям в соответствии с методикой, разработанной исследователем:

- 1) основной лексический репрезентант концепта + глагол;
- 2) глагол + основной лексический репрезентант концепта;
- 3) основной лексический репрезентант концепта + существительное;
- 4) прилагательное + основной лексический репрезентант концепта.

Анализ по сочетаниям *основной лексический репрезентант концепта + глагол* позволяет показать, насколько в целом концепт представляют в роли субъекта и что он означает. Поиск по сочетанию *глагол + основной лексический репрезентант концепта* позволяет проанализировать роль концепта в качестве объекта. Поиск по сочетанию *основной лексический репрезентант концепта + существительное* показывает, с чем еще сопоставляют концепт, примеры сочетаний *прилагательное + основной лексический репрезентант концепта* позволяют выявить когнитивные характеристики концепта.

Результаты и обсуждение. Основной лексемой-репрезентантом концепта HAPPINESS в современном английском языке является лексема **happiness**, однако, по данным этимологического словаря английского языка, данная лексема появилась в английском только в новоанглийский период, а точнее, в XVI в. [15]. До этого времени существовала другая ключевая лексема, репрезентирующая концепт в языке, и такой лексемой предположительно была **blis(se)**, являющаяся исконно английским словом. В толковом словаре среднеанглий-

ского языка Middle English Dictionary представлено следующее значение данного существительного: *blis(se)* – 1) **a happy condition of existence**; 2) **happiness**; 3) *well-being, prosperity, good fortune*; 4) *joy, happiness, pleasure* [9]. Очевидно, что все перечисленные лексико-семантические варианты включают сему *happiness*. Также, опираясь на данные этимологического словаря, можно утверждать, что лексема *bliss* является исконно английской, и она означает «блаженство, счастье, благодать, веселье» (*bliss, happiness, grace, merriment*) [15].

Таким образом, основными компонентами – ядром концепта HAPPINESS в среднеанглийский период – являются: счастливое состояние существования, счастье, благополучие, процветание, удача, радость, удовольствие.

Для анализа компонентов периферии концепта HAPPINESS в среднеанглийский период в корпусе среднеанглийского языка Middle English Prose and Verse, с применением методов корпусной лингвистики и разработанной нами схемы поиска коллокаций были отобраны все сочетания лексемы *blis(se)* методом сплошной выборки (табл. 1). Стоит отметить, что корпус среднеанглийского языка сравнительно небольшой и дает маленькую выборку, но тем не менее помогает сформировать некое представление о компонентах концепта в тот период.

Всего в корпусе было найдено 4739 упоминаний лексемы *blis(se)* в 261 контексте. При отборе данных были учтены многочисленные повторы контекстов.

Табл. 1. Результаты анализа корпуса за среднеанглийский период
Table 1. Results of the corpus analysis for the Middle English period

Лексема	Диапазон	Сочетания (количество сочетаний)
<i>Blis(se)</i>	Более 150	<i>In hevne/of (heavens, heven)</i> (182)
	100–150	<i>Be in</i> (111), <i>joi</i> (102)
	20–100	<i>God</i> (39), <i>come to</i> (40), <i>bring (to) blis</i> (55), <i>pyne, worldlī</i> (23), <i>my(u)che blis</i> (22), <i>evere-lastynge</i> (21)
	10–20	<i>Have</i> (20), <i>endeles</i> (17), <i>ordeyned</i> (16), <i>paradys</i> (14), <i>gret</i> (12)

Ориентируясь на данные, представленные в табл. 1, можно отметить, что самым частотным оказалось сочетание с существительным *heven (heaven – небеса, рай)* в нескольких выражениях: *in heaven bliss, bliss of heaven, heaven bliss*. Высокая частотность данного сочетания может говорить о том, что счастье в среднеанглийский период было очень тесно связано с пониманием Бога и рая. Это предположение также подтверждают сочетания с *God* (Бог) и *paradys (paradise – рай)*.

В корпусе Middle English Prose and Verse было выявлено большое количество словосочетаний *to be in blis(se)*, которые использовались для выражения состояния счастья. Также очень частотное сочетание *blis(se)* с существительным *joi (joy)*. Это говорит о том, что счастье часто соотносили с радостью, считая, что человек порой испытывает эти две позитивные эмоции одновременно.

В корпусе среднеанглийских текстов выявлены и сочетания лексемы *blis(se)* с глаголами. Это такие глаголы, как *to bring* (приносить), *to come* (приходить), *to have* (иметь). Прослеживается некое осмысление концепта в роли объекта, который можно создать, эмоция получается более реальной и осязаемой. Интересно отметить, что многие из контекстов, представленных в корпусе, говорят о Боге как об источнике счастья и радости (Бог приносит счастье).

В рассматриваемом корпусе выявлено и достаточно большое количество сочетаний *blis(se)* с различными прилагательными или наречиями (например, *much(e)*). Так, сочетание с *much(e)* говорит о том, что счастье «измеряется» количеством (в корпусе встречаются сочетания с *more* и *less*). Самые частотные сочетания с прилагательными *worldlī* (*worldly* – земной) и *evere-lastynge* (*everlasting* – вечный) показывают существование противоположного понимания счастья: не только как вечного, но и как земного, реального.

В современном английском языке основным лексическим репрезентантом концепта HAPPINESS является лексема *happiness*, представленная в словарях следующими определениями: 1) a feeling of pleasure or contentment; 2) a fortunate; characterized by happiness; 1) the feeling of being happy [10, 11]. Таким образом, основными компонентами – ядром концепта HAPPINESS – в новоанглийский период являются: счастье, удовольствие, удовлетворение и удача.

Для анализа компонентов периферии концепта HAPPINESS в новоанглийский период в корпусах современного английского языка Corpus of Contemporary American English и British National Corpus, с применением методов корпусной лингвистики и разработанного автором алгоритма поиска коллокаций были отобраны все сочетания лексемы *happiness* методом сплошной выборки. Всего лексема *happiness* упоминается в 22 061 контексте. Для исследования были выделены наиболее часто встречающиеся сочетания, к каждому из которых приведено несколько примеров, взятых из корпуса. Результаты поиска представлены в табл. 2–5.

Поиск по сочетанию *happiness* + глагол позволил показать, насколько в целом счастье представляют в роли субъекта и что оно означает. По данному сочетанию было выявлено самое меньшее количество примеров, в табл. 2 приведены наиболее частотные из них.

Табл. 2. Результаты анализа лексемы *happiness* с глаголами
Table 2. Results of the analysis of the word *happiness* with verbs

Количество упоминаний	Примеры
Более 100	<i>Happiness comes</i> (117)
20–50	<i>Happiness means</i> (42); <i>depends</i> (37); <i>makes</i> (30); <i>seems</i> (28); <i>lies</i> (22)

Всего в корпусе найдено 555 сочетаний *happiness* + глагол (из них уникальных – 421). Общее количество таких сочетаний очень мало, однако они есть, и наиболее частый глагол, исходя из полученных данных, – это глагол *to come* (приходить). В данном сочетании счастье осмысляется в большей степени как нечто, что приходит к человеку благодаря определенным действиям («*Happiness comes from work and leisure activities*»; «*Happiness comes from caring for others and giving whatever we can*» [13]). Счастье и как эмоцию, и как состояние можно получить из разных источников: семья, забота о близких людях, работа, хобби. Второй частотный глагол – это глагол *to mean* (значить, означать), что может указывать на то, что люди все еще пытаются осмыслить счастье, что счастье – это нечто большее, чем просто эмоция («*Finding happiness means remembering the importance of home, family and being there for each other*» [14]). Третий по популярности глагол *to depend* (зависеть) указывает на то, что счастье зависит от наших мыслей, поступков и ценностей, которым мы стремимся следовать («*Your happiness depends a lot more on the principles that you choose to follow*» [13]).

Поиск по сочетанию *глагол + happiness* был произведен для анализа роли счастья в качестве объекта. Были выявлены следующие примеры (табл. 3).

Табл. 3. Результаты анализа глаголов с лексемой *happiness*
Table 3. Results of the analysis of verbs with the word *happiness*

Количество упоминаний	Примеры
Более 300	<i>Find</i> (538)
100–300	<i>Buy</i> (160); <i>pursue</i> (153); <i>bring</i> (149)
50–100	<i>Achieve</i> (59)

Всего упоминаний 1692 (473 уникальных), и почти треть из них – это употребления лексемы с глаголом *to find* (находить). При этом данный глагол имеет семантику результата, а не процесса поиска (*to discover something or someone that you have been searching for* [12]). Можно предположить, что концепт HAPPINESS осмысливается как нечто конечное, цель или результат, то, к чему человек стремится («*Staying in the present has allowed me to find happiness, even when facing uncertainty*» [13]). В приведенном примере в фокусе внимания оказывается обретение счастья в непростых жизненных ситуациях, и здесь счастье осмысливается как нечто большее, чем эмоция.

Почти в одинаковом количестве встречаются глаголы *to buy* (покупать), *to pursue* (преследовать), *to bring* (приносить). Сочетание лексем *buy* и *happiness* наводит на мысль о том, что счастье все-таки можно купить, однако если рассмотреть примеры, то открывается совершенно другая картина: «*We think we can buy happiness, buy a cure or relief of our symptoms, but we can't*»; «*Money can't buy happiness*» [13]. Можно предположить, что в английской картине мира счастье не купишь, ведь счастье – это не вещь, а нечто абстрактное, эмоция, ощущение, состояние. Однако что-то или кто-то может принести счастье в нашу жизнь («*Volunteering can also bring happiness*» [13]).

Исходя из приведенных данных, в большинстве случаев счастье находят, покупают, что-то (не кто-то) счастье приносит, к счастью стремятся и счастье достигают. При анализе сочетания *buy happiness* следует обратить внимание на то, что в корпусах современных британских и американских текстов представлены только отрицательные примеры: счастье купить нельзя, за деньги счастье не купишь, материальные блага счастья не приносят.

При поиске сочетания *happiness + существительное (или существительное + happiness)* было выявлено самое большое количество примеров (табл. 4). Поиск по данному сочетанию позволил показать то, с чем еще современные носители английского языка сопоставляют счастье.

Табл. 4. Результаты анализа лексемы *happiness* с существительными
Table 4. Results of the analysis of the word *happiness* with nouns

Количество упоминаний	Примеры
Более 300	<i>Health</i> (336)
200–300	<i>Love</i> (282), <i>joy</i> (263), <i>life</i> (224), <i>peace</i> (213)
100–200	<i>Level</i> (142), <i>success</i> (141), <i>people</i> (111), <i>chance</i> (105), <i>safety</i> (104)

Всего упоминаний 5433. Как видно из примеров выше, со счастьем, в первую очередь, сопоставляют здоровье, любовь, радость, жизнь и мир. Не зря так часто можно встретить

пожелания «счастья и здоровья», «счастья и любви», «счастья и радости» – эти понятия неразрывно связаны друг с другом. Счастье сопоставляется с важными категориями жизни человека: «*We can't underestimate the link between health and happiness. It's hard to be happy if you're not feeling your best*» [14]. Для большинства людей счастье приходит с хорошим здоровьем, счастье находят в любви, счастье ощущают в мире.

Понятие счастья также тесно связано с такими категориями, как *успех*, *люди* и *безопасность*. Понятие *шанса*, которое встречается в сочетании со счастьем в 105 контекстах, не случайно является частотным: одним из компонентов концепта HAPPINESS является *удача*, который также является компонентом концепта CHANCE (*the way something happens because of luck, or without being planned* [11]). Сочетание с уровнем (*level*) может говорить либо об интенсивности ощущения счастья (очень счастлив/не очень счастлив), либо о количественном признаке концепта (много счастья/мало счастья): «*have you always felt about the same level of happiness, or have you been through a period when you felt exceptionally happy or unhappy?*» [13]. Таким образом, счастье не является абсолютным понятием, оно может быть разным по интенсивности, количеству и даже качеству.

Последнее сочетание *прилагательное* + *happiness* позволило показать то, какими когнитивными признаками обладает концепт HAPPINESS (табл. 5).

Табл. 5. Результаты анализа леммы happiness с прилагательными
Table 5. Results of the analysis of the word happiness with adjectives

Количество упоминаний	Примеры
Более 200	<i>True</i> (250), <i>great</i> (207)
100–200	<i>Human</i> (168), <i>personal</i> (129)
50–100	<i>Eternal</i> (82), <i>real</i> (75), <i>future</i> (68), <i>national</i> (56), <i>little</i> (52)

Всего в корпусе найдено 2166 сочетаний, уникальных – 631. Самое частотное сочетание с прилагательными *истинный* (*true*) и *великий*, *большой* (*great*). Вероятно, критерий истинности счастья становится самым важным для современного англоговорящего человека: «*True happiness is about accepting and embracing the frailty of life*»; «*I want to remind him that money is not the source of true happiness*» [14]. Также на первый план выходит человеческое (*human*) и личное (*personal*) счастье, что доказывает тот факт, что счастье – это, в первую очередь, про человеческое, счастье осмысливается через внутреннее состояние («*The ability to experience empathy is the secret to personal happiness*» [13]).

Счастье также осмысливается в более глобальном представлении, об этом говорят такие признаки, как будущее (*future*) и национальное (*national*) счастье. Будущее счастье может говорить и о представлении счастья как конечной цели, важности счастья для будущего.

Заключение. Приведем выводы, сформированные по результатам анализа номинативного поля концепта HAPPINESS, и предположения о характере развития концепта в диахронии.

1. Со среднеанглийского по новоанглийский период (современный английский) изменяется состав как ядра концепта, так и его периферии. Ядро концепта HAPPINESS в среднеанглийский период составляли такие компоненты, как *блаженство*, *счастье*, *благодать*, *веселье*. Ядро концепта HAPPINESS в новоанглийский период составляют компоненты *счастье*, *удовольствие*, *удовлетворение* и *удача*. Очевидно, что отношение людей к

счастью поменялось, носители английского языка начинают по-другому интерпретировать счастье в своем сознании и понимать его как нечто более приземленное, реальное и достижимое. Возможно, развитие технологий и массового производства изменило представление о счастье как о чем-то более доступном, материальном и еще более важном в реальной, земной жизни.

2. Корпусный анализ, используемый для выявления периферийных компонентов концепта HAPPINESS и его когнитивных признаков, позволил описать особенности концепта и его развитие в диахронии. В среднеанглийский период концепт HAPPINESS соотносится с такими концептами, как *НЕБЕСА, РАДОСТЬ, БОГ, БЛАЖЕНСТВО, РАЙ*. Когнитивные признаки концепта: *размер* (большой, великий), *длительность* (вечный), *принадлежность* (земной). Также HAPPINESS осмысляется как то, что можно *принести, иметь, пребывать в состоянии* счастья, и счастье может *прийти*. В современный период развития английского языка концепт соотносится с такими концептами, как *ЗДОРОВЬЕ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ЖИЗНЬ, МИР, УРОВЕНЬ, УСПЕХ, ЛЮДИ, ШАНС, БЕЗОПАСНОСТЬ*. Когнитивные признаки: *реальность* (истинный, реальный), *размер* (великий, маленький), *принадлежность* (человеческий, личный, национальный, внешний), *длительность* (будущий). Также концепт осмысляется как объект действия (*находить, покупать, приносить, достигать*) и субъект действия (*приходит, означает, зависит от, делает*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 28–30 сент. 2016 г. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
2. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
3. Нильсен Е. А., Малышева Е. А. Отражение концепта HAPPINESS в текстах СМИ (на материале корпусных данных) // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 348–354.
4. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VII. С. 13–18.
5. Филимонова О. Е., Хомякова Е. Г. Категория эмотивности в контексте современной когнитивной лингвистики // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. Вып. 3. С. 184–189.
6. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
7. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–43.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
9. Middle English Dictionary. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all> (дата обращения: 08.03.2023).
10. Murray J. The Oxford English Dictionary. Vol. 1–20. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989.
11. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 08.03.2023).
12. Middle English Prose and Verse. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/> (дата обращения: 13.03.2023).
13. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 14.03.2023).

14. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 14.03.2023).

15. Etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 08.03.2023).

Информация об авторах.

Нильсен Евгения Александровна – доктор филологических наук (2015), профессор (2016), заведующая кафедрой английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: разрабатываемое научное направление – диахроническая концептология, анализ способов репрезентации темпорального сознания в языке, исследования эволюционирующих концептуальных систем, а также способов проецирования концептуальных кластеров на словарный состав языка в различные периоды его развития.

Окулова Елизавета Алексеевна – ассистент кафедры английской филологии и перевода, аспирантка кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 14 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, концепты, диахронические аспекты языка, корпусная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.05.2023; принята после рецензирования 21.06.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Boldyrev, N.N. (2016), "The typology of concepts and linguistic interpretation", *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke* [New Russia: traditions and innovations in language and language science], Moscow, Ekaterinburg, RUS, Sept. 28–30 2016, pp. 16–25.
2. Stepanov, Yu.S. (2007), *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. The thin film of civilization], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, RUS.
3. Nilsen, E.A. and Malysheva, E.A. (2021), "HAPPINESS concept in media texts (Based on Corpus Data)", *Cognitive Studies of Language*, vol. 4 (47), pp. 348–354.
4. Kubryakova, E.S. (2010), "On the status of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in the research of world categorization and conceptualization processes", *Cognitive Studies of Language*, vol. VII, pp. 13–18.
5. Filimonova, O.E. and Khomyakova, E.G. (2012), "The category of emotivity in the context of modern cognitive linguistics", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism*, iss. 3. pp. 184–189.
6. Krasavskii, N.A. (2008), *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures], Gnozis, Moscow, RUS.
7. Shakhovskii, V.I. (2009), "Emotions as an object of research in linguistics", *J. of psycholinguistics*, no. 9, pp. 29–43.
8. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], AST: Vostok-Zapad, Moscow, RUS.
9. *Middle English Dictionary*, available at: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all> (accessed 08.03.2023).
10. Murray, J. (1989), *The Oxford English Dictionary*, vol. 1–20, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
11. *Cambridge Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 08.03.2023).

12. *Middle English Prose and Verse*, available at: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/> (accessed 13.03.2023).

13. *Corpus of Contemporary American English*, available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 14.03.2023).

14. *British National Corpus*, available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 14.03.2023).

15. *Etymology dictionary*, available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed 08.03.2023).

Information about the authors.

Evgeniia A. Nilsen – Dr. Sci. (Philology, 2015), Professor (2016), Head of the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: developing of the scientific field – diachronic conceptology, analysis of ways of representing temporal consciousness in language, research of evolving conceptual systems, as well as ways of projecting conceptual clusters onto the vocabulary of a language in different periods of its development.

Elizaveta A. Okulova – Assistant Lecturer at the Department of English Philology and Translation, Postgraduate at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 14 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, cognitive semantics, concepts, diachronic aspects of language, corpus linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.05.2023; adopted after review 21.06.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 811.161.1; 316.772
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-150-166>

Методы построения успешной чат-бот коммуникации в дискурсе продаж в сфере цифровых товаров (мобильные телефоны) на примере английского и русского языков

Анна Андреевна Смирнова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
Smirnova_a.a.spb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1392-2832>*

Введение. Процессы цифровизации в последнее десятилетие активно проникают в жизнь современного человека. Искусственный интеллект в различных формах и форматах создает новое лингвистическое знание о процессе коммуникации. Появляются новые особенности и правила речевого взаимодействия в различных видах сетевого дискурса, но неискоренимыми остаются проблемы достижения успешности речевых актов, выстраиваемых через чат-боты. Особенно остро данная проблема стоит в сфере рекламы и PR, где коммуникация с целевыми аудиторами и целевыми группами общественности является одним из важнейших инструментов достижения целей компании.

Методология и источники. Предварительная оценка эффективности и потенциала чат-бот коммуникации обуславливает необходимость подобного исследования. Методом лингвистического моделирования можно создать условия и прописать определенные «правила» успешного взаимодействия человека и чат-бота. Чтобы создать модели для русскоязычной и англоязычной сферы требуется проведение фрейм-анализа и построение концептов понятий, доминирующих в рекламном дискурсе, точнее, его разновидности: дискурсе продаж в сфере цифровых товаров (сотовые телефоны). Для этого необходимо провести корпусный анализ текстов: будут проанализированы тексты устной и письменной речи в корпусе, собранном самостоятельно, и результаты выборки в корпусах «NOW» (в English-corpora) и НКРЯ. Также для составления моделей потребуется проведение коммуникационного и конверсационного анализов.

Результаты и обсуждение. В качестве результатов исследования в статье представлены не только возможные коммуникативные модели, функционирующие в дискурсе продаж в сфере цифровых товаров (сотовые телефоны) и приводящие наибольшее количество речевых контактов к успешности, но и универсальный алгоритм для разбора чат-бот коммуникации в других дискурсах. В ходе исследования удалось получить подтверждения предположению о значительной разнице англоязычной и русскоязычной моделей достижения успешности речи в чат-бот коммуникации.

Заключение. Подготовка коммуникативной модели, актуализированной с точки зрения определенного дискурса, и сопоставление данных исследования через материалы двух языков поможет выявить для каждой области сходства и различия, и в том числе обеспечит повышение эффективности коммуникационного процесса, выстраиваемого через чат-боты в бизнес-среде.

© Смирнова А. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: чат-бот коммуникация, дискурс, построение фрейма, концепт, конверсационный анализ, речевой акт, успешность

Для цитирования: Смирнова А. А. Методы построения успешной чат-бот коммуникации в дискурсе продаж в сфере цифровых товаров (мобильные телефоны) на примере английского и русского языков // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 150–166. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-150-166.

Original paper

Methods for Building Successful chatbot Communication in the Discourse of Sales in the Field of Digital Goods (Mobile Phones) on the Example of English and Russian Language Materials

Anna A. Smirnova

*Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia,
Smirnova_a.a.spb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1392-2832>*

Introduction. Digitalization processes have been actively penetrating the life of a modern person in the last decade. Artificial intelligence in various forms and formats creates new linguistic knowledge about the communication process. By creating new features and rules of speech interaction in various types of network discourse, the problems of achieving the success of speech acts built through chatbots remain ineradicable. This problem is especially acute in the field of advertising and PR, where communication with target auditors and target groups of the public is one of the most important tools for achieving the company's goals.

Methodology and sources. A preliminary assessment of the effectiveness and potential of chatbot communication necessitates this. Using the method of linguistic modeling, you can create conditions and prescribe certain “rules” for successful interaction between a person and a chatbot. To create models for the Russian-speaking and English-speaking spheres, it is necessary to conduct a frame analysis and construct concepts of concepts that dominate in advertising discourse, or rather its variety: the discourse of sales in the field of digital goods (cell phones). To do this, it is necessary to conduct a corpus analysis of texts: the texts of oral and written speech in the corpus collected independently will be analyzed, and the results of the sample in the NOW corpora (in English-corpora) and NCRL will be analyzed. Also, for the compilation of models, communication and conversion analyzes will be required.

Results and discussion. As a result of the study, the article presents not only possible communication models that function in the discourse of sales in the field of digital goods (cell phones), as well as leading the greatest number of speech contacts to success, but also a universal algorithm for parsing chatbot communication in other discourses. In the course of the study, it was possible to obtain confirmation of the assumption of a significant difference between the English-language and Russian-language models of achieving speech success in chatbot communication.

Conclusion. Preparation of a communication model updated from the point of view of a certain discourse and comparison of research data through the materials of two languages will help to identify similarities and differences for each area, and, among other things, will ensure an increase in the efficiency of the communication process built through chatbots in a business environment.

Keywords: chatbot communication, discourse, framing, concept, conversational analysis, speech act, success

---

For citation: Smirnova, A.A. (2023), "Methods for Building Successful chatbot Communication in the Discourse of Sales in the Field of Digital Goods (Mobile Phones) on the Example of English and Russian Language Materials", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 150–166. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-150-166 (Russia).

Введение. Проблема формирования успешного коммуникационного акта в сети Интернет в последнее десятилетие особенно остро стоит перед бизнес-средой, поскольку от эффективности коммуникации зависят привлечение потребителей к покупке, их желание стать лояльными пользователями торговой марки, т. е. увеличение прибыли самой организации.

Бизнес-среда, используя рекламные и PR-технологии, выстраивает коммуникационный процесс с целевыми аудиториями и целевыми группами общественности для улучшения собственного имиджа, увеличения лояльности к торговой марке, что в конечном итоге ведет к максимизации прибыли как материального аспекта деятельности и публичного капитала [1] как нематериального актива. Однако, используя современные технические устройства, компании сосредотачивают свое внимание на механизме формирования спроса и предложения, исключая важный лингвистический аспект: особенности протекания речевого акта и вероятность его успешного завершения.

В коммуникологии в рамках одного из подходов исследователи описывают коммуникацию как «многомерную систему» [2] с выявлением присущих любой ее форме механизмов устойчивых связей и отношений, что позволяет проецировать ее на любой вид реальной коммуникации, оценивать влияние на все объекты и процессы, в том числе и технологические аспекты. В теории речевых актов акцентируется внимание на двух понятиях: «успешность» и «неуспешность» речевого акта, которые определяют эффективность коммуникации. Исследованием этого вопроса занимались такие известные лингвисты, как Дж. Остин и Г. П. Грайс [3, 4]. Коммуникация как единое связующее звено между элементами речепорождения и речевосприятия с когнитивными и прагматическими особенностями внешнего взаимодействия вводит «комплексное воздействие на внешнее когнитивное состояние как главную целевую причину любого семиотического акта» [5, с. 11]. Эти особенности отражаются в ментальных моделях дискурса, которые помогают коммуникантам достигать интенции в речевом акте. Т. А. ван Дейк указывает, что ментальные модели составляют «базис всех жанров дискурса, основанный на репрезентации таких важных событий, как разговоры, истории или новости» [6, с. 587].

Интернет-лингвистика и сетевой дискурс усложнены опосредованными коммуникационными и когнитивными аспектами [7, с. 82–83]. В Интернете коммуникативный акт может происходить не только между людьми, но и между людьми и системами искусственного интеллекта, которые не имеют когнитивного опыта, а значит не могут подстраиваться под ментальные модели коммуниканта и удовлетворять его интенцию. Конечно, в первом виде искусственного интеллекта (голосовых помощниках) – программах, способных обучаться в процессе коммуникации [8], можно увидеть схожие черты с когнитивными особенностями в процессе речепорождения и речевосприятия: программа может говорить про эмоции и чувства («Обидненько», – голосовой помощник «Алиса»), обучаться нормам речи (например, искоренять из употребления нецензурную лексику и некоторые шутки) и т. д. Это не проявление когнитивных особенностей в полной мере, но попытка наделить искусственный

интеллект человеческими чертами. Другой аспект, который скрывается в чат-ботах, функционирует в социальных сетях. Чат-боты имеют ограниченный функционал и не способны обучаться в процессе коммуникации, а значит в таких речевых актах могут быть допущены ошибки, приводящие к неуспешному его завершению [8]. Голосовые помощники по сравнению с чат-ботами требуют больших финансовых затрат и человеческих ресурсов (работу IT-специалиста, лингвиста, маркетолога, рекламиста), тогда как чат-бот с конечным алгоритмом может быть настроен одним человеком в любой социальной сети без существенных финансовых вложений. Однако отсутствие должного внимания к особенностям лингвистического построения коммуникативного акта через чат-бот на практике приводит к финансовым и имиджевым проблемам компании, поскольку интенция участника коммуникации или удовлетворяется не в полной мере, или совершенно не удовлетворяется, аккумулируя негативный опыт взаимодействия с таким видом искусственного интеллекта. Данная проблема находит решение в построении лингвистических моделей коммуникации в чат-ботах.

Методология и источники. Для того чтобы разобраться в этом вопросе детально, стоит рассмотреть определенный дискурс, провести его анализ с применением отдельных лингвистических методик, а также рассмотреть примеры функционирующей в данном дискурсе чат-бот коммуникации. Важным фактором будет являться сопоставление двух языковых парадигм: англоязычной и русскоязычной, поскольку выстраиваемые модели могут иметь существенные различия ввиду разницы когнитивных и социолингвистических особенностей речепорождения и речевосприятия. Методика анализа универсальна для любого дискурса, однако интерпретация полученных данных поможет выстроить для каждого дискурса индивидуальную модель, способствующую успешному завершению коммуникативных актов.

Для изучения особенностей дискурса необходимо провести корпусное исследование текстов, функционирующих в этом дискурсе, что поможет выявить частотные лексемы, вокруг которых необходимо выстроить концептосферу с определением частотной терминосистемы, характерной для данного дискурса. Фрейм-анализ в этом случае поможет грамотно подойти к решению поставленного вопроса, т. е. выявить пересечения коллокатов.

Корпусное исследование текстов следует проводить в два этапа. Первый – составление корпуса сетевых текстов, функционирующих в поле изучаемого дискурса. Итогом корпусного анализа первого этапа становится определение самых частотных лексем.

Вторым этапом является составление фреймов из существующего корпуса текстов: для англоязычного сегмента – корпус NOW (News on the Web или NOW), который содержит 14,4 млрд слов, причем все слова являются данными из интернет-газет и журналов. Тексты, представленные в корпусе, собираются с 2010 г. по настоящее время [9]. Акцент на сетевой характер дискурса поможет в последующем составить более детальную характеристику исследуемой терминосистеме.

В русскоязычной сфере стоит обратить внимание на Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) и Национальный корпус русского языка (НКРЯ). ГИКРЯ открыт в 2013 г., содержит более 20 млрд слов. Он создан при помощи полностью автоматической технологии сбора и разметки текстов из Рунета и основан на современных достижениях компьютерной лингвистики [10]. НКРЯ – это «представительная коллекция текстов на

русском языке общим объемом более 2 млрд слов, оснащенная лингвистической разметкой и инструментами поиска» [11].

Многие лингвисты, в частности В. А. Райскина, О. А. Дубнякова, Л. А. Кочетова, И. В. Кононова, Т. А. Клепикова, Е. Ю. Ильинова, считают, что «методы корпусного анализа текста позволяют значительно повысить эффективность исследовательской деятельности ввиду автоматизированной системы отбора, обработки и вывода результатов» [12, с. 153], поскольку «в корпусной лингвистике исследователи анализируют ключевые слова корпуса» [13, с. 66], которые удовлетворяют критериям сбалансированности и репрезентативности. А применение компьютерных программ для исследования помогает исключить человеческий фактор и открывает «возможности для получения объективных данных об общих и вариативных дискурсивных моделях в разных коммуникативных ситуациях» [14, с. 68].

Фрейм-анализ – это способ систематизации данных, полученных в ходе исследования корпуса по определенному дискурсу. «В основе фреймового анализа лежит представление о том, что в семантике лексической единицы в той или иной степени фиксируется определенный фрейм как некоторая структура данных, в которых отражены приобретенные в результате предыдущего опыта знания о некоторой стереотипной ситуации» [15, с. 103].

Выявляя слоты и их пересечения, можно получить терминосистему, функционирующую в данном дискурсе с точки зрения когнитивного опыта его участников. Терминосистема поможет выявить особенности интенции участников коммуникации. Трансформация в концептосферу даст возможность исследователю акцентировать внимание на когнитивных особенностях и дополнит ментальные модели этого дискурса.

Проанализировать чат-бот коммуникацию можно через методику конверсационного анализа. Конверсационный анализ был впервые разработан в начале 1960-х гг. Г. Саксом. [16]. Данная методика предполагает анализ эмпирического материала (текстов диалогов), выявление иллокутивно-вынужденных или иллокутивно-вынуждающих реплик, определение аджессивности (смежности) пар. Анализ конкретного речевого материала является индуктивным методом и помогает выявить ошибки при построении речевого акта. Конверсационный анализ также предполагает определение стратегии и тактики коммуникации, что наделяет речевой акт определенными предписанными нормами, которые должны быть соблюдены.

Результаты и обсуждение. Для обеспечения корректности данных необходимо рассмотреть определенный дискурс. По классификации В. И. Карасика нас будут интересовать следующие виды дискурсов: институциональные (рекламный, деловой, массово-информационный, сетевой) и персональный (бытовой) [17, с. 208], которые обуславливают появление нового, отдельного вида или подвида дискурса продаж (ввиду возникновения коммуникативной ситуации), такого как дискурс продаж в сфере цифровой техники (сотовых телефонов). Необходимо рассмотреть функционирование коммуникации в данном дискурсе.

Первым шагом стало составление двух корпусов: англоязычного и русскоязычного. Тексты для корпусов были отобраны в сети Интернет за последние 10 лет: с 2013 по март 2023 г. Важным аспектом можно считать отнесение текстов в категорию СМИ или PR. Каждый корпус состоит из 20 текстов. Общее количество слов в англоязычном корпусе составляет 11 376, в русскоязычном – 10 983. Рассмотрим полученные результаты.

Самыми частотными лексемами, которые упоминаются в англоязычном корпусе, стали «mobile», «phone» и их вариации. В русскоязычных текстах частотными выступили «телефон» и «смартфон». Сводим данные в небольшую схему (рис. 1).

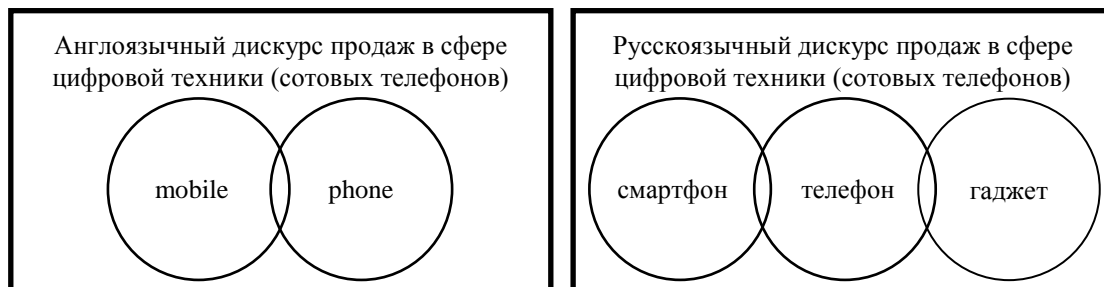

Рис. 1. Схематичное изображение результатов исследования двух корпусов текстов
Fig. 1. Schematic representation of the results of the study of 2 corpora of texts

Для более углубленного изучения специфика проведем фрейм-анализ. Сначала составим фрейм для термина «mobile». Слоты фрейма занимают частотные существительные, прилагательные, глаголы, наречия, предлоги и т. д. Через корпус текстов NOW рассмотрим частотные существительные, которые находятся в позиции до искомого слова и после искомого слова с шагом ± 1 . Такой шаг помогает уменьшить количество употребляемых слов между искомыми коллокациями. Систематизируем данные в таблицу (табл. 1).

Табл. 1. Фрейм-анализ лексемы «mobile»: имя существительное
Table 1. Frame analysis of the lexeme “mobile”: noun

№	NOUN-1	F
1	ANDROID	3982
2	GENERATION	704
3	CONSUMER	651
4	APPLE	542
5	FLAGSHIP	529
6	THINGS	482
7	ENTERPRISE	441
8	WIRELESS	434
9	POLITICO	418
10	QUALITY	395

№	NOUN+1	F
1	APP	7420
2	PHONE	2333
3	DEVICES	1884
4	PHONES	1729
5	APPLICATION	1629
6	GAME	1431
7	OPERATING	1167
8	APPS	955
9	DEVICE	788
10	GAMES	574

F означает частоту упоминания данного сочетания в контекстах корпуса. NOUN-1 указывает на то, что слово стоит до исследуемой лексемы, а NOUN+1 – после. Самым первым по частотности выделяется сочетание ANDROID+mobile. ANDROID – это операционная система для смартфонов, планшетов, электронных книг и других цифровых устройств [18, с. 7]. Помимо указания на конкретную торговую марку операционной системы, в данном столбике есть существительное, указывающее на распространенный портфель брендов, – компанию APPLE. Частота упоминаний со словом «mobile» составляет 542, что обеспечивает 4 позицию в списке [10].

В категории NOUN+1 следует отметить сочетание с ранее выявленной лексемой «phone», частотность которой составляет 2333 упоминаний в контекстах корпуса. Для более

корректного исследования нужно будет проверить сочетаемость коллокатов и найти их пересечения. В этом столбике представлены в основном технические сочетания, направленные на внутреннюю составляющую телефонов и на программное обеспечение: APP, DEVICE, GAME, тогда как в противоположном столбце – то, что окружает данную лексику в макромире: CONSUMER, ENTERPRISE, POLITICO, QUALITY и т. д. [10].

В аналогичном ключе проанализированы все части речи в соотношении с искомым коллокатом. Так, частотными глаголами в сочетании с «mobile» стали: WORKING (348), USE/USING (481), GO/GOING (707); прилагательное REGISTERED (6930) и DIGITAL (60), наречия HOME (1356) и NOW (235) [10].

При проведении подобных исследований с лексемой «phone» сочетания с именами существительными показывают определенное сходство с анализом предыдущей лексики, что подробно представлено в табл. 2.

Табл. 2. Фрейм-анализ лексики «phone»: имя существительное
Table 2. Frame analysis of the lexeme “phone”: noun

№	NOUN-1	F
1	LAPTOPS	37 018
2	TABLETS	12 259
3	COMPUTERS	5037
4	DRONES	1368
5	CAMERAS	1269
6	YEAR	1183
7	INTERNET	1072
8	APPLE	978
9	PEOPLE	975
10	ANDROID	872

№	NOUN+1	F
1	CELL	34 570
2	ANDROID	18 716
3	PIXEL	6117
4	FEATURE	5243
5	FLAGSHIP	5009
6	GALAXY	3498
7	5G	3178
8	CAMERA	2786
9	SERIES	2697
10	MILLION	2240

Коллокат ANDROID присутствует как в правом, так и в левом столбце, только частотность употребления в сочетании с «phone» выше после «phone+ANDROID» (18 716). Вместо торговой марки APPLE присутствует указание на один из брендов компании SAMSUNG: GALAXY (частота употребления 3498). А CONSUMER здесь представлено в сочетании «PEOPLE+phone». Стоит отметить, что левый столбец несет в основном информацию о связанных технических устройствах: LAPTOPS, DRONES и прочих, тогда как в правом представлены характеристики самого устройства: CELL, 5G, FLAGSHIP и т. д. В сочетании «phone» с глаголом можно выявить пересечение с ранее рассмотренным фреймом «mobile» в коллокатах WORKING (1273), USE/USING/USED (20 316). Самыми частотными прилагательными в сочетаемости с искомой лексемой будут MOBILE (148 812) и SMART (15 305) [10].

Систематизируем данные в схематичном изображении (рис. 2).

Самое обширное пересечение коллокатов за глаголами: они являются самыми частотными по сочетаемости с лексемами. Глаголы выходят за рамки пересечения, поскольку являются общеупотребительными. Далее существительное FLAGSHIP и наречие DIGITAL – они находятся внутри круга, поскольку имеют узкую спецификацию. Также они объединяют в себе цепочку ANDROID–SAMSUNG–GALAXY. Поскольку на базе данной операционной системы работают многие компании, можно считать более крупным термином ANDROID, а самым небольшим – одну линейку смартфонов.

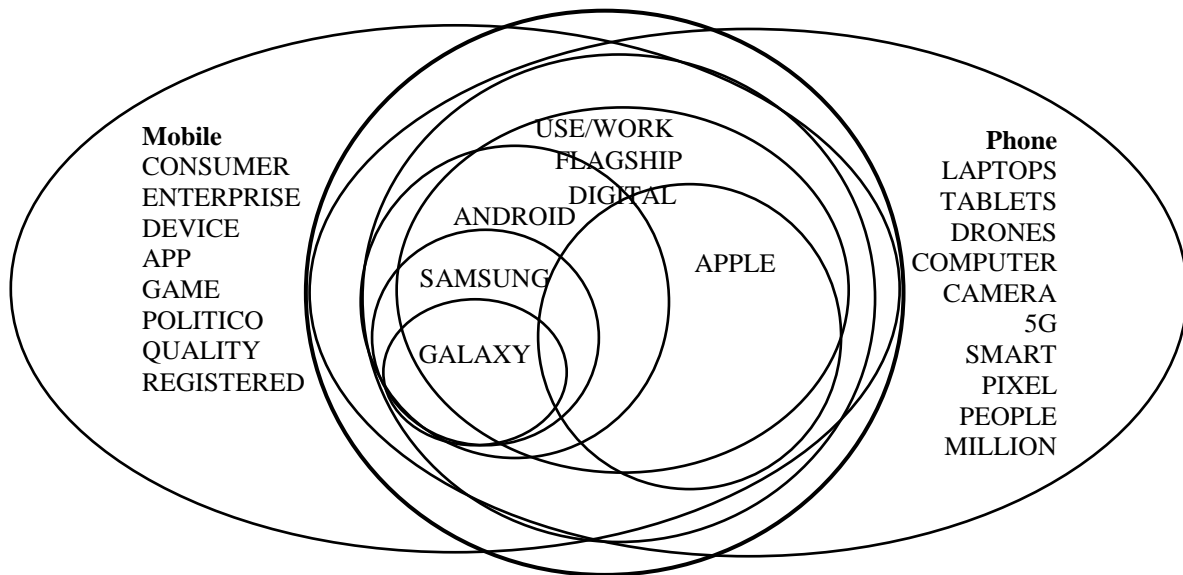

Рис. 2. Изображение терминосистемы «mobile» и «phone»
Fig. 2. Image of terminological system “mobile” and “phone”

При выявлении особенностей терминосистемы необходимо раскрывать коллокации для поиска важных пересечений. Так, схему можно дополнить следующим образом (рис. 3).

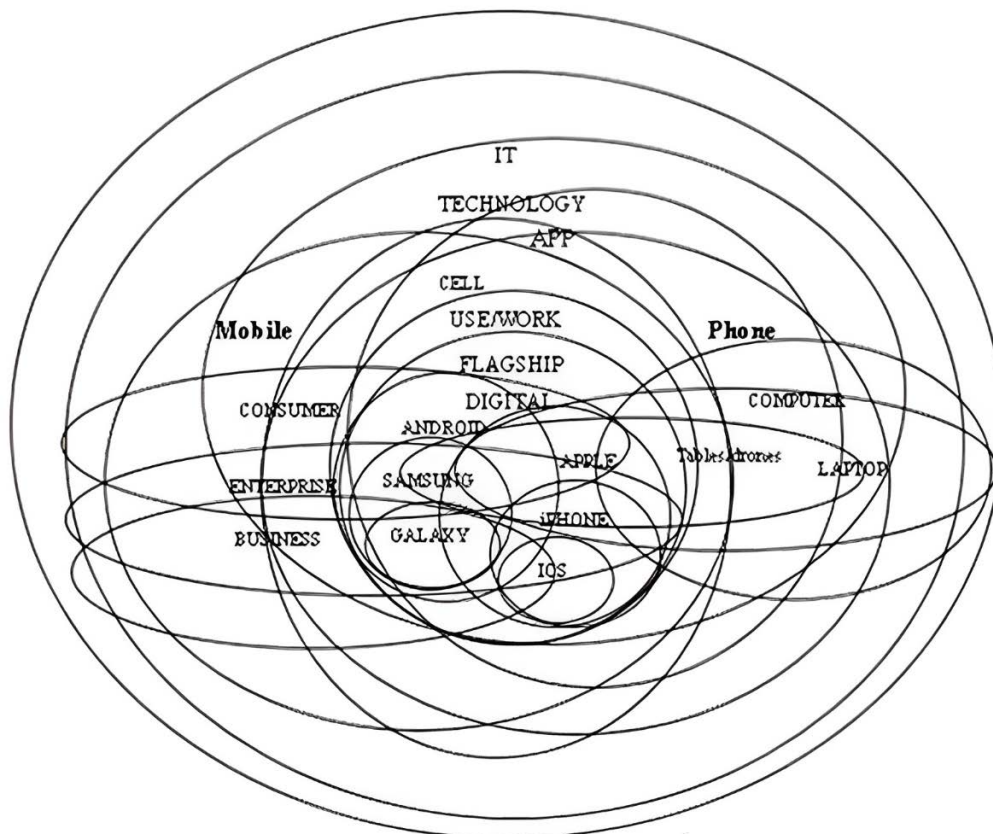

Рис. 3. Терминосистема «mobile» и «phone»
Fig. 3. The term system “mobile” and “phone”

В расширенном представлении мы имеем дело с концептом ИТ, в котором находится более узкий концепт TECHNOLOGY (=«technique»). Концепт MOBILE содержит основной

ориентир на бизнес-сегмент, тогда как концепт PHONE в большей степени содержит пересечения с TECHNOLOGY в виде различных девайсов и гаджетов (LAPTOPS, DRONES). Есть общие концепты: APP и CELL, которые выходят за пределы MOBILE и PHONE.

Внутри пересечения концептов разместились два больших слота – ANDROID и APPLE. LAPTOPS и более широкое COMPUTERS пересекаются с SAMSUNG и APPLE, поскольку каждая из фирм производит не только смартфоны, но и планшеты, компьютеры и их части, ноутбуки. Схема ANDROID идет от операционной системы к определенной линейке смартфонов конкретного производителя, тогда как более широкую позицию в другом круге занимает концепт APPLE как компания, которая создала определенный вид смартфонов iPhone, а они в свою очередь имеют операционную систему IOS.

Сложность данной концептосферы заключается в обилии технической и маркетинговой лексики. Маркетинговая лексика идет из сферы продажи технических товаров. Сам процесс коммуникации усложняется обилием технических терминов и желанием компании «получить прибыль».

Работа с русскоязычными корпусами ГИКРЯ и НКРЯ шла по аналогии. Были получены результаты, схематично представленные на рис. 4.

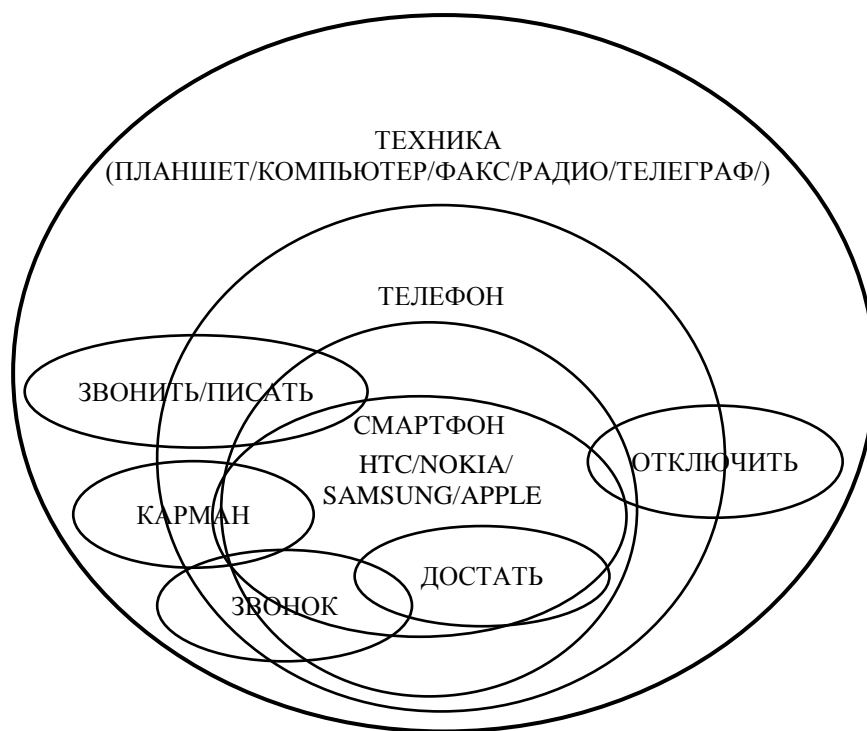

Рис. 4. Терминосистема «смартфон» и «телефон» в русскоязычных корпусах
Fig. 4. The term system “smartphone” and “telephone” in Russian-language corpora

В русскоязычных корпусах встречаются довольно интересные сочетания. Например, можно отметить коллокат «карман», который есть как в корпусе ГИКРЯ, так и в корпусе НКРЯ с лексемами «смартфон» и «телефон». И в первом и во втором корпусе большое количество коллокатов употребляется с лексемой «телефон», тогда как сочетания с лексемой «смартфон» встречаются гораздо реже. Телефоны бывают домашние, рабочие, мобильные, служебные, смартфоны же не имеют такой большой линейки прилагательных. Также присутствует интерес к «титановым» и «золотым» смартфонам (корпус ГИКРЯ) – вероятнее

всего, речь идет о корпусе [10]. Встречается и русифицированный вариант написания операционной системы «андроид»: торговые марки NOKIA и HTC, а также SAMSUNG и APPLE [10, 11].

Таким образом, терминосистема базируется на концепте «техника». Основным концептом внутри «техники» будет являться «телефон», в который входит более узкий концепт «смартфон». Присутствие конкретных торговых марок указывает на определенную маркетинговую составляющую – привлечение прибыли организациями. Тогда как в англоязычном дискурсе большой пласт коллокатов представлен именами существительными, в русскоязычных текстах наравне с существительными выделяются глаголы. Глаголы «звонить» и «писать» указывают на непосредственный функционал мобильных устройств, а «достать» и «отключить» – действия, которые совершает пользователь, по отношению к девайсу. Присутствуют негативно окрашенные коллокаты «красть», «испортить», «следить», но ввиду их редкого употребления они не детализированы в данной схеме.

Так, оба проанализированных корпуса имеют схожие черты и некоторые различия. Проанализируем примеры чат-ботов на русском и английском языках, чтобы увидеть, как выстраиваются речевые акты и имеют ли они особенности, связанные с проанализированной ранее спецификой дискурса.

Рассмотрим два чат-бота в разных социальных сетях. Первый бот англоязычный, расположен в социальной сети Facebook*. Бот принадлежит компании T-Mobile [19], занимающейся продажей мобильных телефонов.

В стартовом окне диалога с чат ботом пользователя встречает типовое окно с сообщением следующего содержания: «Coverage. Speed. Reliability. Welcome to T-Mobile where you can have it all on America's largest 5G network. How can we help you today?» [19].

В сценарии после данной реплики присутствует выбор: кнопка «I have a question. You can help?» и кнопка «I want to talk» [19].

Я: I have a question. You can help?

Бот: Thank you for contacting T-Mobile! Please verify your account so we can get started. This message may be stored. Learn more at t-mo.co/Privacy

Facebook Authentication

Кнопка «Please Authenticate»

Don't have an account?

Кнопка «I cant`t verify»

1) Я: I cant`t verify» [18].

2) Я: Please Authenticate» [18].

С этого момента диалог имеет две вариации: первая представляет собой отсутствие идентификации пользователя в системе, которая является платной; вторая – ввод на сайте логина и пароля и подтверждение учетной записи.

1) Бот: Thanks! We'll be with you as soon as possible.

Оператор: Hi Ann. Thank you for choosing to get help from T-Force today. I'm Margaret, I'm going to be your Magenta partner today. This is T-Mobile USA. Which T-Mobile are you looking for? MargaretDavis [19].

---

* Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.

Если не начать диалог с оператором, бот предложит выбор сценария: кнопка «I have a question. You can help?» и кнопка «I want to talk» [19].

Второй вариант представляет собой переход непосредственно на специфику деятельности компании (рис. 5).

Рис. 5. Скриншот коммуникационного окна с чат-ботом T-Mobile [20]
Fig. 5. Screenshot of the communication window with the “T-Mobile” chatbot

Во втором варианте пропущено несколько реплик, поскольку создать аккаунт на данном этапе с русскоязычными данными и оплатой российскими картами не представляется возможным. Дальнейший процесс коммуникации можно предположить исходя из данного изображения: через определенное время будут поступать предложения по покупке телефонов, пока коммуникант не определится с выбором.

Проанализируем процесс с применением технологии конверсационного анализа. Речевой акт имеет ряд иллокутивно-вынуждающих реплик, каждая из которых указывает на границы смежных пар: «Coverage. Speed. Reliability. Welcome to T-Mobile where you can have it all on America's largest 5G network. How can we help you today?». Кнопка «I have a question. You can help?» и кнопка «I want to talk» [19] – это самые первые иллокутивно-вынуждающие реплики. Здесь нет прямого указания на то, что коммуникация идет с ботом. Данный факт становится понятен только с появлением кнопок, обеспечивающих выбор реплики коммуниканту и дальнейший диалог с чат-ботом. Переключение на оператора присутствует в самом начале речевого акта через выбор сценария «I want to talk» [19] либо выстраивается автоматически при отсутствии верифицированного аккаунта в системе «Thanks! We'll be with you as soon as possible» [19]. Как первый, так и второй вариант переключения на оператора не имеют конкретного лингвистического указания на продолжение коммуникации с

человеком. Лишь логическое осмысление вариантов выбора реплик: кнопка «I have a question. You can help?» и кнопка «I want to talk», и последующее представление оператора помогают это понять: «HiAnn. Thank you for choosing to get help from T-Force today. I'm Margaret, I'm going to be your Magenta partner today. This is T-Mobile USA. Which T-Mobile are you looking for? MargaretDavis» [19].

Особый интерес также представляют смежные пары в основной специфике диалога, отраженные на рис. 5. Здесь присутствует изображение конкретной модели телефона, краткое описание и ряд иллюкутивно-вынуждающих реплик: «Select your phone», «See specs&features» «How much is it?» [19]. Данные особенности дают возможность проанализировать коммуникационную стратегию и тактику речевого акта. Коммуникативная стратегия и тактика связаны с ментальными моделями коммуниканта, которые, в свою очередь, играют важную роль в восприятии информации и удовлетворении интенции участников коммуникативного акта, поскольку «язык представляет собой окно в окружающий и духовный мир человека, в его интеллект, это средство доступа к тайнам мыслительных процессов» [21, с. 23].

Существует большое количество подходов к определению коммуникационных стратегий, однако основными можно считать самопрезентационную, манипулятивную и конвенциональную [22]. Для каждой стратегии характерно использование определенного набора коммуникативных тактик. Каждая тактика является элементом ментальной модели дискурса и помогает правильному восприятию коммуникации в чат-боте. При анализе языкового материала на примере чат-бота T-Mobile можно увидеть наличие всех трех тактик в разных аджессивных (смежных) парах [23].

В самой первой смежной паре присутствует стратегия самопрезентации: «Coverage. Speed. Reliability. Welcome to T-Mobile where you can have it all on America's largest 5G network. How can we help you today?» [19].

Манипулятивная стратегия в сопровождении конвенциональной используется в смежной паре с иллюкутивно-вынуждающими репликами «Select your phone», «See specs&features», «How much is it?» [19].

Каждая стратегия сопровождается определенным набором тактик. Например, для манипулятивной стратегии могут быть характерны такие тактики, как акцентирование положительной информации, обращения к эмоциям адресата, указания на перспективу, иллюстрирования. Тактика контрастного анализа и тактика разъяснения могут быть применены в конвенциональной стратегии, поскольку через нее можно показать преимущества товара. В самопрезентации бренда могут быть задействованы тактики гиперболизации, отождествления и иллюстрирования.

Коммуникационные стратегии и тактики также отражают специфику дискурса, выявленную по результатам корпусного исследования, фрейм-анализа и составления терминосистемы (концептосферы). Маркетинговая составляющая проявляется через манипулятивную стратегию, а обилие терминологии обуславливает наличие конвенциональной и самопрезентационной стратегий. Исходя из данных проведенного исследования, можно составить схему (рис. 6).

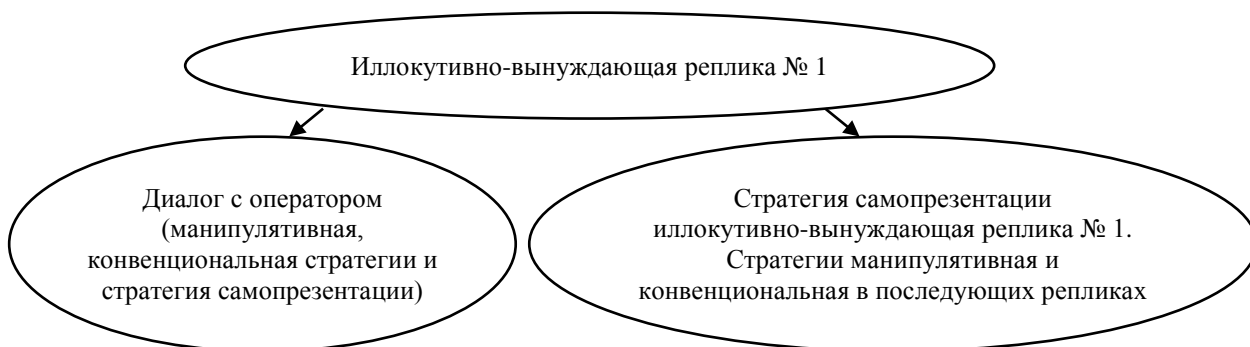

Рис. 6. Схема коммуникации через чат-бот англоязычного дискурса продаж в сфере цифровой техники (сотовых телефонов)

Fig. 6. Scheme of communication through the chatbot of the English-language sales discourse in the field of digital technology (cell phones)

В русскоязычном языковом сегменте проанализируем чат-бот от компании SAMSUNG, функционирующий в мессенджере «Телеграм» [24].

Анализ диалога с данным ботом проходил в том же ключе. Следует отметить, что в русскоязычном боте присутствует большое количество иллокутивно-вынуждающих реплик (7 и более) при каждой смежной паре. Манипулятивная стратегия не дает исполнить основную интенцию – купить продукт – без вмешательства оператора. Конвенциональная стратегия интегрирована в основное сообщение, из-за чего часть описания выглядит довольно массивно: от 27 слов, в дополнение к которым идут эмодзи, что перегружает и без того насыщенные сообщения. Есть иллокутивно-вынуждающая реплика для возврата назад, на стартовую страницу разговора.

Перегруженность информацией может негативно сказаться на маркетинговом аспекте дискурса продаж. Однако интуитивно разработчики данного бота следуют представленной в дискурсе информации: обилие глаголов в дискурсе = обилие действий в коммуникации. Речевой акт имеет общие черты англоязычной модели, однако вся конструкция перегружена информацией. Чтобы упростить систему, сделать ее более успешной, можно использовать следующую схему (рис. 7).

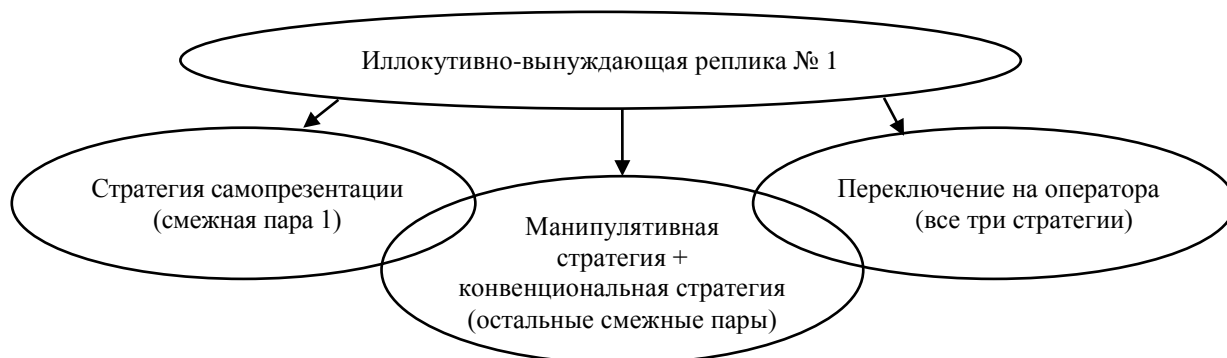

Рис. 7. Схема чат-бот коммуникации в русскоязычном дискурсе продаж в сфере цифровой техники (сотовых телефонов)

Fig. 7. Scheme of chatbot communication in the Russian-language discourse of selling cell phones

Заключение. Подводя итог проведенного исследования, отметим следующий важный факт: успешность коммуникации зависит от особенностей дискурса, выявленных в процессе корпусного исследования, фрейм-анализа и составления концептосферы, а также от

коммуникативной стратегии и тактик, определяющих иллюкутивно-вынуждающие реплики и аджессивные пары.

Англоязычный дискурс продаж в сфере цифровой техники (сотовых телефонов) представляется детально проработанным и выверенным, тогда как анализ русскоязычного корпуса указывает на ряд пробелов в этой области. Вероятнее всего, за основу берется более широкий дискурс продаж. Однако оба дискурса восходят к маркетинговому дискурсу – являются его подвидами.

Анализ эмпирического материала двух чат-ботов на английском и русском языках показал, что имеется ряд сходств и различий, что обуславливает и различия в схематичном изображении успешной коммуникации.

Именно лингвистическое осмысление каждого дискурса, в котором предполагается выстраивание чат-бот коммуникации, помогает предотвратить ряд ошибок, приводящих коммуникацию к неуспешности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Паллада-медиа: СЗРЦ «Русич», 2002.
2. Шарков Ф. И. Генезис зарубежной и отечественной коммуникологии: темы и парадигмы // Коммуникология: электрон. науч. журнал. 2017. Т. 2, № 2. С. 6–26.
3. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–136.
4. Grice H. P. Meaning // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66, no. 3. P. 377–388. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182440>.
5. Вдовиченко А. В. Речепорождение в коммуникативной модели: производство и понимание словосодержащего воздействия // Вестн. ПСТГУ. Сер. 3. Филология. 2021. № 68. С. 9–23. DOI: 10.15382/sturIII202168.9-23.
6. Van Dijk T. A. Discourse and knowledge // Handbook of Discourse Analysis / J. P. Gee, M. Handford (eds.). London: Routledge, 2012. P. 587–603.
7. Speech communication in terms of cognition / S. A. Pesina, S. V. Kiseleva, S. V. Rudakova et al. // Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío. 2022. Vol. 34, no. 53, P. 82–89. DOI: <https://doi.org/10.33975/riuq.vol34n53.1000>.
8. Чат-боты: введение от разработчика // Proglib.io. 2017. URL: <https://proglib.io/p/chat-bots-intro/amp/> (дата обращения: 20.03.2023).
9. English-Corpora. 2023. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 20.01.2023).
10. Генеральный интернет-корпус русского языка // Webcorpora.ru. 2023. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 20.01.2023).
11. Национальный корпус русского языка // Ruscorpora.ru. 2023. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.01.2023).
12. Райскина В. А., Дубнякова О. А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015. Вып. 40. С. 146–155.
13. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.
14. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., Клепикова Т. А. Лингвопрагматическое исследование разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении: корпусный анализ // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 5. С. 67–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>.

15. Клепикова Т. А., Ермолаева К. Н. Усвоение языковой специфики конфигурационного формата фрейма при помощи корпусных баз данных как стратегия обучения переводчика (на примере корпусного анализа сочетаемости глагола BLAME) // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира: тез. докл. II междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 4–5 дек. 2021 г. Нижний Новгород: НГЛУ, 2022. С. 103–104. DOI: 10.47388/9785858393634.

16. Sacks H. The inference-making machine: notes on observability // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London: Academic Press, 1985. P. 13–24.

17. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

18. Голощапов А. Google Android: программирование для мобильных устройств. СПб.: БХВ-Петербург, 2011.

19. Чат-бот T-Mobile // Facebook. 2023. URL: <https://www.facebook.com/TMobile/> (дата обращения: 10.02.2023).

20. Пять самых успешных чат-ботов в бизнесе // Ведомости, 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2018/03/01/752546-pyat-uspeshnih> (дата обращения: 17.03.2023).

21. Киселёва С. В., Панкратова С. А. И снова о метафоре: когнитивно-семантический анализ. СПб.: Астерион, 2013.

22. Редько Г. В., Еремеева А. А. Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2017. № 4 (207). С. 108–113.

23. Королева Т. А. Конверсационный анализ жанра чата (на примерах англоязычного материала) // Вестн. БГУ. 2015. № 2. С. 296–299.

24. Samsung бот-консультант // Telegram. 2023. URL: https://t.me/samsunguz_online_bot (дата обращения: 11.02.2023).

Информация об авторе.

Смирнова Анна Андреевна – аспирантка кафедры теории и практики английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 45 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика текстов и дискурсов, коммуникативная лингвистика, сетевая коммуникация, коммуникация с искусственным интеллектом/чат-ботом. Научный руководитель – Киселева Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.03.2023; принята после рецензирования 28.04.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Shishkina, M.A. (2002), *Pablik rileishnz v sisteme sotsial'nogo upravleniya* [Public relations in the system of social management], Pallada-media, SZRTS "Rusich", SPb., RUS.

2. Sharkov, F.I. (2017), "The genesis of foreign and domestic communicology: topics and paradigms", *Communicology: Online Scientific J.*, vol. 2, no. 2, pp. 6–26.

3. Austin, J. (1999), "How to Do Things with Words", *Izbrannoe* [Select], Transl. by Makeeva, L.B. and Rudneva, V.P., Ideya Press, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS, pp. 13–136.

4. Grice, H.P. (1957), "Meaning", *The Philosophical Review*, vol. 66, no. 3, pp. 377–388. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182440>.

5. Vdovichenko, A.V. (2021), "Speech generation in the communicative model: production and understanding of a word-containing influence", *St. Tikhon's Univ. Review. Ser. III. Philology*, no. 68, pp. 9–23. DOI: 10.15382/sturIII202168.9-23.
6. Van Dijk, T.A. (2012), "Discourse and knowledge", *Handbook of Discourse Analysis*, in Gee, J.P. and Handford, M. (eds.), Routledge, London, UK, pp. 587–603.
7. Pesina, S.A., Kiseleva, S.V., Rudakova, S.V. et al. (2022). "Speech communication in terms of cognition", *Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío*, vol. 34, no. S3, pp. 82–89. DOI: <https://doi.org/10.33975/riuuq.vol34nS3.1000>.
8. "Chatbots: An Introduction from a Developer" (2017), *Proglib.io*, available at: <https://proglib.io/p/chat-bots-intro/amp/> (accessed 20.03.2023).
9. *English-Corpora* (2023), available at: <https://www.english-corpora.org/> (accessed 20.01.2023).
10. "General Internet Corpus of the Russian Language" (2023), *Webcorpora.ru*, available at: <http://www.webcorpora.ru/> (accessed 20.01.2023).
11. "The Russian National Corpus" (2023), *Ruscorpora.ru*, available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 20.01.2023).
12. Raiskina, V.A. and Dubnyakova, O.A. (2015), "Modern methods of corpus linguistics in text analysis (on the example of the BFM corpus)", *Actual issues of modern science*, iss. 40, pp. 146–155.
13. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2019), "A Cognitive Corpus Approach To The Study Of Construing Values In Advertising Discourse", *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.
14. Kochetova, L.A., Ilyinova, E.Yu. and Klepikova, T.A. (2021), "Tag questions in English spoken discourse: corpus-based linguistic and pragmatic analysis", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 20, no. 5, pp. 67–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>.
15. Klepikova, T.A. and Ermolaeva, K.N. (2022), "Mastering the Language Specifics of the Configuration Frame Format Using Corpus Databases as a Translator's Teaching Strategy (on the Example of the Corpus Combination Analysis of the Verb BLAME)", *Podgotovka perevodchikov: analiz sistem i podhodov v stranah mira* [Training of translators: analysis of systems and approaches in the countries of the world], Nizhnii Novgorod, RUS, 4–5 Dec. 2021, pp. 103–104. DOI: 10.47388/9785858393634.
16. Sacks, H. (1985), "The inference-making machine: notes on observability", *Handbook of Discourse Analysis, vol. 3: Discourse and Dialogue*, Academic Press, London, UK, pp. 13–24.
17. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
18. Goloschapov, A. (2011), *Google Android: programmirovaniye dlya mobil'nykh ustroystv* [Google Android: programming for mobile devices], BHV-Peterburg, SPb., RUS.
19. "Chatbot T-Mobile" (2023), *Facebook*, available at: <https://www.facebook.com/T-Mobile/> (accessed 10.02.2023).
20. "Five most successful chatbots in business" (2018), *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2018/03/01/752546-pyat-uspeshnih> (accessed 17.03.2023).
21. Kiseleva, S.V. and Pankratova, S.A. (2013), *I snova o metafore: kognitivno-semanticheskii analiz* [Again about metaphor: cognitive-semantic analysis], Asterion, SPb., RUS.
22. Redko, G.V. and Eremeeva, A.A. (2017), "Communicative strategy as strategy of understanding and interpretation of sense", *The Bulletin of Adyghe State Univ. Ser. 2. Philology and Art*, no. 4 (207), pp. 108–113.
23. Koroleva, T.A. (2015), "Conversational analysis of the genre of chat (on the examples of English-language material)", *The Bryansk State Univ. Herald*, no. 2, pp. 296–299.
24. "Samsung Bot Consultant" (2023), *Telegram*, available at: https://t.me/samsunguz_online_bot (accessed 11.02.2023).

Information about the author.

Anna A. Smirnova – Postgraduate at the Department of Language Theory and Translation Studies, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 45 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, corpus linguistics of texts and discourses, communicative linguistics, network communication, communication with artificial intelligence/chatbot. Scientific adviser – Svetlana V. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.03.2023; adopted after review 28.04.2023; published online 20.11.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81'272
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-167-183>

Переключение кодов в парах коми – русский и карельский – русский языки

**Александр Александрович Ершов¹, Виктория Андреевна Иванова²,
Любовь Александровна Ульяницкая^{3✉}**

^{1,3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹aaershov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-4946>

²andvikaivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>

^{3✉}ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

Введение. Языковая ситуация в Российской Федерации является уникальной, впечатляющей количеством используемых на ее территории языков, имеющих разный статус и разные сферы использования, что и объясняет актуальность данного исследования, которое посвящено анализу кодовых переключений в устной речи коми-русских и карело-русских билингов. Научная новизна работы заключается в анализе кодовых переключений в упомянутых парах языков, что вносит известный вклад в развитие теории переключения языковых кодов.

Методология и источники. Методы сбора и обработки языковых данных включают в себя социолингвистические методы интервьюирования, анкетирования, наблюдения, количественный и описательный методы, материалом исследования стали записи диалогов с билингвами, а также выпуски газет «Коми му» и «Парма гор» за 2022 г. на предмет кодовых переключений.

Результаты и обсуждение. Для исследования переключения кодов в парах коми – русский и карельский – русский языки была использована классификация П. Майскена, делящего переключение кодов на альтернацию, инсерцию и конгруэнтную лексикализацию в зависимости от степени ассимиляции иноязычной ставки в матричный язык. Для устной речи коми-русских билингов характерно частое использование русских дискурсивных и вводных лексем, наречий; существительные и прилагательные часто оформляются в соответствии с правилами грамматики коми языка; при использовании числительных информанты отдают предпочтение русским вариантам. Для устной речи карело-русских билингов характерно активное обращение к словарному запасу русского языка, особенно при упоминании дат, чисел, вводных слов и конструкций; русскоязычные единицы довольно свободно оформляются по правилам карельского языка, встраиваясь в его падежную систему.

Заключение. Спонтанная речь информантов-билингов содержит большое число переключений кодов, что может быть яркой демонстрацией языкового сдвига, и обуславливается целым рядом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, среди которых престиж языка, его функциональность, языковая ситуация, родной язык собеседника или желание носителя использовать тот или иной язык.

© Ершов А. А., Иванова В. А., Ульяницкая Л. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Карелия, Коми, переключение кодов, смешение кодов, социолингвистика, языки коренных народов РФ

Для цитирования: Ершов А. А., Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Переключение кодов в парах коми – русский и карельский – русский языки // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 167–183. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-167-183.

Original paper

Komi – Russian and Karelian – Russian Code-Switching

Alexander A. Ershov¹, Victoria A. Ivanova², Liubov A. Ulianitckaia³

^{1,3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*aaershov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-4946>*

²*andvikaivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>*

³*ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

Introduction. The language situation in Russia is unique with a fair number of languages spoken on its territory and all of them having different status and scope of use. This implies the relevance of the study that focuses on the analysis of code-switching in the spoken language of the bilinguals speaking Komi and Russian and Karelian and Russian. The novelty of the study is implied by the analysis of the code-switching in the language pairs mentioned above. This contributes to the development of the code-switching theory.

Methodology and sources. The methods of language data collection and processing are sociolinguistic methods of interviewing, questionnaire, observation, quantitative and descriptive methods. The research material are scripted dialogues with bilinguals as well as the “Komi mu” and “Parma gor” 2022 issues.

Results and discussion. The study of the Komi-Russian and Karelian-Russian code-switching was conducted using P. Muysken’s topology of code-mixing. P. Muysken sees code-switching as alternation, insertion, and congruent lexicalization according to the degree of the foreign word assimilation in the matrix language. The features of the spoken language of the Komi-Russian bilinguals are the frequent use of Russian discursive and introductory lexical items and adverbs; the nouns and the adjectives usually following the grammatical rules of Komi; the respondents giving preference to Russian versions when using numerals. For the spoken language of the Karelian-Russian bilinguals it is typical to address to Russian vocabulary, especially when mentioning dates, numbers, and using introductory words and phrases; Russian words are also being quite easily transformed according to the Karelian grammar through its case system.

Conclusion. Spontaneous speech of the bilingual interviewees contains a great number of code-switching, that could be a convincing demonstration of the language shift and is conditioned by a number of extralinguistic and linguistic factors, such as language prestige, language functionality, language situation, the native language of the interlocutor, and the willing of the respondent to use a certain language.

Keywords: Karelia, the Komi Republic, code-switching, code-mixing, sociolinguistics, Indigenous Languages of the Russian Federation

For citation: Ershov, A.A., Ivanova, V.A. and Ulianitckaia, L.A. (2023), “Komi – Russian and Karelian – Russian Code-Switching”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 167–183. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-167-183 (Russia).

Введение. В современном мире все больше лингвистов и социолингвистов обращаются к изучению языковых контактов. Сложно найти государство, население которого было бы полностью монолингвальным, как правило, наоборот – государственные языки сосуществуют с региональными языками, языками коренных народов, и в зависимости от языковой политики в стране в контакте они либо становятся языками в конфликте, либо наблюдается языковая ассимиляция, либо достигается паритетное сосуществование языковых вариантов. В рамках изучения языковых контактов особое внимание уделяется билингвизму и процессам, связанным с переключением кодов при устной коммуникации.

Языковая ситуация в Российской Федерации представляет отдельный интерес, так как жители нашей страны говорят более чем на 130 языках коренных народов. К сожалению, в большинстве случаев наблюдается языковой сдвиг в сторону русского языка, который вытесняет остальные языки из всех социальных сфер, оставляя им лишь роль языков бытового общения. Учитывая языковое многообразие, представленное на территории России, воздержимся от обобщений, ведь есть языки, имеющие официальный статус (татарский, якутский, бурятский, коми, тувинский, хакасский, чувашский и др.), языки без официального статуса, но со значительным количеством носителей, языки, лишенные какого-либо статуса, на которых говорит уже только старшее поколение, языки, которые преподаются в школах и на которых ведется преподавание, языки, у которых остались только пассивные носители. Состояние этих языков сегодня является результатом долгих лет истории, зачастую трагических страниц в жизни коренных народов и неумолимых процессов урбанизации, индустриализации и глобализации.

Изучение и документация этих языков должны быть приоритетными задачами лингвистов и социолингвистов, которых волнует языковое разнообразие нашей страны и его постепенное исчезновение. В 2022 г. был предпринят ряд лингвистических экспедиций сотрудниками и студентами Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) для изучения языковой ситуации и кодовых переключений в парах карельский – русский и коми – русский языки в республиках Карелия и Коми соответственно. В данной статье отображены некоторые промежуточные результаты исследования смешения карельского и русского и коми и русского языков в речи билингвов, основанного на собранном языковом материале в ходе опроса информантов.

Методология и источники. Для исследования смешения и переключения кодов в устной спонтанной речи носителей коми языка в октябре 2022 г. была проведена экспедиция в села Дон и Усть-Кулом в Усть-Куломском районе и село Выльгорт в Сыктывдинском районе Республики Коми. Всего опрошено 15 чел., из них 12 – в Усть-Куломском и 3 – в Сыктывдинском районах. Возраст информантов – от 32 до 82 лет. Интервью проводились исключительно на коми языке по заранее разработанному опроснику. Отдельные вопросы были посвящены коми традициям, культуре и языку. Также были проанализированы тексты пяти выпусков периодических изданий «Коми му» и «Парма гор» за 2022 г. на предмет наличия в них русскоязычных лексем, не являющихся прямыми заимствованиями в коми языке.

Для исследования смешения и переключения кодов в устной спонтанной речи носителей карельского языка в августе 2022 г. проводилась экспедиция в город Олонец. В ходе исследования были опрошены 11 информанток в возрасте от 34 до 64 лет, которые являлись

коренными карелками родом из Олонецкого района Республики Карелия. Для исследования случаев переключения на русский язык в речи с информантками проводились беседы на родном (карельском) языке с опорой на вопросы составленной анкеты. Вопросы анкеты касались социологических (имя, место и дата рождения, семья, род деятельности) и социолингвистических (на каких языках информанты говорили в семье, учились, разговаривали с друзьями в прошлом и настоящем) аспектов.

Таким образом, методы сбора и обработки языковых данных обусловлены задачами исследования и включают в себя социолингвистические методы интервьюирования, анкетирования, наблюдения, количественный и описательный методы, а материалом исследования стали записи диалогов с коми-русскими и карело-русскими билингвами, в которых найдены примеры кодовых переключений.

Результаты и обсуждение. В лингвистике существует достаточное количество различных классификаций билингвов: с точки зрения уровня владения языками и возраста освоения второго языка билингвизм рассматривается и по прагматическому критерию, и по культурологическому, но главным остается одно: билингв – это человек, свободно разговаривающий на двух языках. В зависимости от коммуникативной ситуации индивид выбирает тот или иной языковой код, однако нередки ситуации, в которых билингв осознанно или нет комбинирует два языковых кода, смешивая их и переключаясь с одного на другой. Не останавливаясь подробно на подходах к разграничению переключения кодов и смешения кодов, обозначим, что рассматриваем переключение кодов как мотивированный переход с одного языка на другой (например, в зависимости от уровня владения тем или иным языком собеседника или необходимости выбора того или иного кода с точки зрения интенции коммуникации), которое, скорее, происходит интрасентенциально, т. е. между законченными синтагмами, предложениями. Тогда как смешение кодов – это процесс более бессознательный, произвольный, немотивированный, который происходит интерсентенциально, внутри одного предложения, а иногда даже и одной лексической единицы. Далее в этой работе чаще используем термин «переключение кодов», который до сих пор является более общим и включает в себя различные аспекты языковых контактов в речи билингва. Смешением кодов некоторые ученые называют сам процесс соединения в речи билингва двух языков, а переключением кода – непосредственный видимый языковой результат этого смешения. Раньше многие лингвисты придерживались мнения, что смешение кодов происходит от недостаточной языковой компетенции носителя языков или от нежелания подобрать подходящее выражение или лексему в одном языке и последующее использование языковой единицы из другого языка. Однако сегодняшние ученые менее категоричны и относятся с большим вниманием к психолингвистическим факторам смешения языковых кодов. Метафорически сознание билингва можно представить либо как единый центральный резервуар с двумя различными кранами (*interdependent memory*), либо как два самостоятельных резервуара (*independent memory*), хотя справедливее объединить эти подходы в одну компромиссную модель взаимодействующих и даже взаимопокрывающих языковых систем [1].

Один из главных вопросов, который стоит перед изучающими переключение и смешение языковых кодов, заключается в том, подчиняется ли этот процесс грамматическим правилам, и если да, то насколько они универсальны и обязательны, существуют ли жесткие

ограничения, накладываемые на эти процессы, можно ли выделить четкие паттерны, по параметрам которых происходит смешение кодов в любой языковой паре? А. Е. Проценко в своей статье «Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике» упоминает о психолингвистическом эксперименте профессора стокгольмского университета К. Хюльтенстама, который, исследовав переключение кодов у пациентов с различными нарушениями (в частности, с афазией), пришел к выводу: переключение кодов лингвистически структурировано у таких людей тем же способом, что и у здоровых билингов, а это можно считать весомым аргументом в пользу существования единых матриц, по которым происходит кодовое переключение и смешение [2].

К. Майерс-Скоттон, Ш. Поплак, Ди Шулло, Э. Вулфорд, С. Н. Шридхар и другие ученые выдвигали свои теории относительно существующих ограничений на переключение и смешение кодов, однако многие последователи находили опровергающие их примеры кодовых смещений в парах языков, которые предыдущие исследователи билингвизма не рассматривали. Питер Майскен предложил следующие три стратегии смешения и переключения кодов [3]: альтернацию, для которой характерно отсутствие взаимодействия между системами двух языков, что проявляется в переключении преимущественно на границах клауз или адьюнктных непосредственных составляющих; инсерцию, которая характеризуется асимметрией между языками (составляющие из одного языка оказываются как бы включены в большие составляющие из другого языка); конгруэнтную лексикализацию, для которой характерным является объединение двух систем в одну, причем получившаяся структура заполняется элементами из двух языков достаточно случайно. Эти стратегии справедливо не задают конкретных моделей смешения кодов, поэтому применимы ко многим парам языков, и именно с позиции стратегий П. Майскена мы рассмотрели некоторые примеры в смешении коми и русского и карельского и русского языков.

Переключение кодов в устной речи жителей Республики Коми. По данным переписи населения 2010 г., коми составляли 76,9 % (20 352 чел.) в Усть-Куломском районе и 45,9 % (10 349 чел.) в Сыктывдинском районе [4].

Коми (коми-зырянский) язык относится к пермской ветви финно-угорской языковой семьи [5]. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. на территории Республики Коми проживает 127 089 чел., указавших своей национальностью коми (17,2 % от общей численности ее населения). При этом из проживающих в Республике владеют коми языком только 101 626 чел. [6]. Г. А. Некрасова [7] отмечает, что коми язык не является социально значимым языком для коми населения, и большинство представителей коми свободно общаются на русском языке. Наблюдается постепенное вытеснение коми языка русским не только в городских, но и в сельских поселениях. Наиболее низкий уровень знания языка наблюдается у горожан. При этом люди, владеющие коми, являются в основном билингвами, что характерно для большинства национальных республик. Одна из важных особенностей билингвизма – значительное отличие в степени владения родным и русским языком. Так, уровень языковой компетентности может отличаться не только между разными индивидами, но и непрерывно изменяться у одного носителя в процессе изучения им одного из языков. У билингов, проживающих в двуязычной среде, наблюдаются явления переключения и смешения языковых кодов. Интерференционные явления могут наблюдаться на всех

уровнях языковой системы. Переключение может происходить как между предложениями в тексте, так и между словами и целыми фразами в рамках одного предложения [7–9].

В результате смешения кодов в комиязычной речи информанта русскоязычные лексические единицы используются как в адаптированной форме, так и в соответствии с нормами русского языка.

К переключению кодов, или к альтернации, по П. Майскену, можно отнести следующие примеры русскоязычных вставок, чаще всего представленных дискурсивными и вводными словами и выражениями, частицами, союзами, например: «...пенсия вылын, значит...» («...на пенсии, значит...»), «...конечно, да, колантор...» («...конечно, да, важно...»), «...обычаяс, например, уна. Менам деревня, например, и вообще любой деревня...» («...обычаев, например, много. Моя деревня, например, и вообще любая деревня...»), «Коді коми, коми йӧз, то конечно...» («Кто коми, коми народ, то конечно...»), «Значит все-таки оз вун...» («Значит все-таки не забыл...»), «Только эг велӧд школаын...» («Только не учил в школе...»), «...чисто коми, потому что мамӧ вӧлі чисто коми...» («...чисто коми, потому что мама была чисто коми...»). Отдельно отметим пример: «Даже вот сразу ме ог вермы...» («Даже вот сразу я не могу...»), в котором лексема *вот*, хотя и включена в нормативный словарь коми-русского языка, в данном контексте, вероятно, является частью устоявшегося выражения русской разговорной речи *даже вот сразу*.

К альтернации можно отнести и примеры вставки русскоязычных наречий: «...сэні тоже вӧлі...» («...там тоже был...»), «Гижӧ нормально даже...» («Пишу нормально даже...»), «Картупель, юква, обязательно...» («Картофель, уха, обязательно...»), а также наречия *уже, особенно, пока, наоборот, просто*.

Существительные, выступающие в роли подлежащего или дополнения, могут изменяться по правилам русского языка и включаться вместе с предлогами, например: «...мена́м грамотность на высоте...» («...у меня грамотность на высоте...»), «Перед школой ме...» («Перед школой я...»), «Эг велодчи по состоянию здоровья» («Не учился по состоянию здоровья»), «Шуӧны Василием» («Зовут Василием»), «Места эз сетны вне конкурса» («Места не давали вне конкурса»). В следующих примерах существительные имеют начальную форму, так как выступают в роли подлежащего или дополнения в винительном падеже: «Кага чужіс, девочка» («Ребёнок родился, девочка»), «...озеро зэв ыджыд...» («...озеро очень большое...»), «...тӧрыт ӧти женщина...» («...вчера одна женщина...»), «Быттьӧ скорлупа...» («Как будто скорлупа...»).

Прилагательные, выступающие в роли определения, включаются без изменений гораздо реже, нежели адаптированными: «...начальная школа помалі...» («...начальную школу закончил...»). В этом примере прилагательное *начальная* изменено в соответствии с родом русского слова *школа*, несмотря на то, что последнее включено в нормативный словарь коми языка, а само словосочетание *начальная школа* осталось несогласованным и по правилам русского языка должно иметь окончания аккузатива. В примере «...мыйкӧ, столярное да мый...» («...что-то, столярное и что...») определение *столярное* может относиться к существительному *дело*, которое было упущено в ответе, поэтому имеет окончание среднего рода *-ое*.

Неадаптированными в предложения также включаются устоявшиеся словосочетания и фразы, свойственные разговорной речи, например: «Мый вӧчан, ну тут немножко» («Что

делаешь, ну тут немножко»), «Дзик ставыс понемножку, кедр эм...» («Совсем всё понемножку, кедр есть...»), «А смотря кутшом урок...» («А смотря какой урок...»), «...меным не очень...» («...мне не очень...»), «...как раз важся сёян-юан...» («...как раз старинная пища...»), «Но сэки как раз вöлі вроде бы шоныд...» («Но тогда как раз было вроде бы тепло...»).

К примерам инсерции, по П. Майскену, можно отнести следующие случаи адаптации русскоязычных прилагательных в матричном коми языке: «...менам öні незаконченнöй вышöй...» («...у меня сейчас незаконченное высшее...»), «Лöнь, ме шуа, но добродушнöй.» («Спокойный, я говорю, но добродушный.»), «Коми морт шуöны зэв добрöй, зэв гостеприимнöй.» («Коми человека называют очень добрым, очень гостеприимным.»), «...но менам вöлі длиннöй рубашка.» («...но у меня была длинная рубашка.»). Видно, что для прилагательных характерна замена окончания исходного слова на -öй, например, добрый – добрöй. Существительные подвергаются морфосинтаксической адаптации в соответствии с нормами коми языка путем присоединения суффиксов и/или послелогов: «Папаöй Украинаысь, вот, а мамöй местнöй.» («Папа из Украины, вот, а мама местная.»), «...и велöдчысьяс и отпусникъяс...» («...и учащиеся и отпусники...»), «А тайö соседъяслөн...» («А этот у соседей...»), «...бабушкалөн квартираö...» («...в бабушкину квартиру...»), «...а улыс пенокблясьяс...» («...а низ из пеноблоков...»), «...рыбакъяс дорын...» («...около рыбаков...»), «Уджалис вöрын сучкорубөн...» («Работал в лесу сучкорубом...»), «...озеросö тöдан мянлысь...» («...озеро ведь наше...»). В следующих примерах русскоязычные лексические единицы не подвергались изменениям, однако были использованы послелогии для указания места: «День рыбака вылын...» («На день рыбака...»), «Ну, вот, ме тiянлы зеркало йывсьяс висьталi...» («Ну, вот, я вам о зеркале рассказал...»).

Глаголы в основном адаптируются в соответствии с нормами коми языка: «Сiйö тожö кончитiс, мыйкö...» («Он тоже закончил, что-то...»), «Пенсия получайта...» («Пенсию получаю...»), «Менам бабушка нянчитiс...» («Моя бабушка нянчилась...»), «Тыяс няйт образуйчö...» («В озере образуется грязь...»), «Кор созрейтö, значит мöд цвет появитчö.» («Когда созреет, значит второй цвет появится.»). Редко встречаются примеры, когда глагол изменяется в соответствии с русскими грамматическими нормами: «...мый тэ должен вöчны...» («...что ты должен делать...»). Здесь модальный глагол *должен* составного сказуемого *должен вöчны* (должен делать) имеет форму 2-го лица единственного числа для согласования с подлежащим *тэ* (ты), а глагол *вöчны* имеет форму инфинитива.

Во фразе «Пу керка, да, кöртом просто обшитöма.» («Деревянный дом, да, железом просто обшит.») интерес представляет лексема *кöртом*. Информант склоняет лексему *кöрт* (железо) по нормам русского языка и добавляет окончание творительного падежа -ом. Другой пример содержит в себе коми лексему *ур* (белка) с использованием окончания множественного числа русского языка -ы: «А уры танi часто...» («А белки здесь часто...»). Другой информант одновременно использует как предлог *в*, так и послелог -ын, обозначающие место: «...в садикын...», дублируя тем самым местный падеж на двух языках.

Отдельно стоит рассмотреть употребление в речи топонимов и числительных. Названия некоторых населенных пунктов используются информантами исключительно по-русски. В следующих примерах происходит адаптация топонимов к нормам коми языка: *Усть-*

Куломскöй район (Усть-Куломский район), *чужис Усть-Куломын* (родился в Усть-Куломе), *Усть-Кулом сиктын* (в селе Усть-Кулом), *Кужба сикт* (село Кужба), *Усть-Куломскöй шöр школа* (Усть-Куломская средняя школа). А в следующих примерах такой адаптации уже нет: *тайö жö, Усть-Куломский район* (там же, Усть-Куломский район), *Сыктывдинский районын* (в Сыктывдинском районе). В примере «*село Донын*» говорящий употребляет русскую лексику *село* вместо коми – *сикт* и применяет суффикс инессива к названию села: *Дон-ын*. Другой пример: *Екатерининский канал дорын* (около Екатерининского канала). Здесь название канала сохранило русское окончание начальной формы *-ий*, но применен пространственный послелог *дорын*.

При использовании числительных информанты отдают предпочтение русским вариантам, например: «*Сийö вöли четвёртый год...*» («Он был четвёртый год...»), «*Сэни восьмой класс, ещö Усть-Куломын десятый, одиннадцатый.*» («Там восьмой класс, ещё в Усть-Куломе десятый, одиннадцатый.»), «*Первый до четвертого, а с пятого класса быттьö мыйкö всё...*» («Первый до четвёртого, а с пятого класса будто почему-то всё...»), «*...но на сварку я почти сдайти на четыре. Если макет сдайти, то бы вöли пять.*» («...но на сварку я почти сдал на четыре. Если макет сдал, то бы было пять.»), «*...тожö сідзи пять часов...*» («...тоже так пять часов...»). В следующих примерах после русского числительного в начальной форме употребляется русская лексема *год*, к которому добавлен суффикс инессива *-ын*: *шестой годин, пятьдесят восьмой годин, девяносто седьмой годин, восемьдесят девятый годин*. В предложении «*Муні первый класс...*» («Пошёл первый класс...») информант не употребляет ни предлога, ни послелога для связи глагола движения с направлением, на что, вероятно, могло повлиять использование числительного *первый*.

Большинство предложений информантов содержат целые фразы на русском языке, которые попеременно могут либо адаптироваться под нормы коми языка, либо оставаться без изменений, что можно отнести к примерам конгруэнтной лексикализации по П. Майскену. Например: «*Ну, нормальнöй, абу ыджыд, по сравнению с Сыктывкаром абу ыджыд.*» («Ну, нормальный, не большой, по сравнению с Сыктывкаром не большой.»), «*Дзик, прямо от гвоздя до гвоздя. Дзик сами, всё-всё-всё сами.*» («Совсем, прямо от гвоздя до гвоздя. Совсем сами, всё-всё-всё сами.»), «*...потому что сийö генеральный директор, мейсь главнöй-джык...*» («...потому что он генеральный директор, главное меня...»), «*Сейчас всякöй булочкаяс, пирöгыяс, ягода пирöгыяс...*» («Сейчас всякие булочки, пироги, ягодные пироги...»), «*...четыре класс, наверно, только вöли...*» («...четыре класса, наверно, только было...»), «*...миян родын, например, ставныс зев трудолюбивöйöсь, по себе сужу.*» («...в нашем роду, например, все очень трудолюбивые, по себе сужу.»), «*Ме считайта сідзи, мый Комиын кö олан, ты должен тöдны ассьыд, мыйкö, язык-то.*» («Я считаю так, что если живёшь в Коми, ты должен знать свой, это, язык-то.»), «*...ветеранское движение, вот, специальнöй программа эм...*» («...ветеранское движение, вот, есть специальная программа...»), «*Ми, между прочим, коми обычай-тö, мыйкö керан, поддерживайтам.*» («Мы, между прочим, коми обычай-то, что делаем, поддерживаем.»), «*...”Магнитсьыс” вся страна ньöбö...*» («...из «Магнита» вся страна покупает...»), «*Сийö, между прочим, ижемскöй песня, абу миян...*» («Это, между прочим, ижемская песня, не наша...»), «*Сылы трудовöй книжка...сэни гижöма...первöй вöли хранителем музейных предметов, сесся лоис*

младший научный сотрудник, сесся лоис старший научный со-трудник.» («Ему трудовая книжка...там написано...сначала был хранителем музейных предметов, потом стал младший научный сотрудник, потом стал старший научный сотрудник»). В примере «...а вот дом номер уже ог төд...» («...а вот номер дома уже не знаю...») лексема *дом* имеет начальную форму и сохранен порядок слов, присущий нормам коми языка. В примере «*Вот велөдіс съедобной грибы вотны*» («Вот научил собирать съедобные грибы») лексема *грибы* имеет форму множественного числа в соответствии с правилами русского языка, а определение *съедобной* адаптировано к коми. В следующем примере порядок слов адаптирован под нормы коми языка, определения *ыбской* и *средней* остались без изменений, а лексема *школа* имеет окончание родительного падежа: «...вөлі директор ыбской средней школы веськөдлысьөн...» («...был заместителем директора ыбской средней школы...»). В примере «...председатель сельсовета ещө вөлі перед пенсией...» («...еще был председателем сельсовета перед пенсией...») лексема *председатель* употребляется в начальной форме, а обстоятельство времени *перед пенсией* имеет форму творительного падежа. В следующем предложении лексема *стих* имеет форму единственного числа, так как в случае использования наречия *уна* (много) существительное сохраняет начальную форму без добавлений суффиксов множественного числа: «Зэв уна төді стих...» («Знал очень много стихов...»).

Также в ходе опроса информант мог полностью переключиться на русский язык и закончить свою мысль по-русски: «*Аслам семья, 30 лет я жила в Югыдьяге.*» («Наша семья, 30 лет я жила в Югыдьяге.»), «*Вөрсө ёна лэдзісны и щас эти лесные посёлки как бы разваливаются...*» («Леса сильно заготавливали, и щас эти лесные посёлки как бы разваливаются...»), «*А тані пока село живёт...*» («А здесь пока село живёт...»), «...*комиён, мыйкө, на бытовые темы, с коллегами.*» («...по коми, что-то, на бытовые темы, с коллегами.»), «...*кызь вит километра сайө, вот, переправа, бездорожье, пешком ходили.*» («...за двадцать пять километров, вот, переправа, бездорожье, пешком ходили.»), «*Ветымын во, пятьдесят три года, наверно, прожили вместе.*» («Пятьдесят лет, пятьдесят три года, наверно, прожили вместе.»).

Таким образом, спонтанная речь информантов содержит большое число переключений и смешений. Переключение кодов может сопровождаться процессом дублирования слов или целой фразы, и при этом используются языковые единицы разных языков. После вставки в свою речь лексической единицы или целой фразы на русском языке информант исправляется, добавляя перевод на коми, например: «...*Ивановская областьтын, Иванов областьтын...*» («...в Ивановской области, в Ивановской области...»), «*Веськөдлысьөн, заместителем три года, кум во ме уджалі.*» («Заместителем, заместителем три года, три года я работал.»), «*Миян сэні вөлі школа по первый, по четвёртый класс, первөй и нельөд класс.*» («Там была наша школа по первый, по четвёртый класс, первый и четвёртый класс.»), «...*уна рыбагыяс, чери кыйысыяс...*» («...много рыбаков, рыбаков...»). В последнем примере к лексеме *рыбак* ошибочно добавлен суффикс множественного числа *-яс*. Информант может дублировать высказывание для того, чтобы облегчить понимание и донести смысл более точно, например: «*Сійө и шань – добрый, и рам – такой, спокойный.*» («Он и добрый – добрый, и спокойный – такой, спокойный.»), «...*по-коми вывті уна вөлі, очень много было...*» («...по-коми очень много было, очень много было...»), «...*по десять, по тридцать килограмм*

луннас – в день...» («...по десять, по тридцать килограмм в день – в день...»). В примере «...лыж бедьён, то есть скандинавская ходьба...» информант не смог найти коми эквивалент термину *скандинавская ходьба* и, вероятно, начал объяснять термин через описание процесса действия *лыж бедьён – лыжной палкой*. Дублируемые слова или фразы могут быть включены в нормативный коми-русский словарь, как, например: «...среднёй школа, шёр школа...» («...средняя школа, средняя школа...»), «...рөдвуж чой, рөднөй чой...» («...родная сестра, родная сестра...»). Если фраза по-коми не вспоминается информантом, он может проинформировать об этом интервьюера, например: «...комиос ог төд кыдзи, по-коми не знаю, как, свекровь...» («...по-коми не знаю, как, по-коми не знаю, как, свекровь...») или «Позьё рочён кё шуны, гармония с природой.» («Можно сказать, если по-русски, гармония с природой.»).

Также были проанализированы тексты пяти выпусков периодических изданий «Коми му» и «Парма гор» за 2022 г. на предмет переключения с коми на русский язык. Наибольшее число обнаруженных лексических единиц являются специализированными терминами. Так, например, частое появление следующих медицинских терминов обусловлено распространением вируса COVID-19: *коронавирусысь* (ед. ч., элатив), *ковидыс* (ед. ч., определенно-притяжательный суффикс, 3 л.), *коронавирусыд* (ед. ч., определенно-притяжательный суффикс, 2 л.), *пневмония* (ед. ч., номинатив), *санитайзерён* (ед. ч., инструментатив), *антисептикаён* (ед. ч., инструментатив), *пандемия* (ед. ч., номинатив). Среди специальных терминов можно выделить: *морозильник* (ед. ч., номинатив), *маммограф* (ед. ч., номинатив), *бодибилдинг* (ед. ч., номинатив), *камуфляж* (ед. ч., номинатив), *татуировка* (ед. ч., номинатив), *пирсинг* (ед. ч., номинатив), *сапропель* (ед. ч., номинатив), *ревербератор* (ед. ч., номинатив), *видеороликъяс* (мн. ч., номинатив), *видеоклипын* (ед. ч., инессив), *видеокамераяс* (мн. ч., номинатив), *роликъяссö* (мн. ч., аккузатив), *приложение* (ед. ч., номинатив), *вакансияс* (мн. ч., номинатив), *шлифовальщицаён* (ед. ч., инструментатив), *ингаляцияс* (мн. ч., номинатив), *гаджетын* (ед. ч., инессив), *ячейкаяс* (мн. ч., номинатив), *навигатор* (ед. ч., номинатив), *компенсация* (ед. ч., номинатив), *тюбингён* (ед. ч., инструментатив), *фотоловушкаён* (ед. ч., инструментатив).

Часто встречаются принятые в русском языке сокращения, например: *минцифрыысь* (ед. ч., элатив), *минздравысь* (ед. ч., элатив), *медикъяс* (мн. ч., номинатив), *этнотуризм* (ед. ч., номинатив), *этнокультура* (ед. ч., номинатив), *нацпаркын* (ед. ч., инессив), *нацпроект* (ед. ч., номинатив), *автокранён* (ед. ч., инструментатив), *госуслуги* (ед. ч., номинатив), *автоцистерна* (ед. ч., номинатив), *медоборудование* (ед. ч., номинатив), *флюороустановка* (ед. ч., номинатив). Реже встречаются определения и дополнения: *моральной лёк* (моральный ущерб), *графической дизайн* (графический дизайн), *мультимедийной проектор* (мультимедийный проектор). Отдельно можно отметить лексемы, написанные по правилам орфографии русского языка: *собрание* вместо *собранныё*, *оборудование* вместо *оборудованныё*, *самодетельность* вместо *самодетельностьлён*, *честь* вместо *чесът*, *ярмарка* вместо *ярманга*. Как видно из приведенных примеров, в отличие от устной спонтанной речи лексические единицы в текстах чаще адаптированы к нормам коми языка. Слова, приведенные в начальной форме, либо выполняют в предложениях роль подлежащего в единственном числе, либо являются дополнением в единственном числе, изменение которого не требуют нормы коми языка.

В речи русско-коми билингва постоянно происходят переключения и смешения кодов. Вследствие большого числа вводных и дискурсивных слов, наречий, а также словосочетаний и фраз, свойственных разговорной речи русского языка, примерно в 60 % случаев лексема включается в речь коми билингва без морфосинтаксической адаптации. Примерно четверть ответов состоит из предложений, в которых практически в равных количествах включены как лексемы, измененные в соответствии с правилами коми языка, так и неадаптированные. Существительные вводятся в предложения адаптированными при помощи суффиксов и послелогов. Прилагательные оставляются в начальной форме с заменой окончания на *-ой*.

Переключение кодов в устной речи жителей Республики Карелия. На сегодняшний день Карелия остается единственной республикой в составе Российской Федерации, на территории которой язык титульной нации не имеет статуса второго государственного. Количество носителей карельского языка сократилось в 2,5 раза на территории РФ (РСФСР) с 1989 по 2010 г. (с 62 000 [10, с. 38] до 25 000 носителей [6]) и в 2 раза за промежуток с 2002 по 2010 г. на уровне республики (с 35 000 [11] до 16 876 носителей [6]). Последняя проведенная на данный момент перепись населения 2020 г. зарегистрировала всего 13 872 носителя карельского языка по Российской Федерации в целом [6]. В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО [12] карельский язык – один из пятидесяти языков РФ, находящихся под угрозой (статус «definitely endangered») на основании данных российской переписи населения 2002 г. наряду с коми, сету, марийским и др. Степень сохранности оценивается по тому, как язык передается между поколениями: статус «под угрозой» означает, что язык не изучается детьми как родной.

При анализе интервью русско-карельских билингвов были найдены 89 примеров, иллюстрирующих активное смешение и переключение кодов в их речи.

Альтернатива по П. Майскену (38 примеров), среди которых:

1) числительные, даты (12 примеров): «*Se oli 66-й год*» («то был 66-й год»), «*se oli 35-й квартал*» («это был 35-й квартал»), «*Minä do 70 лет ruavoin školas.*» («Я до 70 лет работала в школе.»), «*Guškolos, в 59-м году*» (На вопрос: «Когда и где вы родились?» – «В Гушкола, в 59-м году.»), «*Minä opastuin Petroskoi, vevven opastuin... в 65-м году...*» («Я училась в Петрозаводске, в году... в 65-м году...»), «*Riipuškalan školos, восемь.. yheksa kluasua? Kaheksa kluasua, ну...*» («В Рыпушкальской школе, восемь... девять классов? Восемь классов, ну...»), «*A Riipuškalan tuö tulimmo jo в 64-м году.*» («А в Рыпушкалицы мы приехали уже в 64-м году.»), «*A konzi в 90-е годы oli разруха...*» («А когда в 90-е годы была разруха...»), «*Konzi? – 21 августа 61 года...*» (ответ на вопрос: «Когда?»), «*Konzi? 15-ого, так... viizi tostu... май месяц, maijal, tuhat ... девятьсот...kaheksa sadaa... kuuzi tostu второй, kahten, вот...*» («Когда? 15-го, так... пятнадцать... май месяц, тысяча девятьсот... восемьсот... Шестнадцать.. второй, вот...»), «*Киномеханикан ruavoi, в 56-м году...*» («Кинотехником работала, в 56-м году.»), «*...livvikse paista, vahnembat maltetah vai, этот, 70-е годы, так что...*» («...по-ливвиковски говорит, родители понимают, этот, 70-е годы, так что...»);

2) вводные слова, междометия, союзы (9 примеров): «*[opastumma] ven'al kielyd, потому что...*» («учили русский язык, потому что...»), «*то, что kaheksa, то что вот, так что...*» («то, что восемь, то что вот, так что...»), «*ну вот, minä ruavoin karjalan kielyd*

*opastan, vahnembile, nygöi on jo в доме культуры... kui se karjalakse sanuo... kul'ttuurin keskus, в центре, да?...ну вот, nygöi olen kaksi vuotta ministerstvan [неразборчиво]...» («Я работала преподавателем карельского, взрослым, сейчас уже в доме культуры... как это по-карельски сказать... в культурном центре, в центре, да?... ну вот, теперь я два года в министерском [неразборчиво]...»), «*vot, se on, конечно, suuri suuri hädä*» («вот, это, конечно, большая-большая беда»), «*то, что räivü, se on Спасов День*», «*Ei, наверное, karjalazet...*» («Нет, наверное, карелы...»), «*Nygöi, к сожалению, minä u sizar...*» («Сейчас, к сожалению, я и сестра...»), «*Guškalas pagizimto karjalakse, потому что...*» («В Гушкала говорили по-карельски, потому что...»), «*...vot, наверное... yhten vuoven, либо ruolen vuotta.*» («...вот, наверное, один год, либо полгода.»). Также в карельской речи информанток встречались русские вставки *хотя, не только, если, в общем, тоже*;*

3) полнозначные лексические единицы (19 примеров): «*Minä olen зоотехник*» («Я зоотехник»), «*Tuatto oli мастер по строительству*» («отец был мастер по строительству»), «*Se oli зверосовхоз*» («То был зверосовхоз»), «*Se oli brossuripro обычно, да?*» («Обычно была пшенная каша, да?»), «*hai lugit как будто hai [неразборчиво] наизусть...*» («Она читала, как будто наизусть...»), «*Puaksuhgo oli karjalan kielen urokkoit? – Ei olluh вообще, совсем ei olluh.*» («Были ли у вас уроки карельского языка? – Не было вообще, совсем не было.»); «*ei olluh, вообще*»; «*Minä pagizen полностью karjalakse, потому что minul oli mama [pagize] karjalakse.*» («Я говорю полностью по-карельски, потому что моя мама [говорила] по-карельски.»), «*Nygöi on urokkoit карельский да финский, а тую opastimto ven'alan kieli.*» («Сейчас есть уроки карельского и финского, а мы учили русский язык.»), «*Mittuine teijän opastimine? – Среднее специальное.*» («Какое у вас образование? – Среднее специальное.» – дважды такой ответ), «*Minul on kolma lastu, elättä otдельно.*» («У меня два ребенка, живут отдельно.»), «*Mejan матушка opastai...*» («Моя матушка учила...»), «*Minä suvaičin lehmii, do сих por minä suvaičen.*» («Мне нравились коровы, до сих пор нравятся.»), «*A miel oli kaksi školat: yksi oli suomalažet škola, номер два, а toine oli... [..] sie oli русская школа, ven'a škola.*» («А у меня было две школы: одна была финская школа, номер два, а другая... то была русская школа.»), «*Mil kielel opastitgo školas? – minä – ven'an kieli u английский язык.*» («Какие языки вы изучали в школе? – Я – русский и английский язык.»), «*Minä suvaičin математику.*» («Я любила математику.»), «*Huö nygöi нуо.. huö понимают, они понимают; ei paista...*» («Они сейчас... они понимают, не [говорит]...»), «*Muö pagizimto karjalakse, olimto иностранцы.*» («Мы говорили по-карельски и были иностранцами.»), «*Ei olluh до-моводство, opastin brihaččuloi traktorat, ei mielytit вовсе.*» («Не было домоводства, училась с мальчиками по тракторам, мне совсем не нравилось.»).

Инсерция по П. Майскену (23 примера). Среди примеров, иллюстрирующих смешение кодов, часто наблюдается применение падежной системы матричного карельского языка к русскоязычным лексическим единицам. В примерах встречается **инессив** (внутренне-местный падеж нахождения – где? В ком, в чем?, окончание -s): «*Vahnembat ruattih связис, а mama ruadoi доярка.*» («Родители работали в связи, а мама работала дояркой.), «*Vahnembat ruattih подсобнойс хозяйствос.*» («Родители работали в подсобном хозяйстве.»), «*Minä olin олимпиадас.*» («Я была на олимпиаде.»), «*...se opastuin vuuzi vuotta, sit vuuzi vuotta университетас государственнос зоотеникомуксе.*» («...там училась пять лет, потом пять лет

в государственном университете на зоотехника.»); **транслатив** (превратительный падеж – кем? Чем? Каким?, окончание *-kse*): *зоотеникомуксе* – «на зоотехника»; **иллатив** – внутренне-местный направительный падеж – куда?, окончание *-h*): «*Саоддиеках kavvyn, u suvaičín ven'alaštu kieldu.*» («Ходила в садик и любила русский язык.»), «*Minun pidäy lahtih internattah.*» («Мне нужно было ходить в интернат.»).

Также русскоязычные лексические единицы принимают окончание множественного числа в соответствии с нормами карельского языка: «*Midä kačotto televiizoral?* – *Novostit.*» («Что смотрите по телевизору? – Новости.»), «*Ken hyvin opastui sil annetteh нутёвкам.*» («Кто хорошо учился, тем давали путевки.»).

В словаре карельского языка есть множество слов, заимствованных из русского языка. В первую очередь это слова, связанные с советскими реалиями и бытом: колхоз – *kolhouzi*, совхозный – *sovhouzan*, актив – *aktiivu*, агроном – *agronoumi*, машина – *mašin*. Однако иногда карельские информанты использовали русскоязычную лексему, несмотря на существующие исконные карельские варианты, придавая им карельский «вид». Примеры представлены в виде схемы: фраза информанта – перевод на русский язык – уточнение исконной карельской лексической единицы:

• *май месяц, maijal* – *май месяц, в мае* – «май» в ливвиковском наречии карельского языка – *oraskuu*;

• *Minula on kolmea внуčka u yksi; правнуčka.* – У меня три внучки и одна правнучка; – *bunukku, vunutku* – карельские варианты слов «внук», «внучка»;

• *Minä elän yksine kois, родительской kodi.* – Я живу одна в доме, родительский дом. – «Родительский» – *vahnembien*;

• *Sit поступин техникума сортавальской, se opastuin vuuzi vuottu.* – Потом поступила в сортавальский техникум, училась пять лет. – Варианта «поступить» в карельском словаре не представлено, используется глагол *lähtie* – «пойти» в школу/университет. Здесь русский глагол приобретает карельское окончание 1 л. ед. ч. прошедшего времени; сортавальский – *sortavalan*;

• *Huõ oldih istin karjalažet.* – Они были истинными карелами; – *tovelline* – истинный;

• *Kačommo novostilo* – смотрим новости – *uudizet* – новости;

• *Muamo ruadoi skotnoil... voibi toižen sanuo «ферма», dojärkannu ruadoi* – мама работала на скотной... можно сказать «ферма», дояркой работала; – *žiivattu* – скот, *fermu* – ферма.

Конгруэнтная лексикализация по П. Майскену (26 примеров). Для конгруэнтной лексикализации характерно смешение двух грамматических систем настолько, что сложно определить, какой язык является матричным, – процесс, при котором билингв практически произвольно использует языковые средства двух языков. К конгруэнтной лексикализации можно также отнести и случаи частого переключения кодов в рамках одного предложения: «*Mielytit? Oi, kui sanuo-to, математика и русский больше.*» («Нравились? Ой, как сказать-то...»); «*Yksi tyttär, tyttär в Питере eläy.*» («Одна дочь, дочь живет в Питере.») – двойной показатель для передачи местного падежа: карельский инессив с окончанием *-s* и русский предлог *в*; «*Физкультура самое любимое oli, ну äijy oli*...» («Физкультура самое любимое была, ну много было...»); «*Ogurčat, зимние, зимние, как сказать, сами выращивают и сами солят, kapustat, ogurčat в этих бочках, siendy*...» («Огурцы, зимние, зимние, как сказать,

сами выращивают и сами солят, капусту, огурцы в этих бочках, грибы...»); «*Ven'alakse. A, opastin inglisi, u vse, u ven'al, u английский язык...*» («По-русски. А, учила инглиш, и все, и русский, и английский язык...»); «*чтобы лишь huvä, удобно*» («чтобы лишь хорошо, удобно»); «*Minä pidäy сметану, солу, ржаная мука, пшеничную пополам, масло сливочное и luain тостан. Потом pyree, kartohkat [keitan], с пюре делаю...*» («Мне нужно сметаны, соли, ржаной муки, пшеничную пополам, масло сливочное и делаю тесто. Потом пюре, картофельное готовлю, с пюре делаю...»); «*škola финский, финский kieli*» («школа финская, финский язык»); «*Minä olin olimpiadas, даже Petroskoï на математической олимпиаде. И учитель ainos minui sanoï: "Pidäy физмат, физмат".*» («Я была на олимпиаде, даже в Петрозаводске на математической олимпиаде. И учитель всегда мне говорил: «Надо физмат, физмат.»»); «*Minun tuatan дедушка oli... konzi... [ ]...sit minun... мой прадедушка, значит, luadii мебель čotua, huvie дворянам luadii, даже Moscovah...*» («Мой дедушка по матери был... когда... потом мой... мой прадедушка, значит, делал красивую мебель, дворянам делал, даже в Москву.»).

Также во время опроса информантов были обнаружены особенности грамматической интерференции русского языка, проявляющейся во влиянии его некоторых грамматических конструкций, искажающих карельскую грамматическую норму. Были найдены особенности в использовании внутренне-местного падежа в случаях, нехарактерных для финно-угорской языковой системы. С финно-угорскими топонимами, включающими в себя корень *järvi* (озеро), при обозначении населенного пункта употребляется внешне-местный падеж (адесив): *elän Jänisjärvel* (по сути: «Я живу на озере», потому что жить «в озере» нельзя). В ливвиковском наречии наблюдается влияние русского языка: топоним осмысливается как населенный пункт, и утрачивается логическая связь с изначальным компонентом «озеро». Так, в речи информанток было обнаружено повсеместное использование внутренне-местного падежа (инессива): *elän Jänisjärves*. Другой пример грамматической интерференции русского языка наблюдается во фразе «Я из России», для которой в карельском языке предполагается использование внешне-местного падежа «*Olen Ven'alpai*» («Я с России»). Однако практически все информанты и информантки использовали в данной фразе внутренне-местный падеж инессив, который более соответствует русскому «из»: «*Olen Ven'aspai*». Лишь две носительницы языка употребили грамматически корректное «*Olen Ven'alpai*». Еще одним примером грамматической интерференции является употребление конструкции «Я есть голоден» – «*Olen nälläs*». В карельском языке используется конструкция «У меня есть голод» – «*Minul on nälläs*», но из-за тесного многолетнего контакта с русским языком в ливвиковском наречии было обнаружено частое употребление русскоязычной по форме конструкции (лишь одна информантка употребила «*Minul on nälläs*»).

Таким образом, при анализе интервью русско-карельских билингвов были найдены 89 примеров, иллюстрирующих активное смешение и переключение кодов в их речи, среди которых были выделены числительные, даты, вводные слова, междометия, союзы, а также полнозначные лексические единицы. Среди примеров нередко применение падежной системы и норм образования множественного числа существительных карельского языка к русскоязычным лексическим единицам. Также наблюдаются случаи использования информантами русскоязычных лексических единиц при наличии карелоязычных альтернатив. В

некоторых примерах билингвы практически произвольно применяют языковые средства двух языков, и грамматические системы языков смешиваются настолько, что сложно определить, какой язык является матричным.

Заключение. Спонтанная речь информантов-билингвов содержит большое число переключений кодов. Использование лексем, описывающих достижения науки и техники, реалии Советского Союза, высшего образования не столь замечательно, чем регулярное использование русскоязычных слов, относящихся к бытовому общению, русскоязычных дискурсивных единиц, союзов, наречий, вводных слов и конструкций. Объяснить наверняка выбор в пользу того или иного языкового варианта представляется затруднительным, так как на это влияет множество экстралингвистических (социолингвистических и психолингвистических) и собственно лингвистических факторов, среди которых приспособленность языка для использования в разных социальных сферах, конкретная языковая ситуация (с кем говорит информант, о чем, зачем, какой родной язык у собеседника). На выбор языковой единицы того или иного языка могут влиять и глубинные психические процессы, которые особенно «неуловимы» в спонтанной речи, когда информант может использовать языковую единицу, которую он быстрее вспомнил. Однако одним из главнейших факторов остается престиж языка в языковом сообществе и желание каждого отдельного носителя обращаться к родному языку, а не к русскому, например. Повлиять на престиж языка можно путем государственных реформ, нормативных актов, распространения языка в системе образования, официальной государственной повесткой, увеличением количества СМИ на данном языке. Сами информанты зачастую сокрушаются, что язык исчезает, потому что применить его нигде. При этом в последние годы набирает силу языковой активизм, носители языков объединяются, ведут онлайн аккаунты, посвященные языкам, развивают систему языковых гнезд, сами изучают и преподают языки. Остается надеяться, что наблюдения, сделанные в ходе этого исследования, являются лишь фиксацией процессов, характерных для всех билингвов и описывающих лишь один из возможных вариантов существования языка, а не наглядным примером постепенного бесповоротного языкового сдвига.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эбзеева Ю. Н., Тутова Е. В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2012. № 3. С. 138–143.
2. Проценко А. Е. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестн. ВорГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123–127.
3. Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge; NY: Cambridge Univ. Press, 2000.
4. Всероссийская перепись населения 2010 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2023).
5. Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998.
6. Всероссийская перепись населения 2020 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 08.01.2023).
7. Некрасова Г. А. Дублирования в телевизионной речи коми билингва // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 73–81.
8. Ерофеева Т. И. Лексические особенности русской речи коми билингвов // Евразийский вестн. гуманитарных исследований. 2016. № 1 (4). С. 92–99.

9. Пунегова Г. В. Реализация коми мягких согласных в чтении и пересказе русскоязычных билингов // Родные языки в условиях двуязычия: сб. материалов V междунар. науч.-практ. конф., Сыктывкар, 25–26 октября 2018 г. Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2019. С. 305–314.

10. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.

11. Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 31.01.2021).

12. Atlas of the World's Languages in Danger // UNESCO. URL: <https://web.archive.org/web/20220215051145/http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 31.01.2021).

Информация об авторах.

Еришов Александр Александрович – аспирант кафедры физической электроники и технологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: радиотоника, интегральная оптика, языки народов России.

Иванова Виктория Андреевна – магистрант (2-й курс, лингвистика) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, миноритарные языки, гендерная лингвистика.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 31.07.2023; принята после рецензирования 06.09.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Ebzeeva, Yu.N., Toutova, E.V. (2012), "Code switch problem and language contacts", *Russian J. of Linguistics*, no. 3, pp. 138–143.

2. Prozenk, A.E. (2004), "Problem of code switching in foreign linguistics", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 123–127.

3. Muysken, P. (2000), *Bilingual speech: a typology of code-mixing*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.

4. "All-Russian Population Census 2010" (2010), *Rosstat*, available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 08.01.2023).

5. *Komi yazyk. Entsiklopediya* [Komi language. Encyclopedia] (1998), Fedyuneva, G.V. (ed.), Izd-vo DiK, Moscow, RUS.

6. "All-Russian Population Census 2020" (2020), *Rosstat*, available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 08.01.2023).

7. Nekrasova, G.A. (2013), "Duplications in television speech of Komi bilinguals", *Language and Culture*, no. 3 (23), pp. 73–81.

8. Erofeeva, T.I. (2016), "Lexical peculiarities of Komi bilinguals' Russian speech", *Evrasiiskii vestnik gumanitarnykh issledovaniy* [Eurasian Bulletin of Humanitarian Research], no. 1 (4), pp. 92–99.

9. Punegova, G.V. (2019), "Realization of Komi soft consonants in reading and retelling of Russian-speaking bilinguals", *Rodnye yazyki v usloviyakh dvuyazychiya* [Native languages in conditions of bilingualism], Syktyvkar, RUS, 25–26 Oct. 2018, pp. 305–314.

10. *Naselenie SSSR: Po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g.* [Population of the USSR: According to the All-Union Population Census of 1989] (1990), Finansy i statistika, Goskomstat SSSR, Moscow, USSR.

11. *All-Russian population census 2002*, available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 31.01.2021).

12. "Atlas of the World's Languages in Danger", *UNESCO*, available at: <https://web.archive.org/web/20220215051145/http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (accessed 31.01.2021).

Information about the authors.

Alexander A. Ershov – Postgraduate at the Department of Physical Electronics and Technologies, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: microwave photonics, integrated optics, languages of the peoples of Russia.

Victoria A. Ivanova – Master Student (2nd year, linguistics), Saint Petersburg University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: language policy, minority languages, gender linguistics.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 31.07.2023; adopted after review 06.09.2023; published online 20.11.2023.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
  - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
  - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
  - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
  - УДК (выравнивание по левому краю);
  - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
ПЕРВЫЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ

Гуманитарный факультет объявляет о проведении
1–2 февраля 2024 г.

**XXI Всероссийской научной конференции
с международным участием
«ИНФОРМАЦИЯ – КОММУНИКАЦИЯ – ОБЩЕСТВО»**

Работа секций будет осуществляться по следующим тематическим направлениям:

1. Философские измерения современных (де)глобализационных процессов.
2. Динамика социальных и политических институтов современной России.
3. Профессиональные коммуникаторы и искусственный интеллект: перспективы взаимодействия.
4. Современные подходы к исследованию лингвистического материала.
5. Актуальные тенденции исторических и правовых исследований.

В рамках конференции планируется проведение круглого стола:
«Гуманитарные и социальные исследования в эпоху нестабильности и противостояний»

Наше кредо

- ✓ *Открытость тематики и проблематики конференции любой профессиональной интеллектуальной инициативе.*
- ✓ *Стремление к совмещению в едином интеллектуальном пространстве различных подходов и позиций.*
- ✓ *Диалог представителей разных профессиональных научных сфер, школ, направлений.*

Место проведения конференции

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 5, 5-й ауд. корпус.

Проезд: ст. метро “Петроградская”, авт. 128, трол. 31 до остановки “Улица Проф. Попова

Контакты

Тел./факс: (812) 346–47–83 (доб. 25)

E-mail: ИКО.XXI@gmail.com

Сайт: <https://ics.etu.ru>

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *I. A. Orlova*

Подписано в печать 21.11.23. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,57. Печ. л. 23,6. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 151.
Цена свободная.

Signed to print 21.11.23. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24.57. Conventional printed sheets 23.6. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 151.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56